

Владимир Крайнев

**ЖИЗНЬ МОЯ, ИЛЬ ТЫ
ПРИСНИЛАСЬ МНЕ**

Роман

Санкт-Петербург

2022 г.

Крайнев В. В.

Жизнь моя, иль ты приснилась мне... / Крайнев В. В.,
– Санкт-Петербург. – ООО «ГАЛАНИКА», 2022. – 132 с.

ISBN 978-5-6048381-2-9

© Крайнев В. В., 2022

А вступление этого романа и написала Тамара Ивановна Краснова:

– «Светлой памяти моих родных посвящается...»

Ушла по солнечной дороге,
Название которой – жизнь
Она меня учила строго:
Лишь Бога бойся, и – держись.

Трудись, молись, но край родимый
Ты никогда не забывай
Вернись домой, в лихую зиму,
В глухую ночь, вернись в свой край

Не дай земле своей забытой
Ни зарастать, ни пропадать.
Постом, отчаянной молитвой –
Спасись и помоги ей встать.

Кровинушке родной стороне
Верни былой красы размах,
Чтоб голоса детишек звонко
Звенели вновь в своих домах.

Ну, где же силы взять такие?!
Кричу, отчаянно молюсь.
И здесь, на маминой могиле,
Я обещаю, что вернусь.

Вернись! Ты только жди, надейся.
Вернись! И приведу с собой
У тех, чье не сгорело еще сердце!
Дождись меня, мой дом родной.

«Прощание словянки»

И только когда на всем майском небе, ясным и пронзительно до боли, усыпанном цветущими яблоневыми ветвями, сплошь залитой кипящей роскошной пеной обильного цветения яблоневого и цветения, проступили по всей его необъятной глубины черные, горючие и прегорькие слова: «Не стало мамы».

Я не сразу постигла смысл этих слов: «Мама умерла».

У меня в моей голове ясно и неотвратно пронеслось: «Следующая очередь за мной...»

А ведь до этого мгновения жизнь-то не прекратилась: «Все так же чирикали вороны, носились и хлопотали ласточки, мчались машины по дороге, плыли корабли».

Шумели водопады и росли могучие леса. Шли и смеялись люди. Да много происходило интересного на нашем белом свете. А я-то понимала, что моей мамы уже не будет на белом свете.

Вот я тут и поняла, когда наступает жуткое состояние и ощущение, что нахожусь сама между жизнью и смертью. И раньше меня тоже подкосило лет пять назад.

Это был какой-то обрыв, резкий и одновременно непонятный и до сих пор. А может быть это было вознесение смертно испуганной души? Или это исступление непонятной тоски? За что и почему?

Дом прибрали, собрали чемоданы. И не на каких-то два-три дня на месячный отпуск. В чемоданах много легких и светлых сарафанов. Холодильник опустошен и вычищен до блеска, билеты на столике. Взяли для десятилетнего сына «Мурзилку». Но было, было предчувствие беды.

Тарелка разбилась у Колюшки в руках, пополам. Одолевала тоска. И она даже стихотворение ему прочитала:

«Человек на спине лежал
А комар над ухом жужжал.
Накатилась уже жара
И пошел на него и сплин.
Человек убил комара!
И ... Остался совсем один»

Но Тамара припадала ухом к земле, просила и молила каждую травинку, лепесток, стебелек. Услышьте меня и спасите.

Особенно просила я накануне упорно: «Давайте не поедем мы на автомобиле. А пока все приготовлено и продумано. И глубоко и спокойно уснула. А утром меня кто-то, как будто разбудил. Страх опять ухватил меня за горло.

Но мой муж Владимир проснулся и проворчал:

– Вечно тебе не спится, рано еще.

Но уже автомобиль мчался по дороге Санкт-Петербург – Ладога. И в Череповец из командировки возвращались четверо ребят. И только один из четырех, уснул на рассвете, спал сладким и крепким сном, прислонив голову к стеклу, на заднем сиденье с левой стороны.

А сзади мчался другой автомобиль. И он, обгоняя их, врезался и паренек получил мощный удар в голову. И это был ее сын – Николай.

Вот откуда была весть и эта тревога о гибели сына черной стрелой и прилетела из Череповца. 15 лет назад сын уехал поступать в Высшее военное училище Лейтенантом подбирал крепких и толковых ребят.

И вот уже из Беларуси летел крик матери. И этот крик был как удар сабли острой-преострой. И пере-переполненный нечеловеческой болью: «Почему?»

А там, где встретила ядовитая стрела и материнское сердце – Там теперь только снег. Не растет там трава и снег не тает ни-ког-да. Там, как после атомного взрыва, просто все черно и пусто. Там просто черная дыра, с обломками в виде ягод и грибов волчьих, прикидывающихся лесной земляникой.

И вот Тамара пишет стихи:
Не стало сына, где ты мой сынок?!
Платочек с кровью, в узелке – песок...
Разрезали меня, зашить забыли.
Живую без наркоза наяву
Ах, если б знали вы как больно было.
Как жить? Ходить? Дышать?
А ведь – живу...

Тамара проехав тысячи километров через знойный июнь из Витебска до Череповца, а летом была нестерпимая жара, стояла в морге и обнимала голову сына, русую с золотыми кудрями и целовала его «спящего» и все спрашивала: «Почему?»

Ведь все же остались живыми. А он получил удар смерти. А смерть пришла во сне и потому на его лице застыла светлая улыбка и безмятежность. А ее вот сердце разрывается: «Почему? Почему? Почему?»

Ей не было сил дышать, говорить, ходить, смотреть. Не было уже сил даже жить... И она меланхолично читала как молитву:

Дыши, дыши, дыши!
Дышу, дышу, дышу!
Пиши, пиши, пиши!
Пишу, пишу, пишу!

Кричи, кричи, кричи!
Кричу, кричу, кричу!
Молчи, молчи, молчи!

Молчу, молчу, молчу.

И опять вопросы и вопросы: «Почему и куда уходит человек? Кому это надо, чтобы жизнь наша была такой вот короткой? Почему умирают молодые и юные, не успевшие порадоваться жизни, вырастить детей, построить дом, посадить сад? И почему умирают совсем маленькие дети. Почему люди убивают друг друга?»

А сколько матерей, потерявших детей, стонут, плачут, в слезах горьких вопрошают, устремляя взгляд свой в небо, в его синеву бесконечную слово Богу. Иначе бы не выдержал ни один предел и граница этих взглядах и этих вопросов: «Почему?»

Ее дорога вилась между полей лугов и перелесков. Стожки клевера были удивительно похожие на те, из нашего детства. Они подмигивали мне и приветствовали наперебой:

– Здравствуй, Томочка. Ну вот и приехала ты наконец! И это твое детство!

Здравствуй, наша умница, наша маленькая девочка! Как долго тебя не было.

– Да где же ты долго была? И как ты жила без нас?

А березки у обочины наперебой шептали, голосили и выговаривали:

– Ведь говорила, что любишь нас. И в самом деле ты нас любишь, если приехала к нам издалека. Из этой жизни, с другими людьми.

А Тамара им ответила:

– Да как де другими? Это моя семья. Мои дети и внуки, муж, вся родня, друзья... Моя жизнь уже там в Беларуси. Вот там и моя любовь.

В воздухе повисло молчание, но... посыпались вопросы: «А что же ты тогда ищешь здесь? Почему ты здесь?»

Тамара улыбнулась и сказала:

– А вы вот послушайте:

– Что бродишь по полищу?

Что ты плачешь в родном краю?

Что отчаянно горько ищешь?

– Ах, ищу я тут – жизнь свою.

Дни влюбленности золотые

И свидания первого свет.

Только избы давно пустые.

Ни следа и ни звука – нет.

Нежно глажу крышку колодца,

В нем давно зацвела вода.

Где-то там, на дне, встрепенется,
Отзовется моя беда...
Она канула в эти недра
И уснула на самом дне

Вот опять не хватает неба,
Не хватает воздуха мне.
Только ветер! Зеленый ветер!
И вселенский, зеленый шторм!

Мимо жизнь в золотой карете.
Не поможет ни что и никто.
Мою молодость – хоть глазочком,
Увидать...где любовь моя?!

– Ма-ма! – мне закричала дочка!

Оглянулась, а это – я.

Женщина засмеялась и сказала:

– А-а-а! Ты приехала на Спас? Так это же праздник у нас престольный! Пора пришла и ты приехала за медом?! А ты и раньше мед-то любила. И всегда увозила его с собой. Это родной, ни на кого не похожий мед! Да-да, наш Лунковсковский Суловско-Шенятинско-Брянский мед.

– Тото же, ведь отсюда твои предки. Как спокойно они у тебя спят в земле под березами...

Да вот так просто и понятно говорит со мною все: трава, березы, клевер, подорожник, каждая былинка. Посетители?

А она Тамара в голос им говорит:

– Да-да, я приехала на родину. Я уже была на могиле у матери. А теперь хочу пойти и найти могилу деда Антона. Мне-то было девять лет, когда он умер.

И это была моя первая потеря и первая встреча моя со смертью. Для меня тогда это была страшная тайна, с которой я вплотную, всем своим разумением крошечным пониманием жизни.

И она тогда меня и потрясла, девятилетнюю девочку. Тогда я не смогла понять постичь и принять...

– Вот и все. Вот что тогда было, но ничего не осталось от моего деда Антона. Труженика и молитвенника. Мудрого и терпеливого. А церкви в нашей деревне не было. И до ближайшей церкви надо было отмахать верст сорок. А молиться дедушка мой Антон, молиться умел. Говорил он тихо, кротко, наедине только ему ведомым и слышащим Всевышнего.

И в любое время суток, при любом деле, молился Антон молча, но непрестанно.

Я тогда сказала ему, моему дедушке:

– «Деда! Как и о чем ты молишь Бога? Ведь церкви-то у нас нет...»

– А дед Антон, как просветленно улыбнулся мне, погладил меня по голове и ответил. Но я тогда еще и не поняла. И лишь теперь, на закате уже моей жизни, мне стала ясна простая суть его ответа. И он сказал мне дословно так:

– «Вся моя жизнь, дочушка, это и есть молитва. А о чем? О самом главном для человека, для родной земли. О мире и хлебе. Чтобы был у нас с тобой достаток. Заботиться о детях и внуках, чтоб жили в здравии. Не надо забывать и о нашем Отечестве многострадальном. И чтобы никогда у нас не было голода и войны».

У меня опухло от слез лицо. Ведь никогда я о смерти не только не знала, что понимала о смерти... Но потом я поняла: «Был обрыв. Конец всего ясного, теплого, радостного, что казалось, что это будет вечно существовать».

Умер дед Антон, который меня вел за ручку в нашу крошечную страну, которая называется Бог. И это он мне читал долгими зимними вечерами Библию – Книгу книг...

На всю жизнь она и вошла в мои яркие впечатления своими мудрыми его и прекраснейшими, поэтическими словами и образами.

И открывалось мне это чудо невероятное там, на деревенской печи, где читались эти книги в долгие зимние вечера. На большой огромной печке, которая была для нас самым главным местом и для сна и игр и целым миром...

Но крепко запомнилась мне и фраза: «В начале сотворил Бог небо и землю». Да вот так. Сначала Бог сотворил небо, в потом уже землю, чтобы лучше смотреть с неба на нашу Землю. Особенно в минуты отчаяния и потерь!

«И увидел Бог, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы».

А я понимала: – «Бог отделим, а значит вновь придется человеку, в том числе и мне молиться о мире и хлебе, чтобы был в доме достаток, о детях и внуках, которые бы жили в здравии и многострадальном благополучии нашего Отечества и чтобы никогда не было войны».

Посмотрела в зеркало: «Лицо опухло от слез. Но понятие смерти, как таковой, все-таки не существовало. Это был просто какой-то обрыв. Но до сих пор мне, кажется, весь мир у нас яркий, сочный, неутомимый и прекрасный! Почему? А как же смерть человека?»

– Да умер дед Антон, который вел меня за ручку в крошечную страну – которая называется Бог! Это он, дедушка, читал мне вечерами, долги-

ми и зимними вечерами Библию – Книгу Книг. Вот оно на всю мою жизнь детские яркие впечатления со своими удивительными, мудрыми и прекрасными, поэтическими словами и образами!

И открылось это чудо на нашей больной и огромной печке, которая была для меня и бабушки местом для сна и игр, но главное для наших разговоров и целым миром.

«Вначале сотворил Бог небо и землю».

Но сначала-то все небо, а потом нашу землю! Чтобы живущие на земле теперь смотрели и на небо, особенно в минуты отчаяния и потерь.

И опять Тамара Краснова шепчет как молитву: «И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы!»

Да Бог отделил. И значит превратить теперь все в хаос уже не сможет. И понимал это и я!

А когда я засыпала, думая, как хорошо все-таки жить на этом свете, особенно когда рядом живет мой дед, такой мудрый, добрый и жизнерадостный.

И мы путешествовали с ним по волшебным страницам мудрой книги, которая стала навсегда моим учебником и учителем, путеводителем и спасителем...

А за окнами, занесенные снегом почти до крыши, нашу маленькую деревянную хатку, свистела вьюга, бешенная пурга и все сметала на своем пути.

Зато на печи под светом керосиновой лампы расцветали райские сады. – «Сначала было слово и слово было у Бога. Через него и было начало быть и без него ничто не начинало быть и что начало быть».

– Мне казалось тогда – это будет вечное тепло, печка, вьюга – но темно за окном. А добрый, милый и умный дедушка и любящий меня дедушка Антон – рядом...

Но пришла весна и уже на вербах желтыми птенчиками, пышечками набухали. И когда уже так сладко повеяло наступление тепла и пробуждение тепла и пробуждение природы, дедушка взял и ... умер! 9 марта. И мне было девять лет. И три девятки... Но его уже не стало на этом свете.

Мое сознание поразило: «Оказывается, что наши любимые родственники умирают!... Но почему? И всевозможные почему, то более, то менее драматическое – удивляя и отрезвляя. Но потом меня преследуют уже всю жизнь, выплывая става откровения...

Тамара позже подумала и свои эмоции «переплавляла в стихотворную форму»:

Почему не ложатся на землю?
Почему они в небе, как птицы парят?
Почему и куда отступают метели?
И сиянье небес, ручейки и моря?...

Почему только в мае кукует кукушка?
И считают года... Говорят, а кому?
Почему так: «Люблю я из детства игрушку?
Самодельную куклу – никак не пойму?»

Я люблю не дворец, а лишь дом в три окошка
На окошках краснеет, белеет герань
На завалинке дремлет с котятками кошка
Босиком я вступаю в рассветную рань!

До зари! Чтобы встретить ее и приветить.
Вот моя панорама – крыльцо и окно!
Дрогнет занавес ночи. И робко осветит
Первый луч землю тихо. А вот и оно! –

Солнце! Чуть опять показалось снова чудом. –
Сквозь лазурь, что налита в прозрачный стакан
Утро... Вспыхнет! Сверкнет! Полыхнет изумрудом!
И, приветствуя, светом нальется река!

Я всю жизнь неизбежно хотела
Уложить этот свет на невиданный холст!
Только красок таких не нашла. Не сумела...
Много лет мне, но снова, все тот же вопрос:
По-че-му?

Тамара Краснова написала это стихотворение не сразу, а когда прошло несколько лет.

Но так красиво написать, да еще и эмоционально, я никогда не слышал. А у Тамары это была лавина, вроде бы как симфонического оркестра.

А тогда вспоминала Тамара Краснова: – «А тогда, десять лет назад отроду, без милого и любимого деда Антона, совершившего мне тогда такую радость и открывшего мне сказочный и прекрасный мир, но теперь уже без меня на белом свете».

Деревни, поселки, со знакомого до боли в груди осколком «Почему» я и жила с тех пор – это из детства где все уже было другим.

А сколь рыбы тогда было у нас?! Но было детство не только у меня. Но вот и Луньки. И это поселок где я родилась и росла, училась. Откуда я уехала учиться в техникум в районный центр.

Но опять же после всего этого моя мама вышла замуж и уехала от меня навсегда в деревню Щепотино. И жила там до конца своих дней.

Моя золотая мамочка, которую любили жители со всей округи, была учительницей, умницей и... мученицей. Почти тридцать лет она прожила в инвалидной коляске с искалеченными.

Но всегда на вопрос: «Ну как там твоя матушка?» То моя мама бодро отвечала: «Отлично! Сижу прямо как вбитый гвоздик!» Так что мне вот так!

Причем голос моей мамы звучал неподдельно счастливым, что все ее соседки улыбались и говорили: «Ну и слава Богу. Ты у нас молодец!» А она всегда им отвечала: «Как соленый огурец».

И вот уже на горизонте Суслово! Какое же было большое село. Там раньше была средняя школа и больница. Отсюда родом и родители моей мамы – дедушки и бабушки, прадедушки и прабабушки.

На Сусловском кладбище могилы пра-пра-пра... И среди них и моей прабабушки Матрены. Мне де земляки говорят, что она была очень известной «ведуньей» и знахаркой. И лечила она ль хворей и телесных и душевных. И то и другое у нее получалось.

При этом жила она в землянке и кормила десятерых детей. Когда же после войны стали в селах отстраивать хаты. И она прошла пешком сорок пять верст в район, чтобы получить для себя делянку. А потом сама же рубила лес. И волоком на себе, без всяких лошадей и волов.

Вот и тащила на себе по бревнышку. Из леса и до своего села. И добилась и натаскала для добротной избы. Но с любовью кормила и своих детей постной картошечной похлебкой. Но дети росли и помогали своей мамульке. Потом она молча оттолкнула миску в сторону, легла на постель и уснула... На веки.

Теперь она спит на Сусловском кладбище. На ее могилу к ней приходят и приезжают люди издалека. И холмик над ее могилой густо покрыт ковром спелой и сочной, как капельки крови, земляники.

И если подержать руки над этой могилой, то можно почувствовать тепло... И имя ее живет!

Есть еще один парадокс... Когда человек приходит к ней с чистым сердцем и искренней верой и просит по своей простоте святой и нищей от страданий и тягот души, то огонь тепла усиливается и в ладонях, буд-то бы, огонь появляется.

Вот и идут исцеляться люди на ее могилу. И некоторые получают дар – души свои укреплять и недуги исцелять.

Село Локоть некогда имело статус районного города. А сам город назывался Брасовое, по названию железнодорожной станции. Вот край он был Брасовским.

Но потом поселок Брасово слился с городом Локоть. И с того времени центр района и стал Локоть, а район так и остался Брасовским.

И в этот городок, по нынешним меркам небольшой, съезжались и стекались, как ручейки, люди из разорившихся и исчезающих с лица земли наших сел и деревень.

Вот там-то и покоятся мои дед Данила и бабушка Вера, потерявшие семерых детей, кроме моей мамы. Но там живут, к сожалению, мои двоюродные сестра и брат.

А дед Данила был мастером на все руки: «Пасечником, садоводом, печником, валяльщиком и шорником». Да «басня была про Данилу»: – «В понедельник – Данька мельник, а во вторник – Даня – шорник. С среды до четверга Данька в горнице слега. А потом уже пятница так и катится, так и катится... А субботу, а субботу Даня ходит на работу. Но наступает воскресенье и для души его – спасение!»

Но вернемся про деда Данилу. Полушубки, выделанные им из овчины, он разводил и овец, им же скроенные и ладно сшитые, сносу не знали. И если быть на чистоту, то наши дубленки по красоте современные эти дубленки никогда и в подметки не годятся.

Ах, какие он печи выкладывал! Дворцы! От вязанки дров хату согревали за полчаса. И горячие кирпичи стояли целые сутки. В любые морозы у нас в хате было тепло и уютно с такой-то вот печкой.

А сад какой? По семьдесят корней Груши – дули весом с добрую овечью голову, а янтарно-золотые яблоки: малиновки, антоновки, коробовки... Но таких уже яблонь нет...

Но больше всего дед владел искусством одарять и раздавать неисчислимыя богатства, которые валились, за его неустанный труд. И на гостеприимный дом. Но особенно – мед!

А вот бабушка Вера была всегда на страже. Она тоненьким карандашиком, такого тоненького, что другого такого не найдешь, бабушка Вера чертила «рисочку» на бочке меда. Но заметив, что меда становится все меньше и меньше, то задавала деду нагоняй...

Но это было до тех пор, пока дед не сообразил. Он стал стирать эту черточку и рисовать новую.

Вот тогда и бабушка Вера, в свою очередь, сообразила прятать карандаши к себе в поясок, в один из многочисленных карманов, для хранения сокровенных ключиков, предназначенный только ей.

А моя мама, будучи малышкой лет пяти-шести, своего отца и моего дедушку Данилу, выручала.

Карандашик, по милостивой просьбе отца, выгаскивала карандашик тихонечко у матери.

Но после умно и хитро проделывала процедуры, по одариванию очередного просителя. Или болеющего человека у которого не было пасеки.

А карандашик выполнял свои задачи и отправлялся в поясок-карманчик вездесущей бабушки Веры...

И мед продолжал удаляться потихонечку. Но это же сразу не заметишь... Даже с карандашиком.

Об этом я написала стихотворение «Данилина земля». Которое вошло в поэтический сборник «И... слезы первой любви». А эпитафией стали слова Анны Ахматовой: «Мы ложимся в нее, и становимся ею, потому и зовем эту землю своею».

И Тамара Краснова стала декламировать:

– Была земля бесплодная, сплошь глина
В Луньках она так и звалась – Бугор.
Но мой горбатый дедушка Данила,
По Каменной был мастером в Одессе,
Там и нашел своей горб, сбирал топор,
Колеса, доски, мастерила возок
И день и ночь катал, сажал, волок.

Хозяйства на Луньках так скудны были.
Копаться в глине люди не любили.
Никто в отдачу там не верил
И жили откровенной голытьбой...
Но к бабушке моей, хозяйке Вере,
Ходили: «Дай рассольчика!» зимой.
Капустки-то стеснялись, но просили...
Но дед Данила сам давал с лихвой!

– Зря, Федорович, силы собирать
Какой на этой глине огород?
Все сетовал, сочувствовал народ...
А дед рыхлил, сажал и поливал.
И вырос – сад! И яблони и груши
До неба возносили пышный цвет...
А в августе кто только их покушал
Тех яблочек, под названием Ранет!

А груши золотые-золотые,
И с пасеки янтарный чистый мед.
А дед мой приговаривал: «Родные!
Берите!» Так и помню – раздает:
Налево и направо – бедным и нищим,
Просящим, не просящим, дал же Бог!
И в доме нашем не оскудела пища,
Трудом давался изобилья рог...

Трудились всей семьей: «Он, дети, внуки».
У дедушки никто не жил от скуки.
Все понимали, знали счастье где –
Оно, желанное, в неистовом труде...

Да, мудрая была «муза», жена и подруга жизни у деда Данилы
Моя бабушка Вера. Она очень редкая хозяйка на всю округу.

Но она, в отличии от деда, осталась в памяти односельчан, правда некоторых, скуповатой... Но на мой взгляд но справедливой... Да и поэтому далеко не все не понимали ее...

Нет, моя бабуля была необыкновенно хозяйственной и бережливой. А жадной она осталась в памяти, чьи ум и сердце у них были ленивы просто-напросто.

Но к бабушке Vere приходила вся округа за утварью. Ведь у нас в хозяйстве было все! И она им никогда ни в чем не отказывала. Но зато была строга к нерадивым...

Как-то сосед Демьян вся у нее шерстяную домотканую попону, чтобы во влажную непогоду надежно укрыться ею.

Он недели две попону не возвращал, а когда принес ее – сырую, грязную, заплесневелую кинул ее небрежно около двери и ... быстренько скрылся с ее недоразуменных глаз. Видимо и ему неловко стало...

И это было для моей бабули просто хамским ударом. Ведь она даже любое ветхое полотенчико кипятила до бела. А тут грязь...

Но она не сказала ему ни одного словечка, ведь она была мудра и справедлива, терпелива. И трое суток провозилась с попоной. Она отмывала попону, выжаривала ее в печи и на солнце и по ветру да и выветривала...

Суконная попона хоть немножко и села после этих манипуляций, однако стала вновь добротной и хорошей вещью. А в сельском хозяйстве незаменима для любого извоза. В холодную пору без такой попоны нельзя отправляться в стужу зимой...

И вот приходит к ней Демьян:

– Баб Вера, дай попону, в извоз я опять собрался.
– Жадная ты, баб Вера, все вот говорят...
– Да, Демьян, я жадная. А вот ты у нас не жадный. Ты у нас очень добрый Демьянушка. И раз ты такой добрый и щедрый, то одолжи мне твою попону. Ведь ты же свою попону соткал, пошил, бережно хранил, чтобы в лютый мороз она бы тебя согрела...

Ничего не ответил Демьян и ушел не солоно хлебавши...

Суслово уже позади. Мы едем дальше и ищем дорогу, до моей родной деревни Щенятино. А в ней там погост, на котором спит дедушка Антон, чей уход был первой смертью, встреченной в моей жизни...

Только помню тот крест, а от креста виден и луг, и половежье.

Подъезжая к кладбищу, она уже продекларировала свое стихотворение:

Я деда помню очень плохо,
Но, странно, помнится тот день,
И в зарослях чертополоха
Креста оструганного тень.

И помню было тихо, слышно:
«Пел лес, торжественно и пышно,
Вода спадала по лугу,
Теряя мусор на бегу.

Сугробы глины желто-черной
Зеленый дерн ложился ровно
И куст сирени, и цветы
Сажали мы для красоты...

А моего отца перевели в область. По совету священника мы взяли земли с могильного холмика деда и которую потом после высыпали ее в областном центре его половине – бабушки Алене. Там и памятник поставили... Один на двоих. Там и поминали и цветы сажали – обоим.

После этого визита в деревню лет десять из нас никто не приезжал. А мой отец после войны стал инвалидом. Сначала контузия, а затем и амнезия – потеря памяти. И он уже ничего не мог поделать...

Но мы-то были его детьми. Мне было 12 лет, а сестрам 11 и 5 лет.

Как впрочем и не нас одних. Война всю страну нашу перекроила и разорвала на части по живому. И все же... Мы виноваты в том, все мы, как себя не успокаивай и не уговаривай совесть нашу, свою родную.

Но желание посетить деревню, она уже брезжит и стихотворение на эту тему она уже приготовила и говорит:

Я поеду, поеду домой этим летом!
Поеду в деревню, которой нет.
И мне в душу заглянет зрачком пистолета
Печная труба через крышу скелет

Только хата моя никуда не пропала
И под старой ракитой так кротко стоит
Это по миру я, это я заплутала...
А вот хата моя, в два окошка глядит.

Это я, как немой и пропащий Герасим.
А вот хата все смотрит... глазами щенка.
Даже «с камнем на шее» не гаснет, так ясен
Тот взгляд... Сквозь страну, сквозь вину, сквозь века...

Я поеду! Поеду домой этим летом!
Да поеду, мне б только дорогу найти!
...Только стежки засыпаны снегом и светом
Но и в детство свое никому не войти...

А вот уж и крайний дом. И дальше дороги уже нет. Мостик, через умирающую речушку, провалился. А вокруг болота. Спросить надо, а вдруг знает кто...

И задаю я вопрос уже очень пожилой женщине:

– Бабушка, скажите, пожалуйста, как проехать до деревни Щенятино? Нет ли другой дороги?

Бабушка лукаво, с прищуром глаз отвечает вопросом на вопрос:

– Щеня-я-ятино? Да вы кто такие будете?

– Да я дочка тамошней учительницы Александры Даниловны и председателя колхоза Ивана Антоновича дочка, может помните?

И женщина запела соловьем, заворковала. Ее речь заворожила и заполнила до краев наши полусонные от страдания души. И воскликнула:

– Господи, Боже ж мой, счастье-то какое! Томочку я же ихнюю нянчила. Маня – я! Не узнали? А Ивана Антоновича как же мне не знать-то? Его все помнят, любят, а то как же... Какой был человек! Все наши деревенские с им здоровались, шапки снимали при встрече, так уж уважали. Такой уж добрый он был председатель. Людей после войны очень шибко жалел.

Потом колхоз поднимали. Ни одной хаты не осталось. Все спалили фашисты. Да и председатель сам в землянке жил... А ты сама-то кто будешь-то?

– Манечка моя, родная, да я и есть Тамара.

И она бросилась обнимать бабушку, загоревшую, маленькую старушку. Которую с первого взгляда не узнала. Некогда молодую и красивую мою Маню.

У нас полились слезы радости, плакали, обнимались, а потом Маня сказала:

– Томочка, да ты и сама в той землянке родилась. Половодье такое было и я запомнила день – 1 апреля. А вода дома по стенам текла. Страх-то какой. Неописуемый. А вот батя твой, Тома, жалел людей. Не позволял жиды рвать, а говорил им, вы спокойно и помаленечку делайте. Но настойчивый.

Никто от него слова ругательного или крика, не слышал. Вот мы все и любили его за эту выдержку. Зато районное начальство все придиралось к нему, пока его не сжилили, не сняли с его места... А Александру Даниловну чего с собой не привезли? Неужели она уже ножками так и не стала ходить?

Маня сделала передышку и опять продолжила свой разговор со мной:

– Запомнила я, Тома, как школу у нас строили. Холодно было осенью после войны-то... Вот и глину месили холодной водой, и месили. Вот и застудила она свои рученьки-ноженьки. Ай-яй-яй! Горе-то какое. Совсем расхворалась. И вот человек прикован к инвалидной коляске уже тридцать лет. А мы думали, что ей сносует не будет. Но...

А пока не захворала, ходила за пятьдесят верст, аж из Локтя на себе глобусы, книжки, тетрадки носила. Хоть у нее муж был у нас и председатель, она никогда не просила у него лошадь-то.

Но как попросить лошадь-то? После войны, ведь на весь колхоз лошадок-то было три-четыре... А сколько работы на поле? Ой-ей-ей...

– Но умерла моя мамочка и Маня умерла и Даниловна этой весной.

– А вы захотели на Спас приехать?

А Маня меня так понимала, так все видела до доньшка. И ничего ей не надо было мне объяснять, как и тогда в детстве...

А я долго уговаривала своих домочадцев о необходимости этой поездки. А в ответ мне были ахи и охи, далеко, дороги нет, не погода. Да дел у нас дома куча. Зачем все надо это тебе?...

Зато как легко и просто поняла меня деревенская женщина. Да и какая же Маня бабушка? Она до сих пор труженица и мне родная, хотя уже прожила целую жизнь в этой разлуке забываемая моя Маня.

– А ведь А ведь прошла с той поры целая вечность. Но не бывает это вот так. Это не сон и не сказка. Вот они тихие скромные хатки. Но их так уже мало. Ведь было четыреста дворов с лишним в соседний, а теперь уже крайний деревне Турищево. А нынче – дворов 40. Оттуда уже километра

четыре. А отсюда – целая пропасть. И дороги нет, ни травой ни лесом. Век и кустарник все тропки заплотонил... Все проросло...

А она снова дает мне совет!

– До Щенятины не доезжайте. Да и зачем это вам. Вон они все там на горочке, во-он оно ихнее кладбище, но пополам с Турицино неужто за-бы-ли?...

Пыль такая легкая... Такой не бывает больше нигде на нашем свете. Чернозем, высушенный до состояния золы, Мягким пухом ласкает мне ноги, поднимается и обволакивает мои ступни. А солнце бездарно палит...

19 августа. Яблочный Спас ступал по земле. На которой не было более сорока лет своей короткой, но очень большой. Теперь-то я все осознала ясно и стала понимать жизнь...

А меня не забыли и помнят, любят и ждут. И я здесь – Томочка! Да, да, только здесь! Ах как здорово, почувствовать себя дома, хоть на мгновение. И хоть одним глазочком испытать свое детство...

Да, да там где «кличут», ругают, зовут, обещают отлупить даже... И кричат: «Тома! Домой!»

А теперь... Потом уже всюду и всегда, как и положено называют меня по имени и отчеству. Но Маню уже никогда не забыть и я пишу для нее стихотворение, а потом читаю этот стих Мане:

Мою няню звали Маней
Платье синие го Сатина.
Вышла замуж, стала мамой,
Семерых детей растила.
И косила и пахала
И коров а надоила
Все потом, как мамой стала,
А пока за мной ходила...
Сама девочка, подросток
А уже мне мамой стала...
И любя светло и просто,
Маня песни певала
Раз морозную зимою
Повела к себе домой
Замели сугробы хату
В хате печка, рыжий кот
На стене стоят ухваты...
За дверями стынъ и лед
А в окошечке, за рамой
Захватило, помню дух
Белок-розово-сусальный

Гудный, сказочный петух!
Он играл, сиял, как пламя
Всеми красками огня:
«Вы возьмите меня в руки!»
Уговаривал меня...
Я и плакать и просить-то:
– «Няня Маня, ну достань!»
– «До весны окно закрыто.
Жди когда придет весна.
Рамы вставим и достанем!
Ишь подумала – реветь...
Что получится, то станем,
Все, что хочется, иметь?»
– « Ах как долго дожидала
Той зимою я весны:
Рано утром я вставала
И в окошко... там – дымы
Снег мохнатый, тучи, звезды
Вьюги тягостно поют.
Там – трескучие морозы,
Лишь на печке и уют...
И весна за ней приходит
К тем, кто очень ее ждет.
Тронется на речке лед,
Рамы выставили прочь.
Как старалась я помочь!
Как старалась я помочь!
Рада я была весне:
Петуха достанут мне!
Няня Маня мне сказала:
– «Дай-ка вымою сначала»
И игрушку из резины
Вы мало водою с мылом.
«На, дождалась...» – «Ужас!» вдруг,
Не хрустальный, не сусальный,
А облезлый вдруг петух...
Клюв обкусан, цвет линялый...
– «Няня, что ж это такое?!
И из дома прочь – в слезах...
– «Да куда ж ты? Что с тобою?
– Няня! Это первый крах...

Я читаю Мане Эти стихи о своем первом столкновении с разбитой вдребезги надежды. О первом ударе, который разрушил мои детские мечты и чаяния...

По первой не состоявшийся, такой желанной и такой долгожданной встрече с чудом, с волшебством, которого, как выяснилось, там на подоконнике, за стеклом, чуда не было.

Да и быть не могло. Но я-то видела долго это чудо! Петух за стеклом был сахарно-розовым, воздушно-прекрасным. И такого на бумаге изобразить невозможно. Такое чувство может жить только в воображении. Причем воображении ребенка – еще неизведавшего страха, зла, тьмы, горя, не коснувшегося даже во сне.

А сколько же потом было этих крахов? Куда более жестоких, горьких и обидных. Но ведь мне ожидалось светлое и великое, горькое обидное, злое и грубое, подлое и коварное. Но я-то готовилась встречать счастья, рассвет, добро.

Но опять приходило горе, ночь, зло и лютая ненависть. А затем и... отчаяние... И когда я ожидала мира, а приходила война или «Старуха с козой с оскаленным ртом».

Воспоминания нахлынули снова... «Облезлых петух с обкусанным клювом...»

Ах, как часто он встречался потом на моем жизненном пути, дороге.

Но это-то было все потом. А почему-то запомнилось и врезалось в память, тот самый крах, разбивший в пух и прах мои прекрасные розовые мечты...

И ни одной из книг, в том числе и с этими стихами про няню, как назло не оказалось у меня с собой. А ведь сколько раз брала несколько экземпляров книги во все поездки, чтобы на неожиданной встречи подарить кому-то.

Но книги не было. Я по памяти читала стихи про няню. И как назло этой книжке у меня и не оказалось. А ведь всегда брала несколько экземпляров, чтобы эти книги подарить при неожиданные встречи.

А книги то и не было! И я по памяти опять читала стихи... Слава Богу у меня память то хорошая.

Но няня меня встретила. И мы вместе с нею искали на кладбище дедушкин крест. И нашли благодаря картинке, запечатленной в моих же стихах: «Где луг и где лес!»

Вот тут было забвение во всем. Горечь забвения, не только одним крестом, который черкнувший по моей памяти и сердцу... Кругом оградки, на табличку знакомые имена людей нашей деревенской улице соседней околицы. И они почти все рядышком упокоены здесь.

Да все в реки забвения, протистившей нас наше бегство с родной зем-

ли, наше беспамятство. А служила я другим городам необъятный нашей страны. Но она была для нас Родиной, любимой и великой, но и общие для всех народов огромного Советского Союза, многонационального и могучего, всей защищающей Родины. И... Вдруг ее не стало?

– Да разве такое может быть – думала я раньше. Но мы только теперь вот поняли, что мы с вами все потеряли... Это был хоть и странный, но, увы, не сон. А самая реальность и действительность!

Которую я осознала здесь, вплотную приблизившись к тропинкам ожившего моего вдруг детства...

– Мысли мои – скакуны, как пел Олег Газманов. И Тамара Краснова сразу же написала стихотворение 19 августа 2004 г. на яблоневои спас в моей бывшей деревне Щенятино Брянской области.

И стихотворение написала экспромтом:

И когда я взошла на помост,
То увидела миллионы
Взглядов. И в каждом горел вопрос,
Мимо – умерших шли легионы...
Так хотелось мне смелой быть,
Только знала, кого обманешь?
Держит детства святая нить,
А за мной наблюдает мама...
Словно солнышко на крыльцо,
Светит мамино мне лицо!
Закрывает мне страхом пути,
Чтоб от боли меня спасти.
Сольные выкатилось в зенит.
Жжет и палит огнем мне упрямо
Криком сердце мое кричит,
В этот зной и молчанье: «Ма-а-ма!»
С опозданием в сорок лет,
Я в деревню свою вернулась...
– «А деревни на свете нет!»
Не спасла я! И вдруг... проснулась.

Это стихотворение написала я. И написано это стихотворение 19 августа 2004 г. на Яблочный Спас. В моей бывшей деревне Щенятино в Брянской области...

Ах, этот удивительный Яблочный Спас! А я почему-то плачу слезы льются так, будто из моей души выливается какая-то горечь, боль и мука. Но почему-то мне отраднo плакать и мне кажется, что освобождаюсь от многолетнй боли...

Муж Мани – Николай Николаевич, наш бывший школьный учитель пения. Он прекрасно играет на аккордеоне широко и задушевно. И что?!

Так он играет то Марш «Прощание славянки» А я удивляюсь его мастерству. Он – глухой с детства, потерял слух после болезни очень рано. Но у него было какое-то чутье всех «слышать». И понимал говорящего по губам, по их движению разговора. А уж музыку-то он чувствовал каким-то особым, Господу Богу и ему самому ведомому образом.

И вот и тогда он играл любимую мелодию так превосходно и так глубоко. Тонко и проникновенно передавал фонтанами звуков, которую издавал старенький аккордеон.

Мелодия лилась щемящая, как будто из космоса созданная каким-то гениальным создателям. И она была, мелодия эта, Нежная и в тоже время страстная. И играл он поистине народный марш!

А я ему говорю:

– Николай Николаевич, миленький, вы до сих пор и это помните?!

Как же мы любили в детстве слушать в вашем исполнении «Прощание славянки».

А потом бросилась его обнимать и целовать его. Он уже был седой как лунь. А в его глазах стояли голубые незабудки, которые мне смотрели прямо в мою душу.

Но учитель мне тихо сказал:

– нет, Томочка, Нет. Прощание это. Прощание славянки.

– Да почему же это прощание? Это ведь...

Но он покачал головой и тихо сказал мне:

– Разве ты музыки не слышишь? Да не прощаемся мы. А просто прощаем. Всех и вся, всем и всегда прощаем. В этом-то и все дело? Томочка. Именно в этом...

Так вот и переименовал мой учитель всем известный марш на свой лад. Больше он ничего не сказал, ни слова. А играл он молча.

Представляете, как это было? Как это было рядом с ним быть. Сидеть и слушать, плотать слезы о невозможности все обнять на этом белом свете.

Ну что-то осталось. Только принимать данность и чувствовать что уж тут поделаешь? Пока ты живешь, будет все-таки больно...

Как больно!

Вы же ведь тоже знаете, как это бывает, когда кто-то уезжает навсегда. Никогда ничего не можешь изменить. Не в себе не в своей судьбе. Не в судьбе своей деревни, улицы, города... И семьи.

Поздно вечером мы вернулись в дом моей двоюродной сестры Зои. Ее муж Павел продолжает нашу семейную, дедовскую традицию. Держит пасеку на месте исчезнувшей деревни, среди одичавших груш и яблонь, вишен и слив, черемухи и сирени. Они заполонили наши поля, луга, овраги и даже, кое-где, и дорожки.

Что можно сказать? Глухомань! Нет ни фабрик, ни заводов нет на сотни километров. Иногда машины приезжают. На Троицу и на Яблочный Спас. Когда на родные могилы едут издалека.

Но мы приехали и нас позвала мама. Это был не памятный и насыщенный день, но наполненный огнем любви. Мы вспоминали о своем детстве и юности и радостными встречами. А их там было много. В один-то день...

А мне казалось, что даже забор дома моей сестры, к которому мы сейчас подъезжали, уставшие и голодные, но переломанной жизнью, богатым сердцем и щемящий и трепетной любовью от этой встречи.

И даже забор и калитка, казалось, пропитаны воском и медом. И повсюду стоит этот неповторимый запах старого намоленного храма – восковой, светлый и высокий. И этот запах витал у нас над всей округой.

Мед на родине зеленовато-янтарный пахнет травами, подснежниками, акациями и липами.

Нет такого меда нигде в нашем большом мире.

И мы купили целый бочонок меда: себе, друзьям и родным, что ждали нас в Беларуси...

Вот так все и было у нас в этом Яблочном Спасе 19 августа 2004 г.

А новая статья называется:

«Не надыхаться»

Она стояла на холме, которого открывался вид на деревню, которая была великолепная, огромная. Было утро и из печных труб пышными столбами дыма, которые казались ей пышными соцветиями роз или георгинов, этаких бело-сине-розовыми бутонами роз или георгинов над трубами. Вот она деревня...

Деревне, всегда, летом утопала в садах, бушующая пеной цветущих вишен, черешен и яблонь, в урагане сирени, накрывающая своим кружевным крылом цветения дома, улицы и заборы.

Я стояла и даже закричать не смогла. Дыхание перехватило от ужаса, который напал на меня внезапно... Передо мной ничего не было, пустота...

Ни домов, ни дымов, ни деревни... Ни даже намек не было, что 40 лет назад... Она была...

И она экспромтом прочитала стихотворение:

Заболела душа и больная душой

Я лечиться отправлюсь земной красотой

Красотой земной и людской добротой

Если хочешь, пойдем, собирайся со мной

Я в котомку сложу ядовитую соль

Недомолвок и непонимания груз

И тупую жгучую боль
И пугающий тенью скользящую грусть
Не тоскуйте! Я горе-беду несу
Далеко и оставлю в дремучем лесу
Где над темную чаще бурлящих болот
Филин ухая, дикую песню поет...

Да-а-а... Но 3 км тянулись даже в этой деревне. Выстроенные вдоль укатанной, обрамленной травой сочный травую-муравую около дороги и речки.

А ведь были здесь и дома, которые тянулись вдоль деревни. А на обочине обрамленной сочное травой-муравой и у дороги и вдоль речки.

Домики были хотя и не богатые, но добротные, чистенькие и ухоженные.

И все с садами и, непременно, с палисадниками, которые пленяли любого прохожего человека, своими дивными флоксами, мальвинами, георгинами и золотыми шарами.

Тянулись и дворики напротив, через дорогу с погребками, амбарами, банями и даже пунями. До чего только в этих хозяйствах не было?... Но всему было свое место. Чистота и порядок.

А Тамара Краснова декламирует:
– Там душа удивится на алой заре
На заоблачный пурпур сиреневых роз.
Обретет как Адам, себе счастье в ребре
В своем сердце и разуме – Новую жизнь

Потом задумалась:

А зимой-то над деревней и ее окрестностью, лесами и перелесками, полями и оврагами – царила белизна. Ах, как царила по всюду и во всем...

Потом, встряхнув, головой продолжила декламировать:

Как повыморен луг и дол
И повыметет листья осень
Но лишь потом на чистый стол
Зима свою победу бросит.
Раскинет сказочный ковер,
Роскошный, серебром расшитый
Снега сверкающий узор
Оденет лес, дождем умытый

И будет праздновать мороз
И станет белизна царицей...
Бесспорно! Все белей берез!
Не буйство летнее смирится.

Да... Я и сам удивился красоте природы. Это нельзя придумать, но сердцу не прикажешь. Умеет Тамара Краснова показать людям красоту природы-матушки.

А она рассуждает:

– Но зимы никто не боится, Она была отдыхом для натруженных крестьянских рук, радостью и поэзией для неизбалованных праздной роскошью людей, с удивительными праздниками: «Рождеством, Колядками, Новым годом!»

Святки! В эти длинные зимние вечера, все желают пройти по хатам, с гаданиями и рассказами. И в каждой, обязательно в каждой деревне – «жили и свои ведьмы и лешие и даже домовые». Даже стишок про домового было написано:

– «Как у нашей милой девушки такой
Появился поздней ночью домовый
Он ее уж так ласкал и целовал
До утра он так ее крепко обнимал
А проснувшись утром рано, ну и что ж?
Домовой-то на соседа был похож!»

Но это так, между прочим... Все же история хитрые были, и случаи. И, из года в год, эти истории пересказывали при свете керосиновой лампы И подросткам и молодым ребятам. Теми черными как уголь вечерами на посиделках.

За окном завоевала вьюга и рассказы получались и, правда, волшебны. Я и сама чувствовала что кто-то скребется, стучится. И как тут не вспомнить классика: «Вьюга стонет, вьюга воет, вихри снежные крутя! То как зверь она завоет, то заплачет как дитя». До Александр Сергеевич умел писать стихотворения...

Но на самом деле это так и происходило: «В трубе кто завывал, летал, стучался, скребся. И слышалось пение, пленяло, выговаривало так жалобно и жутко.

А все же никто не боялся, а, наоборот, радовался каждому гуду, которое приходило в заснеженных снегах в деревне, среди бескрайних заснеженных лесов и болот. А оказалось-то любимой Богом. Я даже написала четверостишие:

А пушистый декабрь нагоняет мороз!
Поглядите: «Из труб над домами дымы
Превращается в чудо – соцветия роз–
Белоснежных творений тепла и зимы!

Но история знает свое дело: «Революция 17-го года. Потом Гражданская война и коллективизация, раскулачивание, ледяные ветры репрессий... И огнем и кровью стремилась уничтожить Великая Отечественная война... Одно но, как подтверждает время, все эти беды, оказались не страшнее самый подлой «демократической революции».

В итоге не стало деревню, которая выстояла в самую страшную войну, которая забрала наших сыновей. А кто и вернулся с войны, то без рук или ног и, тяжелыми воспоминаниями войны. Они шли ночью в атаку и ложились на амбразуру...

Трагичными судьбами были, растерзанные души их. Я помнила, как мой отец во сне кричал: «Вперед! За Родина. Куда-куда? Стой! Справа танки, справа... Стой! Убью гада... А-а-а!»

А мы, дети просыпались от страшного крика, пугающего нас и непонятного... Да тревожными были сны отца, контуженного в войну.

Моя мама будила отца и уговаривала: «Тише, Ваня, тишина... Детей же напугаешь...»

Отец просыпался, но не сразу приходил в себя. Бледные и не похожий сам на себя, словно отравленный чем-то и не похоже на нашего милого и доброго папку. А словно отравленного каким-то невиданным нам, жгучей болью, страхом и горечи.

Однако душенькой долго болеть не позволялось. Сама земля родная красным зовом не позволяла нам расслабиться. Пахали, сели, рожали детей...

Да наша деревня возрождалась после этих всяких бед. И становилась все краше и краше. И... Богаче. Играли свадьбы на Яблочный Спас. А песни пели всякие в той деревне... Которой уже нет.

Да что деревни... Страны нашей не стало. Могучей и вовек непобедимой державы. Нет стало в единый миг. Никто, как в известной басне говорится: «И ойкнуть не успел».

Ах, как же прозорлива наша великая русская литература! Ведь все наперед в ней сказано. Иван Андреевич Крылов еще когда-то сказал: «Музык и ахнуть не успел, как на него медведь насел...»

А разве не писали и не учили нас великие столпы русской литературы: Пушкин, Толстой, Достоевский, Гоголь, Тютчев...

Много, много было написано книг. Мудрых и духовных, воспитывающих высокий дух. Но... Толи не до читанные, толи не учтены они, да не всеми, где принимаются решения. Не решаются судьбы человеческие.

И не только человеческие, а и Эпохальные... Судьбы стран и континентов. Но иногда Судьбу мира решаются подчас людьми, явно не читавшими ни Льва Николаевича, ни Федора Михайловича...

Ну вот уже мы... По выстроились на таможенных очередях. И ехали из Украины, от родителей мужа, которые жили в известном древнем городе Ромны. Это совсем неподалеку от самого древнерусского города Путивля. Который знаком этой фразой: «Рано-рано под Путивлем Ярославна плачет...»

Везли мы гостинцы от матери: абрикосы, орехи, домашний вино, варенье. Это все свое из нашего сада отечественного.

Но оказалось-то, что это делать нельзя! Не положено! На таможне уже действуют свои порядки и уставы.

Из какой же болью высипались на землю, на обочину, собранные руками старенькой свекрови орехи, яблоки и все сделанное руками ее. Другая страна за межей, зато наш сад родной, стал заграничным.

Едем, стучат колеса поезда. И в такт им, стучит и сердце. Оно бьется, словно волна о камни и... кровоточит... И болит и горит памятью о нашей великой стране. За ее полученную чистоту и свет. За пришедшее хамство, мздоимство, взяточничеством, бандитизм, нищету и духовную пустоту. И это все-то откуда приходит разруха.

А когда началась приватизация, многие начитавшись западного чтива, захотели стать «землевладельцами». Которые и люди кто заботится и государство будут Маленькой буквы отчислят денег много-много. А уж себе оставит. Много ли человеку надо?

И всего-то нужна душа, светлые и ясная. И чтобы жить не тяжело, то и кусочка хлеба хватит... А на земле хлеб растет вволю...

Я не могу постичь психологию новоявленных капиталистов. Не слепы же они, чтобы не видеть что вокруг творится, краткость человеческого бытия?

А там... Далеко-далеко...

Там, где одичавшие груша скрипит над колодезем, жил Алеха Терехин. Он был и охотником и заядлым рыболовом. Был он щедрым и пол-деревни одаривал рыбой.

Его ружью всегда висело на парадном месте. На стенке около божницы повыше. Чтобы дети не могли достать это ружье. А детей-то – полная изба. А рыбу всегда не заряженная. А дети, пока взрослые трудятся, они всегда дома. И свои и сестрины и братовы. Вот они и резвятся и играют дома. Пока взрослые на поле от темна, до темна.

Ан, нет! Ведь учила же наша русская литература: «Один раз в жизни и не заряженное ружье стреляет!» Да только, кто их читал-то этих великих писателей? А Лехе читать нечего, и некогда. Он в поле пашет, будет скотину держать, семью кормить, одевать, учить, обувать?

Хотя книги-то в его доме у него были. Свою жену Ольгу, Алеха привез из Беларуси, из-под самого Бреста. Она была учительницей и в деревню и книги привезла с собою.

Хрупкая, молчаливая и болезненная Ольга, рано покинула нашу грешную землю. Сердцем не пережив, нелепой трагедии. Она, эту трагедию не пережила, оставив сиротами троих своих детей...

Ружью выстрелили вы в доме в пятилетнюю Аленку. Она была двоюродная сестричкой и детям Ольги. А в тот день она принесла поиграть сестрами и братьями. Взрослых дома не было. Да и летом они все в поле.

Выстрелило оно из рук Витюшки, старшего сына Ольги.

И в одночасье не стало и Аленки. И сущий ад испытал и Витюшка, его жизнь превратилась в сущий ад. Душа его застыла в тот час в ту секунду, когда и животика белокурой, по-ангельски красивой сестрички, буквально вывалились из животика на пол, на ножки ее, вдруг облачение, все ее внутренности.

И широко ее раскрытые глаза, синий, синие, бездной боли, так и остались на всю жизнь ему укором смертным...

Судили, рядили, да никого так и не осудили. А Витюшка был осужден Божьим Судом. И он сам речи потерял. Вот такой был стресс. Я не смог говорить долго-долго.

И почему-то он не вырос таким большим, как его отец, как вся порода Терехинская: крепкая, сильная и статная...

Витюша так и остался каким-то щупленьким и маленьким, худеньким. И он при моей встрече, виновата улыбающимся. Живет он и теперь где-то около умершей деревни...

Мы остановились. Надо было переодеться. Сменить городские одежды, совсем не подходящие для нашего путешествия по нашим пыльным дорогам... Но такими «Сладкими дорогами детства». Они уже все поросли бурьяном и крапивой. И тропкам, которые выведут потом к проселочным дорогам.

Над нами, высоко-высоко заливалась и пела какая-то птаха переливчато. И она нас как будто спрашивала, как в песне из детства: «Чьи вы? Чьи вы?» А потом вспомнила: «Ну конечно же это чибис». Про него даже песенка была сочинена: «У дороги чибис, у дороги чибис, он поет волнуется чудак: « Вы скажите, чьи вы. И куда, куда спешите так!»

А он подъехал к нам на велосипеде. Не проехал мимо, а вот так – остановился напротив нас и молчит. Улыбается и смотрит, как мы переодеемся.

Вот я и спросила:

– Ты чего же, смотришь, дядька, чай не видишь? Нам переодеться надо!

А он мне и говорит:

– А я ничего и не вижу!

– Да ты, сумасшедший, что ли?

– Нет, я Витя Терехин. Просто увидел или услышал, что машина поехала на большак к нам, дай, думаю съезжу и погляжу, кто это?

– Ах, Витюшка! Родной! Дай-ка я тебя обниму... Ви-тю-шка!

А он и говорит и плачет сквозь слезы:

– Вот радости то, радости! Приехали к нам все же. Хотя и не узнал сразу-то...

А я тут же вспомнила одно свое стихотворение и стала читать его:

Есть, есть такое на веку,
Что не постичь, не перечечь...
Зачем стреляют на лету
Из-за угла?
Святую честь,
Доверие – под ноги вдруг?
И топчут, топчут озверев?
Когда над головою круг.
Сомкнется? Иней на траве?
Как холодно, безмолвно ей?
И каждый стебелек дрожит,
Так просто не за что – убит...
Калины красной на снегу
Я видеть просто не могу.

– Да на этой самой окраине и была раньше школа...

И ее же строили из сомана: «Глина да солома, вода, до человеческие руки и ноги. Да еще требовалось, чтобы яркое солнышко светилося, чтобы выложить в деревянные формы для «кирпичей». Все это возводилось, не имея строительных лесов, ни лошадей, а тем более машин в наших деревнях.

Строили мы всем миром, а потом крышу покрывали соломой, которую сначала в глину окунали. И вся эта «конструкция» из этой соломы становилось теплым, водонепроницаемым панцирем – замечательной кровлей.

Да, глиняной болтушки было и требовалось немало. А поэтому рыли яму на этом глиняном бугре, где и разводили воду с глиной. Все у нас было под рукой.

И конструкция из какой соломы становилось очень теплой и водонепроницаемой. В общем, прочным панцирем и замечательной кровлей...

Не было у нас не строительных лесов, ни лошадей ни машин в наших деревнях. Все спалили фашисты...

Смотрю, а на горке появились сначала клубы дыма или пыли, а потом вынырнула и «Победа» председателя колхоза. Иван Антонович, человек военный. И всегда в хорошей форме: «Галифе заправленные в хромовые сапоги, неизменный китель, аккуратно выглаженный и туго подхвачен по-военному – ремнем».

Федька Луженый, давний завистник а в прошлом одноклассник Ивана Андреевича, а теперь и сосед председателя, весь пропитанный глиной доставал споны из ямы, и подавал их дальше. Из рук в руки. По конвейеру, а там попадали они уже и на крышу.

А Федька ухмылочкой и прибауткой и говорит:

– Давайте-ка мужики, Ивана Антоновича в глине искупаем. Вот будет потеха-то!

А Василь ответил, огрызнувшись:

– Тю, дурной, нашел где пошутить. Глупости все это. Он глупых шуток не любил.

Но он вроде бы как оправдываться стал:

– От чего он ходит в галифе, а мы в глине? Нехай в ней и покупается...

«Победа», скрипнув тормозами уже остановилась в двух шагах от ямы.

Иван Антонович вышел озабоченный и усталый. С самого раннего утра он объехал фермы в трех деревнях. Где техника на ремонт стала. Да какая там техника. Один единственный тракторок. Да и лошадей на подвоз нет, не хватает, как воздуха. Да и рабочей силы маловато.

Как говорится: «Необъятное, не обнимешь!»

Две доярки подорвали спины и их в больницу отвезли. Тяжелое работа вымотала и без того не дюжих женщин, переживших столько горя их. А заменить-то некому. Каждая пара рук на счету...

А по хатам только старые и малые. Но план-то выполнять надо – и по мясу, и по молоку, и по зерну и овощами.

Каждый день битва за грамм, за копейку, а потом отчеты. Но председатель людей жалел. Это он первым делом выжить людям после войны и пережить вдовам, в первую очередь, а потом и инвалидом. И у кого сердце тоже рвалось.

Он был на войне контужен. К ноющим ранам уже привык справляться самостоятельно, левой рукой. Правая-то плетью висела но это все потом, потом...

А пока он вышел из машины... Федька зайчиком подскакал к председателю и кинул глазом по кругу:

– «Ага, кто-то онемел от неожиданности, а кто-то и сообразить не успел, не приготовился к шутке...»

– глянь-ка, Иван Антонович, вишь как левый край, ребята выводит кривовато. Надо бы подправить – ворковал Федор, покашливала от курева. А ведь он от этого кашля и сбежал и на фронт не ушел.

Иван Антонович посмотрел из-под руки на крышу и сказал:

– Да нет, не вижу. Ровно вроде... Хлопцы свое дело знают. А ты не наговариваешь это, Федор?

– Да как же ты не видишь, Антоныч, – кипятился Федька, уж так ему хотелось посмешить народ, да и себя потешит. И каждая шутка в те годы была поистине золотой, люди отходили после страшной войны. В которую, казалось, и смеяться-то разучились.

А Луженый прыгал и показывал на крышу, подмигивая, ничего не понимающему председателю и двигался к краю с глиняной болтушкой.

В какой-то момент он так вошел в азарт и потерял контроль над собою и... Рухнул в яму с глиной и стал захлебываться в ней...

Иван Антонович кинулся его спасать. Схватил его за шиворот левой рукой и вытащил его под оглушающий хохот...

Вот уж воистину святая фраза и правда в народной пословице: «Не рой яму другому, сам можешь нее попасть!»

Да уж, воистину, все народные пословицы и поговорки, приняты, которые называются «бабскими» предрассудками: – «Это простая застывшая мудрость веков!» Энциклопедия и атлас пожизненный, глубоко правдивый и народный.

И все они мудрые и точные по сути своей. Выросли и родились из тяжелых, кровью оплаченных столетиями. Когда людей учили только труд и проблемы, беды и трагедии. Да если сказать кратко, одним словом: «Сама жизнь!»

Мудрые народные изречения и есть дошедшие до нас древние и устные послания выросли и родились оплаченные кровью столетий. Когда людей учили: «Только труд, беды трагедия». Одним словом – сама наша жизнь! И посланной они нам нашими предками из еще до христианской поры. Но наставления и идут из народной мудрости:

– «Бог не выдаст – Свинья не съест!» «Не рой яму другому, сам в нее попадешь». «Двух правд не бывает» «Собака поет, ветер носит» «Правда – не речиста» «Обманом города берут» «В ком правда нет, в том и добра мало» «Дар дара ждет» «Трутни горазды на плутни» «Одно дело делай, а другое не порти» «Высоко поднял, да снизу не поднял» «Царь и нищий – всегда без друзей» «Лоб краснейся, а враг не смейся» «Красному гостю – красный угол» «Лишнее пожелаешь – последнее потеряешь» «Не доставай нож, чтобы убить... Комара!»

Да, в каждой пословице, поговорке – целый кладезь мудрости человеческой. И я вспомнила про комара небольшое стихотворение:

Человек на спине лежал
А комар под ухом жужжал
Да немало его жара
Накатим на него и Силин...
Человек – убил комара!
... И остался – совсем один...

И каждая тема – для романа. Но однако шутка, было не так как задумал Федька, получилась! Федька искупался в глиняной «болтушке». И именно она насмешила его. Но простив своему «поражению» своему односельчанину, другу детства – Ивану, будет мстить ему всякими пакостями: «то донос напишет в район, то стог все на сожжет, скошенный Иванов и высушенным на лугу, то сплетню пустит: «Председатель то жеребца загнал или дров себе побольше привез».

Да мало ли в чем можно человеку навредить. Тем более, что в деревне где все и все про это знают.

Напакостил, а сам ходит улыбається Ивану, соседу своему. Приходит к нему и, как будто, переживает, даже вместе:

– Ах, Ваня! Какой же гад, сарай-то тебе поджег? Да еще с заготовленным кормом. Скотину не пожалел – приговаривал после очередного подлого своего поступка Федька.

Только у Ивана, фронтовика, от переживаний волосы поседел и рубцы на сердце появились.

А у Луженого радость на душе: «Получилось! Ужалил! Чтобы еще какую-то пакость снова сделать?»

Вот так и «жили», как говорится: «Спали врозь, а дети были!»

Но все-таки добрых людей больше, чем злых. Люди-то у нас терпеливые, трудолюбивые, скромные, любящие Бога и живущие по Божьим законам. Но некому было учить – «Церквей не стало, они почти все стали разрушенными... Но самое главное, что не было и Книги Книг – Библии. Которую ныне раздают и продают во всех гостиницах и в церковных киосках».

Но люди труда были чистыми и духовными, во веки веков. А труд ежедневный и тяжелый и все-таки радостный, был для блага семьи, который давал хлеб на стол, одежду на плечи и крышу над головой. И не давал им не озлобиться или развратиться.

Отсутствие самолетов и других средств передвижения: «Интернета», доступной по всем канонам информации, не делало людей хуже. И не делало наше общество более нравственным и мудрым.

Но... Тем не менее живет закон не написанный в нашем мире: «Все возвращается на круги своя...»

Федька умер от алкогольного отравления. Любивший выпить и закусь на «халяву». Но однажды он залез в чулан к Ивану, да там и обпился медовой бражки. И случилось это лет через пять после «купания» в глиняной яме.

А Иван дожил до глубокой старости, прожив после случая с Федькой еще пол века! И нашли солдата Победы Ордена Великой Отечественной войны первой и второй степени.

Из Института Истории Великой Отечественной войны пришло подтверждение, его героического ранения и контузии в битве за Берлин, документы и награждение Ордена «Красной Звезды».

Получил он и удостоверение Инвалида Великой Отечественной войны первой группы.

Но уже никаких льгот, положенных законом, не успел. Да и не понадобились Ивану эти блага. Он тихо умер в Витебске, на руках у его дочери своей 75 лет. Там похоронен.

Да стоит памятник Ивану в Беларуси. Там дом его дочери, там ее семья, дети, внуки, друзья, труд...

Земля, политая потом и кровью, радостями и слезами, стала родной и любимой. А люди – родными, близкими и дорогими. Но почему же так болит душа? Я сажусь и пишу:

У боли за Отчизну нет конца.
Она и жизнь моя и приговор.
Ее я получила от отца
И мой с ним не закончен разговор.
Земля напьется талою водой
Трава дождями жажду утолит
Зерном нальется колос золотой...
Лишь моя душа не отболит.
Как же любя сердцу, прекрасна Отчизна!

Дорогая и родная земля! Нет ее краше и милее. Даже в прекрасной, солнечной, райской Италии и, куда однажды потом сопровождала группу людей из чернобыльской зоны. Они ехали для оздоровления, а я работала там с детишками целый месяц...

А как все тосковала по своему дому. Ни море, ни сказочные фрукты, ни красоты итальянские меня уже не радовали... Домой... домой! А вот и стихотворение у меня появилось:

– Я из края чужого летела домой.
И не дни, а минуты считала.
А лишь ступила на землю родную ногой
Сладко, вольно вздохнула: «Живая!»
И, травинку сорвав, целовала ее,
Она мне в ответ прошептала:
– «Ты моя! А вокруг – все что видишь, твое!
Ну скажи, разве этого мало?»
И дорога легла, разрезая поля,
Словно волны, шумели откосы,
Каждый куст придорожный кричал: «Ты моя!»
– «Наша ты!» – подпевали березы...
Васельку и ромашке в полях прошепчу:
– Вы заморских чудес превосходнее!
И каштан запалил золотую свечу.
... Словно сказку зажег Новогоднюю!
– «Мы узнали тебя по походке! Своя!
Без подсказок ты видишь работу.
По хозяйский идешь. Принимает земля.
Рук дочерних святую заботу».

И вот уже самолет приземлился в минском аэропорту, произошел прилив радости. И было даже трудно ее успокоить. Я пошла к колонне здания вокзала, обычной железобетонной, погладила и... поцеловала ее.

Родина! Это только родная земля так сладко вливается в твою кровь запахами полыни, крапивы и мяты, горячего хлеба из родной печки и парного молока...

А этот запах постиранного белья с ветра, а еще крепче – с мороза! А мытых и выскобленных в чистый четверг... До самого спила узора досок, пахнущих лесом и баней, одновременно.

И голос моей матери... Что может справиться в мире с ним, ее голосом: нежным, бесконечно любящий, все прощающий, все понимающий синих глаз глубоких, глубоких.

В них вижу и укор и боль, грустинкой осуждение... И радостный всплеск от долгожданной встречи, то куда-то уходящим далеко-далеко лугом, уже немым и не могущим никогда не разгаданным до конца.

И у меня посетила поэзии великая страна:
Не наглядеться,
Мешают слезы,
О чем ты, сердце?

Я о березах...
А что березы?
Везде такие.
И в Беларуси,
И по России!
Что тут ответить?
Что плачешь сердце?
Не надышаться...
Не наглядеться...
Здесь родилась я,
Вон в той деревне,
И эта зелень,
В крови, наверно...
Крест на погосте:
Могила мамы,
Троицей в гости
Еду с цветами.
Глядела вечно
На дом высокий
Меж нами речка
Сине, глубока
Не наглядишься
Ни сном ни оком
Здесь любо сердцу,
А дом далеко.
Дом мой далече,
С белым крылечком
Ох, не скудеет
Синяя речка.
Как же не рваться
Не плакать сердцу?
Не надышаться...
Не наглядеться!

Да родина всегда начинается с детства, с первых картинок бытия. И они у каждого свои. У меня сирень до иступления доводящая детское впечатление, наплывами цветов, оттенков, запахов и ароматов.

А сирени-то было – целый огромный овраг. Потом Соколовская горка, где раньше был помещичий сад. Но она осталась и разрослась. На всю-то мою жизнь, запомнила сладкая одурманила меня любовью и чудом земной красоты и заполнила она даже мое сознание.

Под лунной крыши домов, покрытые соломой, почему-то блестят. И мне казалось, что на ней висят елочные игрушки, словно в сказке на елочке... А свет из окон словно свет тающий свечки и оплывающие с крыш, как одеяло синее и сиреневые снега.

А дороги большаки, по которым к нам приехали гости? Мы подолгу гляделись вдаль, ловя любую точку на горизонте: «А не к нам ли кто-то едет? И кто бы это мог быть?»

Вот и стихотворение у меня появилось на эту тему:

Где тот большак, что вел в мою деревню
Где первый крик мой врезал в бытие
И на рассвете дали имя просто в нем
Откуда я, судьба и все мое.
Там голос нежный, ласковый до боли
Летит и тает мамин голос детства,
Сливаясь с шумом трав, берез и поля
Он превращает в песню мое сердце

Слава Богу, нам дана семья. И это лекарство от тоски и спасение от края. Она завалит нас хлопотами, с которыми нужно непременно... и... спасет нас.

Родина и семья – самое дорогое. Бог дает человеку жизнь! Я кланяюсь Тебе. Ведь семья, это не только громяющие тарелками, утюгами и пылесосами, а прежде всего это наши домочадцы. Но мое время забирают бесконечные праздники и богатые застолья.

И мне кажется, что бессонные ночи и ожидания мужа и сыновей, болезни детей и внуков, превратили меня в рабское существо. Но это только внешняя сторона, и она далеко не истина...

Все дела наполняет меня смыслом. Могущество семьи и невероятно! Ради нас и хочется жить! И творить и быть всегда!

И в самом деле, тело мое и руки позволяют мне все делать быстро и ловко. Я знаю, что посадить, прополоть, подвязать, позвонить и убедить. Так неужели мое тело, только оболочка? Для развития моей души? И во все века мучал людей этот вопрос.

Да человек мечется в поисках высшего смысла. Но к сожалению оно ни к чему и не приводит. Но все равно у меня могут на родиться дети. И мы будем счастливы. Пусть будут цвести сады, учить детей, учить читать ребят, писать по буквам и слогам. Да еще и приговаривать, с хитринкой: – «А и Б, сидели на трубе. А упало, Б – пропало! Кто остался на трубе? Конечно же И!»!

А кто приготовит и постелет белую скатерть, белоснежную и выглаженную на рождественский стол. И уставить его пирогами? Но наша жизнь бывает и приземленная. И что же будет – возвышение или падения?

И вот уже и стихотворение в голове появилось:

– Мы рождаемся на свет,
Чтобы сдать экзамен
Сдашь – до Вечности билет
Выдадут в том зале
Где счастливых – раз, два, три –
Сложные задачи
Ох, не медли, ах, смотри!
Нет здесь пересдачи.

Лежу я на траве, под раскидистым дубом у Свенского монастыря, и гляжу в небо. Дуб этот не охватят и пять человек. Ствол его огромен. И говорят, что он посажен Петром Первым в Свенском монастыре. Проезжая, через брянский земли.

Да, о былом величии этого монастыря говорят его широкие стены с бойницами, часовнями и... С остатками полуразрушенного Центрального Собора...

По шершавой коре ствола дуба, узкой дорожкой спускаются муравьи, до самого узла корней. И они, словно сцепленные жилистые руки, охватывают землю, которая потрескалась от жары. А муравьишки свое дело знают, видимо, где-то у них поблизости муравейник. Вот и снуют они: «Туда, сюда, снова туда...»

Но муравьи тащит в сухую былинку, как бревно на своей спинке. Вот какие труженики эти муравьи. Они на спине своей тащат былинку, она для них – огромное бревно в два, три раза больше, чем муравьишки, но уже не бревно, а белые градины яиц.

Не наступить бы на них!... Ведь это основа любого счастья земного: «Не нарушить и не навредить».

А внизу, у подножья Свинской горы – речка Свень. И она подковой огибает монастырский холм. Вот где множество живых существ: «Жучков, паучков, стрекоз».

И в ней, в этой синей-при синей реке Свень, когда-то отражался весь Свенский монастырь, который возносился в небо. А вокруг его, монастыря и вдоль речки густые ряды жимолости, сирени, шиповника. И они окружали стены монастыря.

И Тамара Краснова уже написала красивое стихотворение:

Величавые холмы, город мой.
В речке синяя студеная вода.
Стынет древний монастырь над тобой!
Свень, звенящая, скажи, ты, куда?
Сквозь века, сквозь города и года
Не спешу, ну, пожалуйста, стой!
Я к тебе бегу по круче меловой...
Отражает Храм, как зеркало, вода.
И целуют волны берег день и ночь,
Хмель заплел не только небо в кружева...
Но и память в плен забрал, а мне – невмочь,
Уезжать, когда поет вокруг трава.
Да расскажет, что со мной случилось тут.
Да покажет чудо – омут глубины.
По которой купола в венках плывут
И несутся звоны тайную полны...
Мое детство, моя юность, Брянск родной
Рек, озер студеных чистая вода.
Замер Свенский монастырь над тобой
Над тобой и надо мной, навсегда

Яблочный Спас 19 августа 2005 г.

Будничное поле

(Витебск-Брянск-Витебск-Александрия-Буйничское поле)

«Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.
Я не слышал разрыва,
И не видел той вспышки, –
Точно в пропасть с обрыва –
И ни дна, ни покрывки.
И во всем этом мире,
До конца его дней,
Не петлички, не лычки
Гимнастерки моей.

Александр Твардовский «Я убит подо Ржевом».

«Переправа! Переправа!
Берег левый, берег правый.
Пушки бьют в кромешной мгле
Бой идет не ради славы –
Ради жизни на земле.

Александр Твардовский «Василий Теркин»

Я, в группе писателей, во время начала зимы 2011 г. проехали по Беларуси. Посетили Буйничное поле. И заехали в Александрию. А это над Могилевом.

И то, что произошло со мной в этой поездке, еще раз убедилась, что есть у нас особые места: «Волшебные, удивительные и особые». А люди светлые и необыкновенные, которые живут на нашей прекрасной земле.

Вот, например, как художники ходят специально в людные места, чтобы нарисовать, понять характер человека и даже запомнить его облик. Я веду даже записи.

И вот она, эта «зарисовка»:

– «Две холеные особы – одна лет 40, вторая помоложе, но одеты с иголочки, в роскошные шубки. У пожилой в руках продуктовая сумка. И видимо тяжеловатая.»

К ней решительно подходит, словно знакомы ее, и положил свою ладонь на ее руку, бесцеремонно говорит:

– Давайте помогу вам! Трудно же вам. А цены у нас – ужас какие. И все растут и растут, правда ведь?! Кошмар просто! Ну как вы думаете, кто виноват в этом? Кто же за это должен ответить? Давайте поговорим по душам! А сами тем временем уж и микрофон достают.

Пожилая женщина, по всему видно труженицу, спокойно положила сверху свою натруженную руку и ненавязчиво ответила:

– Деточки мои! Вот вы сами и виноваты. Потому, что не умеем хранить, что имеем. Свое добро отдаем в руки бездельников, тех, кто любит шикарно жить, и ничего не делать. Не всегда мы умеем крепко подумать, прежде чем доверять проходимцам.

Да и сами-то не крепко спешим дела свое, делать получше. А счастье-то наше в чем оно? Просто трудиться надо с душой... Вот и весь секрет.

Вот вы-то, бесплатно, небось, получили образование. Но руки ваши глажу, так не скажешь, что перетрудились. Что же вы дали своей земле? Страна-то у нас не сильно богатая. А что вы вашим трудом нашей стране, земле.

На вас вон какие дорогие шубки норковые, а руки – холеные. А вырастили ли вы в огороде лук, огурец? Картошку? Хлеб? Собрали? А может

все это и берегли? Да похоже вы и детей своих не воспитываете. Уж столько шика в вашем облике-то... А что цены растут, виноватых ищите? Заботливые-то, наши!

Но лезете вы мне в душу. Она-то намного крепче, чем вы думаете. Мой совет, идите и потрудитесь в поле или производстве. Тоже мне жалельщики нашлись.

Не досуг мне с вами беседы разводить. А воспитывать вас уже поздно. Другие вас воспитывали-то. Даже у меня дела ждут. Обед надо готовить, семью кормить, уроки с внуками делать...

И пошла... Спокойно так, уверенно, неторопливо. Пошла она домой, неся свою наполненную доверху сумку с продуктами.

Вот после этого эпизода маленького, красноречиво убедил меня в том, что несмотря ни на какие трудности нужны люди труда. Они реально растят хлеб, возделывают землю.

И я понимаю какая чистая и здоровая душа у трудового человека. И люди, которые ценят свое дело судят нас все по справедливости и чести и... никогда не будут торговать, а будут оберегать свое Отечество. И это неразделимо. Только эти люди по-настоящему правдиво, знают свою оценку нашему труду.

Все-таки какая чистая и здоровая душа у трудового человека. И эти люди ценят свое дело. А если и судят, то все по справедливости и чести. И они никогда не будут торговать... Своей Родины. И ни за какие «серебряники» не продадут они душу дьяволу. Потому, что они с детства знают, что получать и обвинять, гораздо проще, чем само дело делать.

Да потому, что духовная сила нашего народа, рождается вместе с народом. И в семье, с отцом-матерью, с кровью их. И дается и рождением на свет, в наших малых родинах, с их белыми березовыми рощами, золотыми полями, небольшими речушками, изумрудными лугами и... какой-то высшей силой, охраняющей нас и детей.

В таких вот милых сердца уголках Земли – на Могилевщине, где нас радушно и по-домашнему уютно и светло, она приняла нас в четырехдневную ознакомительную поездку по нашей стране.

Александрия встретила нас погожим сухим вечером, в котором морозный воздух был так чист и свеж. И казалось его можно даже пить! Пить жадно, как хрустальную чистую воду.

И здесь, как и в других городах и поселках страны, которые мы посетили. Мы убедились, что живут здесь трудолюбивые, радушные люди. И очень жизнерадостный. Мы встречались по всюду: В библиотеках, в спортивных тренировочных спортзала и Домах культуры. И даже окунулись уютных бассейнах.

Я удивилась: «Но почему же именно здесь в Александрии, мне все казалось особенным, светлым, излучающим тепло и радушие».

Удивило, что в бассейне было много людей, и это были обыкновенные пенсионеры, сельхоз работники и ими занимались инструкторы. И для небольшого поселка было поистине необычно.

Я впервые была в этом уголке Беларуси. И мне было просто по-человечески интересно все: «Первозданная красота края. Кругом леса и поля, ухоженные улицы и аккуратные, красивые дома...»

Удивительно, но почему-то именно там в Александрии за несколько часов назад до посещения Буйническгва поля, со мной произошло то чудесное открытие, о котором и хочу рассказать.

Именно здесь, во время этого незабвенного путешествия, я и нашла то, что безуспешно искала моя семья долгие годы...

На рассвете приснился мне мой дед по отцу. Рудаков Антон Николаевич. А он уже умер лет 50 назад, пол века прошло.

А я глубоко верующая, православная, и потому я ни в приметы и сны не верю. Тем более дедушка Антон был человеком в нашем мире первым, кто научил меня жить, мыслить, читать и писать и изучать Библию. По самой настоящей Библии, изданной еще в 1801-м году. Которые чудом уцелела у него.

А родилась я уже в послевоенные годы, 1 апреля, в землянке, по стенкам которой текла вешняя вода.

А куда же денешься-то от половодья? Не было еще ни одного дома в сожженной фашистами деревне Щенятино, что на Брянщине.

Вот при свете керосиновые лампы, долгие зимние вечера дед Антон и обучал меня грамоте. И приобщал он меня к изучению жизни по великой Книге Книг. А других учебников в сожженной деревне просто и не было.

А дед Антон мне читал: «В начале было Слово... И слово было у Бога. И это Слово было Бог...» Да он читал я его слушала. И все представляла в своем детском воображение, абсолютно не отягощенном знаниями моего воображения.

Передо мной открывались мои мироощущения: Бог трудился шесть дней. А седьмой день, был святой – день отдыха.

Но вот появилась твердь земли, а она отделилось от тверди небесной. Зато потом были сотворены трава и цветы, деревья и птицы. Животный мир и мы, люди.

И я узнала, что нарушение Божьего завета – это грех. И он стал причиной нарушения Божьего завета. И он стал причиной изгнания из Рая первых людей: Адама и Евы.

Но как старался Адам оправдать себя перед Богом: «Женщина, которую ты мне дал, соблазнила меня, но ее-то ты создал из моего ребра!»

Но он не кратко говорил с Богом: «Ведь Боже, моя жена Ева вкусила запретный плод». Но как жена она была дана Адаму – Богом!

Но самое главное, что я, маленькая девочка, все понимала в рассказах деда Антона. Я впитала в себя все, что неторопливо говорил мне мой мудрый и удивительно тихий и короткий дед Антон.

А дальше больше... Я своим воображением дорисовала картину нашего Мира.

Мне виделись в красках и в движениях – море и горы, океаны и заросли джунглей. Водопады необыкновенной красоты и восходы и закаты. И все картины эти были у нас с дедом Антоном на печке в хате.

В нашей деревне не было ни телевизора, ни мультиков. Где все наши жители в землянках, а единственным светом был – дневной свет или свеча. Но у нас-то была огромная роскошь. Керосиновая лампа! Но керосина хватало на немного времени. И снова зажигалась свеча.

А за окнами завоевали метели, и засыпали сугробы окружали вокруг нашей деревни. Днем же дом наполнялся ярким светом от тусклого зимнего солнца. И мне было радостно от встречи с чем-то неизвестным, огромным и таинственным.

А бабушка Алена топила печку и пекла такие пироги с яблоками и грибами, капустой и рыбой, которых я больше никогда и нигде не видела и днем же дом наполнялся ярким светом от тусклого зимнего солнца. И мне было радостно от встречи с чем-то неизвестным, огромным и таинственным.

А бабушка Алена топила печку и пекла такие пироги с яблоками и грибами, капустой и рыбой, которых я больше никогда и нигде не видела и не вкушала. Да еще были и блины...

Но зато вся бабушкина жизнь было сплошным ожиданием. Она вслушивалась и выглядывало на дорогу, на улицу. Вздрагивала на любой неожиданный стук в дверь. И даже на скрип калитки.

Бабушка Алена ждала своего сына Андриана, одного единственного. А пять его братьев уже погибли на войне. Но иногда и «похоронка» не приходила. И от Андриана не было получено письма с фронта.

Как ушел он на фронт в 1941-м году, попрощавшись с женой и детьми, так и пропал. На все запросы куда только не писали. А получали ответ: «Пропал без вести...»

Но для деда Антона и для моей бабушки Алены Андриан был всегда жив, до самой их смерти.

– Девки, девки – выкрикивала нас бабушка, всматриваясь слепыми, заплаканными глазами в уходящую даль по полю большака: – «Глядите-ка,

гляньте-ка. Вон возле разделки сбегайте, поглядите! Может нас Андриаша наш ищет».

И мы бежали на большак, лишь босые пятки сверкали, сбивая черную и мягкую, как пух, пыль.

Обгоняя друг друга мы мчались к незнакомцу. Туда к лесу с названием Разделок.

Конечно же мы не знали никакого дядю Андриана... Да и узнать-то вряд ли смогли. Даже по маленькой пожелтевшей и старенькой фотографии. Она, это фотокарточка, висевшая в нашей хате у божницы, рядом с иконой Николая Чудотворца.

Но нам так хотелось встретить ее сына и бегом принести бабушке Алене самую благую долгожданную, для нее, весть.

Таких встреч с идущим в нашу деревню, по самым разным делам, путников, было немало. А бабушка потом горько плакала...

Она всегда ждала своего сына всю жизнь и всегда говорила:

– «Ведь не было же похоронки значит жив Андриаша, жив. Чует мое сердце. Придет!»

Только теперь, когда я потеряла своего первенца в автомобильной аварии белой июньской ночью 1999 г., умницу, молодого и красивого парня, кровинушка свою, сына Колюшку, только теперь я узнала, как оно разрывалось всю жизнь – бабушкино сердечко. И как оно трепетало у нее, в надежде всякий раз, когда на горизонте появлялась не знакомая фигура нашего странника...

Мой отец Иван вернулся с тяжелой контузии. Но он сразу же возглавил колхоз и поднимал его из руин. Контуженные правая рука ну никак не слушалась. И он научился писать левой рукой, и, ей уже выполнял всю крестьянскую работу.

По просьбе бабушки мой отец писал письмо и в Подольский музей Великой Отечественной войны. И в Центральный архив Министерства обороны. И даже в военкомат, призывающие Андриана на войну...

Но ответ был тебе тоже: – «Пропал без вести. Сведений о гибели Рудакова Андриана Антоновича нет.

Прошло много лет стих пор. Как нет моего отца, ни деда Антона с бабушкой. И только один раз приснился мне дед. И это было за семь дней до трагической гибели моего сына.

В том горьком с ним, потерявшим меня, дедушка был ране

Прошло много лет стих пор. Как нет моего отца, ни деда Антона с бабушкой. И только один раз приснился мне дед. И это было за семь дней до трагической гибели моего сына.

В том горьком сне, потрясшем меня, дедушка был ранен. Кровь, буквально, лилась из его раны. А он четко повторял горькие слова, пронзив-

шие мое сердце. И даже во сне звучали у него слова: «Больно мне, больно! Больно мне...»

Но я не верила снам. Дедушка научил меня верить в Бога, как и положено быть православному человеку он мне говорил: «К гадалкам и городеям не ходи. И толкованием тоже не верь. Верь только одному Господу Богу. Поклоняйся Ему, верь и держись за Его».

А мой Колюшка погиб ровно через семь дней после этого сна. И я думала тогда и сама не выживу. Я тогда не могла жить. Не умела видеть и слышать. Не могла даже дышать...

Через силу, переживаю, я читала акафисты, поминальные молитвы. Подала в церкви, вжимаюсь всем своим существом и... Ничего Шиннике не понимала. Ходила как сомнамбула.

15 лет прошло, а все кажется это было вчера.

И вот почему нынешний случай, как явление во сне деда Антона, просто заставил меня подскочить в кровати. Там, в тихом уютном в гостиничном номере в Александрии.

– Нина – разбудила я Нину Тимофеевну Гойку, свою коллегу и соседку по номеру – Нина, какой страшный сон приснился мне! Очень тревожный! Конечно я не верю, но... У меня уже был такой же сон, похожий. Я видела во сне деда Антона один раз. Правда не совсем такой...

Но сегодня он был спокоен и тих и было у него забинтована рука на груди, а она правая у него. Он весь седой, как лунь, и белый как снег.

Но мой дедушка во сне не говорил и не жаловался. Он молчал. Но каким был его взгляд! Будто что-то важное, важное и главное он не хотел сказать.

– Да это к хорошей погоде – отозвалось Нина Тимофеевна – это не переживай и успокойся.

И мы стали собираться в дорогу. Начинался первый насыщенный день мероприятий. И четвертый день нашей поездки.

И первым таким мероприятием было посещение Буйнического поля.

А в автобусе руководство Могилевского облисполкома предварительно организовала нам посмотреть документальный фильм по материалам книг. И расследования Могилевской группы «Поиск». И этой группы руководил писатель Николай Борисенко.

Голос за кадром говорит:

– За первые четыре дня войны, призывные пункты Могилева, направили в Красную Армию около 25 000 человек. За семь дней вокруг города были созданы две линии обороны. И в народное ополчение влились жители всей области. Они трудились без усталы на строительстве оборонительных сооружений. Улицы города превратились в баррикады, Адама – в крепости.

А 3 июля, в междуречье Березины и Днепра уже шли жестокие бои с передовыми подразделениями немецкого 46-го танкового корпуса второй танковой группы Генерала Гудериана.

На западном берегу Днепра, перекрыв шоссе Могилев-Бобруйск и Могилев-Минск, оборону держали 388-й и 514-й полки регулярной армии, а на восточном фронте – 747-й стрелковый полк.

Но уже 6 июля, под натиском превосходящих сил противника, отряда зашли вглубь обороны дивизии.

С каждым днем, противник усиливает натиск. И город подвергся многочисленным бомбардировкам. Но наши войска не только храбро сражались. Это было героическая, до смерти, сопротивление Советского народа. Мы противостоим мощной силе зла – фашизму!

Наиболее тяжелые и жестокие бои развернулись в районе Буйнического поля. А фу деревне Буйничичи и проходил народный край обороны. Был приготовлен противотанковый ров, который смыкался с оврагами и упирался в реку Днепр.

С 10 июля противник подвергался, непрерывному артобстрелу и массовой бомбардировке позиции 388-го полка.

Тем не менее 12 июля, упредив атаку, Советское артиллерия била огнем по скоплению немецких танков. И нанесла фашистам значительные потери.

Но и противник пришел в наступление. Он направил на советские позиции через Буйническое поле 70 танков. Бой продолжался 14 часов.

И наши славные войны, подбили и сожгли, используя бутылки с зажигательной смесью 39 вражеских танков и отбили несколько атак противников. Не зря использовали наши бойцы «коктейль Молотова». Как говорится: «не моем, так катанием». Знай наших.

13 июля воины нашего полка опять контратаковали противника и отстояли тот рубеж обороны несмотря на то, что бои носили невероятно ожесточенный характер.

Во все следующие дни, советские воины до 22 июля героически сопротивлялись. Хотя практически где окруженные врагом.

Но все же обеспечивали укрепление обороны на Смоленском и Московском направлениях.

13-го и 14 июля на Буйническом поле находились корреспондент газеты «Известия» и писатель Константин Симанов и фотокорреспондент Трошкин. Который и сфотографировал скопище подбитых танков. И этот снимок увидела наша вся страна.

События то героической обороны в свое время нашли отражение в романе Симонова «Живые и мертвые». И это был про образ героя романа полковника Семена Федоровича Кутенова.

В глубине переживания, Константин Симапов не раз писал в своих публицистических материалах и в дневнике: «Разные дни войны».

Но он во многих статьях и книгах вспоминал Могилев. Наряду с Москвой, Ленинградом, Одесса, Севастополем, Сталинградом.

И он не был солдатом, а просто корреспонденту. Но однако у меня самой Тамары Ивановны Красновой есть кусочек земли, который мне никогда не забыть. И это поле над Могилевом. И вот поэтому поводу были и его строки.

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года
Она такой выдавила след
И столько наземь положила
Что через двадцать, тридцать лет
Живым не верится, что живы...

А Константин Семанов вспомнил при мне вот такой эпизод.

... Середина поля. Могилев. С восточного берега на западный перекинут единственный деревянный мост. А на нем не одной пушки, ни одного зенитного пулемета.

И мы переехали на тот берег, на западный берег, Днепра. И полк оборонял его, когда-то и Могилев.

В этот день был тяжелый и кровопролитный бой. Наш полк разбил 40 немецких танков, но и сам истек кровью.

И вечером мы поговорили с командиром палка полковником Кутеновым... На его обросшем, небритом и усталом, смертельно усталом лице, в самые тяжелые мгновения, вдруг на лице появилась неожиданная мягкая и детская улыбка.

А мы сказали ему про мост: – «там же нет ни одного защитного пулемета. Если немцы разбомбят мост, то он с вашим полком будет отрезан здесь, за Днепром».

– «Ну и что ж» – Кутенов вдруг улыбнулся такой светлой улыбкой. Простодушной, прямо детской улыбкой – «Ну и что ж» – повторил он мягко и тихо, как будто говоря о чем-то обычном – «Да пусть бомбят. Если другие, кто-то, отступит, то мы решили тут остаться и умирать всем нашим полком. Да мы уже и говорили об этом».

Вот это стойкость и мужество и как говорят испанцы: «Но поссаран» – Они не пройдут.

А Тамара Краснова взялась после этого, очень длинного разговора стала читать: «Евангелие», как большой буквы Святцы. Особенно по бук-

вам слово: «кро-во-про-лит-ный». А кровь людская – не водица. И человеческая кровь лилась на нашу землю рекой. И мы живые, которым завещано самое дорогое. Но мы все же не все сберегли.

А вот как тут не прочитать стихотворение Александра Твардовского:

А ха, святая иль чужая,
Все в цветах иль в снегу...
Я вам жизнь завещаю, –
Что я больше могу?
И у мертвых безгласных
Есть отрада одна:
«Мы за Родину пали,
И она – спасена!»

Твардовский: «Я убит подо Ржевом».

Послевоенные годы разрухи была невыносимая боль для Солдат Победы, появилась боль за них искалеченных войною.

И они заливали свое горе горько и стопкой и водки. Но боль-то не становилась меньше...

Об этом и говорится в моем стихотворении «День Победы»:

Нынче пьяный дядя Ваня...
– «Ну зачем ты столько пьешь?»
– «Выпью, меньше ноют раны.
Впрочем, вряд ли ты поймешь!»
– «Что тебе до нашей части?
Снова в город убежишь...
Вся Держава в одночасье
Пала, видишь и лежит.
И плюют и яды мечут...
Кто?! Да раньше на порог
Не пускали эту нечисть!
Я ж пришел с войны без ног».
– «Ну и что я мог поделать?
И где вот ты была тогда?
Научилась ловко бегать
Из деревни в города».
– «Дядя Ваня что отвечу?
Тут словами не помочь
Нужно что-нибудь покрепче,
Чтобы выжить в эту ночь».

... Сердце рвется. Память плачет...
– «Выпьем, что ли, дядя Вань»
«Так-то... А пришла судачить...
Пьешь зачем... Ну наливай...»

Тамара Краснова, прочитав свое стихотворение День Победы задумалась, а потом произнесла вслух:

– А ведь нынче, когда я беседую с еще живыми, седыми и беспомощными уже участниками Великой Отечественной войны, какая боль звучит в словах... «Историю сохраните. Не дайте ее переименовать...»

И строки Александра Твардовского и стихотворение «Я убит подо Ржевом», датированные им 1945-м – 1946-м годами, читаю как укор и наезд:

Вы должны были, братья,
Устоять как стена.
Ибо мертвых проклятия –
Эта кара страшна.
Летом в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Все что было потом,
Смерть меня обделила.

А разве это не обращение к нам, сегодня живущим на родной земле, освобожденной от фашистов ценой миллионов жизней:

«Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли
Если б мертвые павшие
Хоть бы плакать могли!
Если б залпы победные
Нас, немых и глухих
Нас, что вечностью преданы
Воскрешали на миг –
О, товарищи верные, лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
...Вы постигли вполне.
В нем, то счастье бесспорное
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.

Завещаю в той жизни,
Вам счастливыми быть.
И родимой Отчизне
С честью дольше служить.
И беречь ее свято,
В память воина-брата,
Что погиб за нас».

А Тамара Краснова после прочтения своего стихотворения, сказала: – слава Богу, здравый смысл сегодня, собирает снова знамена молодые, независимые государства для того, чтобы сохранить, укрепить, выжить в этом бою. И спокойно и радостно жить самим.

Новый Союз государств уже заявил о себе. Он дает надежду, как единственная возможность, слить воедино не только богатство пространств, но и могущество верований и неповторимости индивидуальности особенности каждого народа. И мы едины тогда, и непобедимы.

Но вот уже появляются и новые возможности. Рынок становится единым для всего нашего Союза. А это привлечет новые инвестиции. Например, автомобилестроения.

И это будут новые рабочие места и дополнительные налоги в бюджет нашего государства! И расширения его...

Вот тебе и культура нации... А потому и нужен сложнейший организм – Союз литераторов, писателей. Художник говорит красками. Музыкант – звуками. Но почему-то оба молчат. А вот писатель рисует словами. И здесь все открыто: «За мелодией не скроешься, ни за цветок ни за молчание».

Но: «Невежество убийственный позор». Оно часто не дает литературе развивать дух человека из-за интернет информирования.

А вот духовное возрождение общества – это ответственная миссия возложена на «инженеров человеческих душ» – писателей!

И как говорит русская пословица: «Назвался груздем, надо лезть в кузов». Но по плечу ли это нам, писателям? Но они не добывают кусок хлеба «насущенного», а по велению своего сердца!...

А вот возникающая в творческой среде, то там, то тут начинается травля сильной и талантливый личности. И публичное высказывание напомнило мне историю.

В 1972-м году на Ленинскую премию выдвигались писатели из союзных республик. Так вот тогда, в адрес представительницы Армении Мариэтты Шагинян и были получены не просто положительные характеристики ее творчества, а целые «оды», прославляющие ее, как «голос народа», «звезду Востока», «лучшую из лучших дорогой Армении».

А в тоже время не представляемого к высокой награде – Ленинской премии, выдвинули писателя Беларуси Ивана Моложе, который родился в простой крестьянской земле на Томольщине. Он воевал, получил ранение на фронте и написал романы «Люди на болоте» и «Дыхание грозы».

Но на него обрушились несправедливые наветы со стороны «братьев-писателей».

Но это уже история была. И мне сказали, что есть пословица: «Кто старое помянет, тому глаз вон»...

Хотя агрессия, по своей сути, не свойственна белорусскому народу. Но «дикая охота» пришла к нам не сама.

А активная агрессия, присуща, как правило, лицам не реализовавшим себя в силу разных причин. И у них, что не делай – все плохо. И идут на разрушения, до противостояния.

Размышления мои прервались. Автобус явно замедлил ход. Мы подъехали к Буйническому полю. И я вступила в первые на святую, политую кровью, землю. Я перекрестилась и чуть не заплакала. Мое внимание привлек огромный камень. А на нем мраморная доска со словами: «Всю жизнь он помнил это поле боя 1941 г. и завещал развеять здесь свой прах». Константин Симонов.

Судьба писателя теперь навек связана с Буйническим полем. Был открыт 9 мая 1995 г. В центре его 27-ми метровая часовня – символ величия воинского духа славян.

И чуть поодаль – военная техника времен Великой Отечественной войны. Стены часовни расписаны фресками. И размещены мраморный доски с именами.

А в самом центре часовни установлен маятник Фуко – символ вечно-го движения, в память о всех погибших на этом поле в 1941-м году. Наверху часовни – крест.

А маятник Фуко установлен на церкви Собора на Дворцовой площади еще в эпоху Петра Первого.

Но Тамара Краснова удивилась:

– Сколько их, чьих-100 сыновей, отцов, братьев, мужей и женихов. Без них осиротели невесты, не родились дети. Целое поколение не родившихся детей не появилось на божий свет.

И вдруг... Меня как молния обожгла. И попала в мое сердце. Я почувствовала острую и невыносимую боль...

На противоположной стене, в середине огромного списка фамилий, огнем полыхнуло родное имя: – «Рудаков»! А дальше инициалы – А. С. Да это же мой дядя! Андриан!

– «Ах мой дед Антон, дедушка ты мой! Неспроста же ты мне приснился! Вот ты же чудо-то какое. Почему же именно теперь, здесь мой дед Антон из мира вечного покоя послал мне весть?»

И впрямь здесь особая аура. Эти поле, река, лес и такое чистое небо, чистое не по-земному, необыкновенны.

Видимо высшей волей и высшим могуществом все предопределено в нашем мире.

Я здесь места с мощным биополем, в котором и воплощаются энергетические послы вечности. И сюда прилетают или могут прилетать ангелы. Так сказала бы моя бабушка Алена.

Это здесь хранит и открывает чистым сердцам свои тайны сила священной земли, политой кровью погибших ее сыновей. Они отдали свои жизни за Великую Родину, страну, созданную для равноправия и спокойной жизни для многонационального народа.

Белорусы... Я хорошо знаю наших людей. Это мирный и трудолюбивый народ. Как и русские люди, белорусы исключительно душевны, открытый, доверчивый никогда и никто не назовет чужим трудового человека. К тому же кровью предков полита белорусская земля.

Иван Данилович лежит в братской могиле у деревни Юрковичи, под Гомелем. Иван Антонович – под Витебском. Борис Петрович в деревне Хотешля, близ городка Мозно Витебской области. Иван Федорович – под Брестом. А Андриан Антонович, где я его нашла – на Буйническом поле.

Безнадежно рыдало мое сердце, когда я нашла Андриана. Было только извещение: «Пропал без вести». А значит он для матери, отца, для жены, для детей – он жив.

Именно мне выпала честь – найти после стольких лет его «пропавшего без вести» брата своего отца, сына моего деда Антона и бабушки Алены. Защитника Отечества!

А ведь сколько лет искали его все родные. Но даже в списках мемуаралов не было его имени среди погибших... Да и не могло быть! Ведь написано: «А. С.»

А у дяди-то инициалы другие: «Он Андриан Антонович».

А сегодня, в день Николая Чудотворца, Николы Зимнего, без вести пропавшего, вдруг оказалось, что это он, Андриан Антонович Рудаков. Не без вести пропавший, а погибших – Солдат Победы. Он, каким-то чудом. Не будь меня в этом путешествии. И его призыва в июне 1941 года.

Да с Бог, на Троицы поедем ему поклониться... 19 декабря 2011 года.

И вот уже следующая глава Романа книги с названием «Жизнь моя, иль ты приснилась мне» называется «Ожог» – преамбула: (Повесть о первой любви).

– Ослепительно белый «Мерседес», разрезая плотную мякоть снежной ночи мощными фарами, двигался по кольцу автомобильной трассы. Через боковое стекло «Мерседеса» было видно огни большого города. А он огибая кольцо автотрассы видел сияющий огни Большого города.

Снег летел навстречу автомобилю, но тут же сползал и таял. И это было удивительно и красиво. Вдоль дороге стояли красивые ели, уже покрытые шапками снега, который был так похож на соболинный мех.

Они летели ему навстречу и восхищались обильным снегопадом. Мелькнут на мгновение, вырванные из тьмы и света и улетали, как и положено пышные сугробы в эту снежную предновогоднюю ночь, где снег иногда доходил до вершинок елочек.

Алина и Юра спешили. Они припозднились с выездом, а так хотелось успеть домой, к новогоднему столу и встретить этот праздник дома.

Сыновья-то уже, наверное, уехали со своими друзьями в долину Куршавель на горнолыжное сафари. Они уже много лет делали большие Новогодние каникулы.

А дочь Аленка, конечно же, ждала родителей и готовилась к празднику. Да и мать с отцом накупили много вкусности и подарков. Алина и Юра прямо из-за праздничного стола, вспомнив добрыми словами все, что было, даже не переодеваясь помчались дальше, в новогоднюю ночь, в путь, домой.

Если бы она знала, что она уезжает из родного дома, из своей роденькой и маленькой самой прекрасной на белом свете деревни! Укутанная в теплый мамин платок, она уже считала себя самостоятельной.

Грузовик с громким гулом, оставляя после себя облака снежной пыли поднимался на горку. Впереди виделся Разделок, а за ним Лисьи ямы. Позади осталось деревня, куда ей суждено будет приехать сюда лишь через сорок лет. А пока впереди была целая жизнь и она сулило ей много нового и неизвестного.

Все уезжали когда-нибудь из учила дома, все начинали новую жизнь. Ну разве можно ожидать и описать детского сердечко, влюбленного в свой палисадник, солнечные кустики «Золотого шара», а в нем свои яблони.

А Курский налив! Это же Райский сок. А какая прекрасная библиотека была создана родителями. Как драгоценности, привозились тома книг Художественной литературы. Из стольного города Москвы. А туда мы приехали для повышения своей квалификации.

Все было перечитано не только мною, но и Алиной, до корочки: Лермонтова, Блока, Есенина, Толстого, Достоевского, Гоголя. Про Есенина она слышала одно стихотворение: «И напомним, я, что целовал я женщин, что рвал цветы, валялся на траве. Но я собак, как наших граждан меньших, я никогда, не бил по голове».

Но это кстати однажды, где-то в шестидесятых годах из Москвы привезли целую коробку пластинок для патефона и мы послушали единственный патефон на всю деревню. И вечерами его выносили во двор.

Слушали Хор Пятницкого и любимых певиц Анастасию Вольцову и Лидию Русланову. И собиралась почти вся деревня. А Лидия Русланова пела для всех любимую песню: «Видит небо, видит Бог, как его любила, по морозу босиком, к милому ходила. Эх валенки, валенки, неподшиты стареньки. А при старости такой, мне не надо никакой!»

Алине было лет 12, когда отец привез из Москвы, совершенное чудо: песнями Имы Сумак. Она гастролировала и парадно пела: «Подмосковные вечера». Ах, какой у нее был голос? А в газетах писали, что она берет шесть актов. Вот какой песенный диапазон был у нее. Но это не имело никакого значения. А это было просто чудо – она была прямым потомком инков.

На пластинке было две песни «Для тебя» и «Гимн Солнцу». Алине, когда она слушала этот уникальный голос ей слышались голоса, Иму Сумак, она ее слушала, а на лице сияла улыбка.

И слушать Сумак, Алина могла слушать «Гимн солнцу» часами. Тогда все в круг наполнялось дыханием трав, пением неведомых птиц и солнечным светом, который тоже издавал звук... И эту музыку она будет слушать всю свою жизнь эту мелодию.

В городском поселке Алина поступила в девятый класс, единственную среднюю школу. После деревни из девяноста хат, это был огро-о-омный город!

Соседняя девочка Люда знакомила Алина:

– вот это Антон Северцев. Смотри все девочки влюблены в него, а ему, хоть бы что.

С фото на Алину грустно смотрел юноши. Через чур смотря озабоченно. И будто бы говорил: – «Вот он – Я!»

А Людка лепетала:

– Никто ему не нравится! Задавака. Да и вообще – молчун. Воображает что-то. – лепетала Людка.

Но Алина уже не слушала ее.

Но Антон был близорук. И поэтому сидел на передней парте. А Алина была высокой девочкой. И поэтому выбрала последнюю парту – «Камчатку». Ах как тесно и грустно было ей в новой школе, вдали от своей деревне.

Ее касалось истины. Но на нем было можно качаться. Если оттолкнуть спинку назад, можно было и покачаться. И он становился на две ножки. Получалось кресло-качалка. Иногда она ловко перемещалась между столом и стеной. Чтобы ощущать себя не в классе на уроке, а у себя в деревне, верхом на Моретине, подаренном ей отцом коне.

На поле, утром, можно было и скакать на коне по утреннему лугу. И набрать за час кувшин земляники!

Замечательный юморист и учитель истории Павел Васильевич, наблюдал «перемещения» своей талантливой ученица во время урока, пытался встретить ее в стенах школы и окликивал ее по имени.

Она вздрагивало и возвращалась безропотно.

И вскоре в стенгазете появилась заметка и рисунок, на котором изображены фиалковые глаза ее, а внизу подпись: – «Алина Громова на уроке невнимательно. Вместо того, чтобы слушать учителя, она витает в облаках... Позор!»

Но и близорукие глаза Антона и синие огромные глаза Алины, с первого же дня, того 1 сентября, встревожились и встретившись, как два прожектора, уже не переставали бесконечно пересекаться в том пространстве, которая называлось: «Девятый «Б» класс».

А пятый день сентября выдался на радость солнечным и школу потрясла новость. Антон, этот тихоня и «задавака» не посмотревший ни на кого, за все девять лет в школе, взял портфель Алины Громовой и пошел провожать девочку до ее дома.

И не просто провожал! Они сделали круг большой, через лес, где их уже не могли увидеть и они встретились впервые вдвоем, в волшебном царстве потрясающей красоты, горящей всеми красками, молодой осени.

Антон был молчалив, а Алина слушала его молчаливую музыку леса молодого и шелестящего.

Но за них говорила природа, ярко раскрашенные золотые клены и багряные осины, усыпанные красными бусинами ягод и кустами калины.

И это первая любовь поразило их двоих, как-то вдруг обоих. Она оглушила невиданным состоянием робости и страха. Вместе с ожиданием и восхищением перед последующим неизвестным.

Антон удивило и восхитительно в этой девочке, которая явилась в класс абсолютно дерзкий и смелый взгляд, их уверенность и смелость. И летящая походка... Какая звонкая и недостижимая она была по-сравнению с другими девчонками, с которыми училась в школе, с первого класса.

Зинаида, вечно крутилась около своего одноклассника. Она небольшого роста, крепенькая и любила командовать вечно. Была председателем пионерского отряда. И влюбилась в Антона с первого класса, с первого взгляда... И она старалась быть настойчивой и вездесущей, помощницей и советчицей...

Алина никак не могла понять, откуда у нее взялось это щемящее и бескрайнее чувство любви. Она переливалась через край ее сознания. Сердце билось так, что готово была вырваться из груди. И улетает вверх, высоко-высоко! Ему не хватало места, под изящным коричневым платьем, пошитым с любовью ее мамой: «для городской школы».

Это платье, с белоснежной кружевной отделкой и легкие замшевые модельные туфельки. Она чувствовала себя прекрасной и любимой, а удары сердца звонкие. Ей казалось, что стук сердца ее слушает внимательно весь лес!

– Представь, Аленушка, что это озеро Рица! – сказал Антон, показывая на небольшую лужицу, после дождя – А ты знаешь, Рица находится на западном Кавказе, в Абхазии. И оно высоко в горах, высотой 950 м, почти километр надо уровнем моря! И оно чистое и глубокое, как твои глаза, Алина!

И вода здесь никогда не замерзает. Так пусть этот холмик, наши Кавказские горы! А это озеро ку на Западном Кавказе, в Абхазии.

Так пусть же этот холм лесной – наши Кавказские горы! А это озерко – наше озеро Рица! И об этом даже никто и не знает, никто-никто!

И здесь на этом холме они нашли удивительно красивая, огненная-красное дерево калины. Антон выломал в гуще прут гибкий и длинный и... резко ударил им по ветке, усыпанной красными кораллами ягод. И ветка надломилось и безвольно повисла.

Из глаз Алина неожиданно брызнули слезы:

– За что ты ей так? Ей же больно.

– Ты необыкновенная. И я хотел точно узнать. Ты же ведь заплакала от того, что я ранил калину?! Ты, Аленка, необыкновенная! Теперь я точно знаю, что ты моя! Единственная.

– Но калине же было больно и в правду. Зачем же ты так? Для того, чтобы узнать меня, мою реакцию, ты ударила живой кустик! Сломал ветку. Знаешь, в японской поэзии есть такие стихи, хокку:

– «Камнем бросьте в меня!

Ветку цветущей вишни

Я сейчас обломил...»

– Красиво и точно, правда? Очень глубоко сказано. А что чувствует человек, случайно обломивший ветку цветущей вишни? Боль. И просит он камнем бросить в него. Потому, что он вину и боль ощущает. Вот и мне было больно видеть, то, что ты сделал. Не надо больше так меня «узнавать» пожалуйста!

– Я люблю тебя!

– Я тоже люблю тебя.

– Давай мы не будем больше расставаться!

– Никогда.

– Я не могу жить без тебя.

– Я знаю...

После школьного вечера, на котором Антон помогал учителю физики делать музыкальное оформление, они и зашли в лабораторию кабинета физики.

А там, в кладовке, хранилось звуковое оборудование и музыкальные инструменты. В школе был свой струнный оркестр и даже настоящий, а не какой-то там игрушечный (иногда были такие) магнитофон.

И Антон спросил Алину:

– Какая у тебя любимая мелодия? Песня! Музыка?

Алена вспыхнула:

– О, есть такая! Но она вряд ли есть в нашей школе, в ее коллекции. А у меня, там в доме, в деревне, есть пластинка. Мне папа привез ее три года назад из Москвы. Чудный голос, чудный! А у тебя?

– У меня тоже есть! – ответил Антон. Я люблю и часто прихожу сюда. Заслушаешься им. Хочу сегодня тебе ее подарить. Сегодня же послушай.

И он щелкнул кнопку, чтобы включить магнитофон.

Вдруг, будто их обоих охватила утренняя прохлада родника и нахлынул чистый поток любимого сопрано, поющего... «Гимн Солнцу»

И Има Сумак сегодня пела совсем по-другому. Страстно и нежно. Пронзительной и величаво лилась эта мелодия, пронизанная любовью ко всему живому на земле.

И Алена прошептала:

– Так это же она и есть! Моя любимая! – и она заплакала от счастья и радости, которые будто с неба текли чарующий звуки. И они оба слушали и этот неповторимый голос, богатейший в своих тонах и полутонах и оба любили эту нежную мелодию – «Гимн Солнцу».

А оказалось они до этого, задолго и врозь слушали неповторимый голос, богатейший в тонах и полутонах неповторимого звучания. Как будто все свои прошедшие годы готовились к удивительному счастью – встрече друг с другом!

... Но Зинаида с первых же дней постаралась стать лучшей подругой Алины. Вот и сегодня она подошла к ней после урока истории и позвала ее к себе домой.

Дом Зинаиды был рядышком у школы. А Алина приехала в городской поселок из своей деревне и жила у бабушки. Но до ее дома было три километра. А единственный автобус ходил очень редко. Поэтому она и согласилась.

Тем более, накрапывает дождик. Да и бабушка разрешала ей иногда остаться у своей подружки на ночь.

– Давай посекретничаем! – предложила Зинаида.

– Я не умею, – искренне ответила Алина – Зачем? Знаешь, Зина,

у нас в деревне и так было все понятно. Все итак ясно и все про всех все знают, никаких тайн и секретов, мне кажется, у нас там не было.

– Ты странная – грустно сказала Зина.

– Нет, я говорю правду. И стараюсь быть откровенной. Во всем. Не люблю я хитрить и лукавить.

– Ну ты же дружишь с Антоном Северцевым? Я видела как он тебя провожал.

– Да.

– Он нравится тебе?

– Я люблю его.

– А он?

– И он меня любит. Мы с ним никогда не расстанемся!...

Зинаида неожиданно рассмеялась и спросила Алину:

– А с чего ты это взяла?

– Мы дали клятву друг другу.

– Когда успели-то?

– Ты не представляешь, Зина, какой он необыкновенный! Чуткий и умный! Какое это чудо – любить друг друга. А я люблю его. Все мне в нем – любо! Он не такой как все. А какой он молчаливый! И когда он молчит, мне кажется он слушает какую-то музыку или вспоминает строки стихотворений, любимых для него. Он так красиво молчит...

– Да он же заикается. Разве ты об этом не знала. Он просто стесняется говорить.

– Нет я не знаю. Я люблю слушать его молчание. Я живу этим чудом, которое во мне и вокруг меня теперь. И лес, через который я ходила, стал волшебным. Обычная лужица становилось для него после дождя, стала ему озером Рица! Это мы так с ним назвали. Оно высоко в горах на холмах Кавказа. Антон сказал мне, что у меня такие голубые глаза, как и у неба. И знаешь, я до сих пор слышу его слова.

А мне хочется слушать вновь и вновь. Как хорошо, что у меня есть теперь и подруга, это ты, Зиночка! С тобою я могу говорить обо всем.

– Я – могила – сказала Зина – ты можешь говорить со мной обо всем. А еще расскажи, почему вы гуляете все время в лесу, а не в парке на танцы не ходите?

А зачем нам ходить на танцы? Я не люблю, когда вокруг много людей, толкутся под музыку в одном помещении, под дикую музыку. Кстати, Антон тоже. А в лесу гулять так интересно. Все живое и все отвечает нашему настроению.

– Может быть ты и стихи пишешь Алин? А может быть ты хочешь сказать, что ты прямо такая необыкновенная, что ли? Не как все?

– Ничего особенного и необыкновенного у меня нет. А ты как-то

странно говоришь! Антон вот, тоже «проверку» устроил. Да вы что же сговорились, что ли? Антон срубил ветку калины и я даже заплакала. Но стихи я пишу с детства. Ну и что? И причем тут танцы? Чем пляски в клубе устраивать, так лучше в осеннем золотом лесу погулять!

– Нет, нет, Алина, мне интересно конечно. А в лесу, так это совсем здорово. – Сказала Зина.

– Ну вот, ты все понимаешь. Мы можем сходить вместе в лес, где «озеро Рица» и как «кораблики плывут к своей Ассоль».

– Выдумываешь ты все Алина – сказала Зина – ну какое же у нас есть озеро в лесу? Какая еще Ассоль?

– Ассоль, как же не знать! Это героиня из «Алых парусов» Александра Грина. Он замечательный писатель. У него еще есть одно чудесное произведение «Бегущая по волнам». Может быть читала ты об этом?

Так вот, Ассоль, – эта девочка, которая верила и ждала свою мечту, что ее красивая мечта об алых парусах и принце, стала явью. А озеро-то рядом и вправду есть! И знаешь ты, моя дорогая, Зина, как я хочу, чтобы и ты увидела эту красоту. То ты тогда и увидишь ее. И чудо – любить! И чтобы вы с Валерой Красовским открыли свои чувства друг другу!

Ведь я заметила, как вы шли с Валерой, а он так ласково смотрел на тебя, Зиночка! А он тебе нравится?

– Ты ошибаешься во всем – резко ответила Зина – То что ты сказала все у тебя будет не так. Вот увидишь.

– А что не так?

– Все!

– А, Зиночка, милая моя! Давай лучше спать! Чтобы быстрее наступило завтра – новый день, в котором я живу и в котором его увижу!

Зина молчала. Но она не спала.

... Старшие классы в октябре отправляли на уборку овощей. И это было здорово! Солнце прогревало по-летнему! Но сидеть в душном классе было не интересно.

А вот собирать картошку, за милую душу. Перекидывались смешками, дурачились, собирали вкладчину у костра с печеной картошкой!

А потом... Опять прогулка по «золотому лесу».

– Но почему сегодня Антон молчалив? – думала Алина – Может дома что случилось?

А когда Алина, убрав инвентарь и умылась, она столкнулась на выходе с Антоном.

Едва сдерживая волнение, она столкнулась на выходе из школьных мастерских с Антоном. И увидев его взгляд, она спросила:

– Что?!

– П-п-предательница! – Произнес Антон сильно заикаясь.

И тут же на глазах у всего класса, круто повернулся и демонстративно взял школьную сумку из рук... Зинаида.

Взявшись за руки, они вышли из школьного двора.

... Всю неделю шел дождь. Ветер был сильный ветер пронизывающий. Он оголял деревья, безжалостно срывая с них позолоту. И только рябины сияли яркими кистями ягод на фоне серого, хмурого неба.

У Алина была высокая температура и она во сне бредила. Бабушка в отчаянии вызвала ее маму. И она, бросив занятия в школе примчалась в райцентр. Привезла Алине теплую одежду и гостинцев.

Вика Алина металась в горячке. Ее длинные русые волосы, будто ручейки, обнимали исхудалые плечи и тело. И она, словно на костре горела. Лицо было блее простыни.

На какое-то мгновение приходила в сознание, прижимая, руки к своей груди, она повторяла:

– Мамочка, мне больно! Болит мама, болит. Вот здесь, где сердце, там и болит! Сделай мне что-нибудь мамочка! Я же не знала, что может так болеть мое сердце!

А мама плакала и сама не знала, что же сделать Алине, чтобы она выздоровела. Любимая дочь, умница, талантливая и смелая, независимая – горела.

И вовсе не от ангины, которой у нее оказалось и не было. Это было перенапряжение юного организма, не зная лукавство, испытала сильный стресс. И оно горькое и серьезное испытание.

А мама же конечно поняла, что это было пламя первой любви. Не понятной, но раненной на самом взлете. А выстрел был сделан в ее пылающее сердечко, распахнутое навстречу первому сильному чувству. Она летела навстречу своему счастью, но была сбита предательством на взлете. И верила безгранично своему парню, Антону.

А сколько ждало еще впереди Алину, выросшую среди лесов и полей. Свободную как ветер – свою душу, неведующую еще обжигающе силы жи!

Мой отец получил повышение. Его перевели в областной центр, где и мама Алины назначение на должность директора средней школы.

Алина едва отправившейся от болезни – воспаление легких, болела она долго, как надломленная ветка. И девочка пришла забирать документы.

Она не хотела никого видеть. Прошедший год был слишком мучительным.

На весь год Антон появлялся у нее на глазах, обращал внимания Зинаиде. И тем невыносимей ей становилось.

И какое же было ее избавление, когда отца Алины перевели в областной центр! Ведь когда она уедет в огромный город, далеко от всего, что здесь произошло раньше.

В последний день Алине позвонила Лара Барминова. Обняла. Заплакала.

– Я очень виновата перед тобой, Алина. Это я уговорила, по просьбе Зинаида, убедила Антона, что это ты рассказала всему классу тайны и секреты вашей встречи. И подтвердила, что ты все всем рассказала. Чтобы вся школа знала об озере Рице и о вечной любви, и о раненой калине. Антона это просто убило. Он же очень скрытный, ты это знаешь его. Антон уверен, что это ты его продала. И его, да и вообще все. Что ты разболтала всему классу. Ведь все это придумала Зинка, а я ей помогала. И все девочки в это вранье поверили. Ведь мы же с первого класса вместе...

Прости меня! Я поняла потом, она, Зина, это все и сделала, чтобы разлучить тебя с Антоном... Прости, Алиночка!

Алина грустно посмотрела в глаза одноклассницы. Но ничего не сказала. Дай что было можно говорить-то...

В тот день ее провожали всем классом. Были грустные и влюбленные безответные Валик Котляров и Саша Лагутин. Он отчаянно писал ей записочки – признания в любви...

Татьяна Перлина и Таля Постникова, прощаюсь, тихонечко плакали.

Они-то догадывались и понимали как плохо поступила Зина, но... Они действительно вместе учились с первого класса. Их много связывало. А вот Алина была новенькая. Алина «залетела» на один год в эту школу, яркая, успешная и так быстро стала и родной.

Даже общая их вина и их заговор, стал сейчас укором, немим и молчаливым...

И вот она уезжала.

У Алины камень с души упал и она уходила теперь легко. Радовалась, что освободилась она от унижительного мучения от предательства их. Но она все равно их любила, с болью. И открывая школьную калитку она, поняла, что это уже навсегда. В другую жизнь.

А в сторону Антона она даже не взглянула.

... На выставку прикладного искусства, Алине принесла рушничок рукодельница бабушки Веры. Сотканые и вышиты ее искусными руками: подбитые и выбитые кружевами. Но они привлекли к себе бесхитростными, но очень выразительными, с узорами.

Но бородатый художник Василий Равкин, с дружкой своим Володей Силиковым, у которого была густая борода эспаньелкой, любовались не рушниками бабушки Веры, а юной, Синеглазой, с роскошными волосами высокой девушкой, в облегающем стройную фигуру простеньком, скромном школьном платье. И это она и принесла эти рушники.

Жена Василия Равкина, искусствоведы директор галереи Дина Симоненко, умная и проницательная немедленно пригласила ее в гости.

После поданного жареного мяса с красным вином, читали Блока, Цветаеву. Потом предложили Алине почитать стихи свои, которые уже были опубликованы в областной газете. А заодно и поздравили с успехом поэтического жанра. Такого у нее еще не было.

Алину смущало, что стихи надо читать не знакомым людям. Хотя они, вроде, были искренними и непосредственными.

Делать этого ей не хотелось. И она и ушла.

Тем временем в обыденной жизни она начала сталкиваться с Володей Сильновым, чаще обычного. Гораздо чаще, чем это ей хотелось его видеть.

А жизнь текла, стремительно неслась, наполненная новыми делами. И вдруг... неожиданно пришло письмо от Антона...

Он просил ее об встрече. Письмо было убедительным, горячим, настойчиво и... Полным нежности.

Алина ответила. Она написала, что ждет его.

Встретиться договорились в полдень ближайшее воскресенье. В сквере, напротив областного драмтеатра.

До сих пор ее чувство не угасало в ее сердце. Ничего не отболело. Правда, боль была уже не такой острой. Но она ушла глубоко, засела в самом отдаленном уголке сердца. И оттуда уже нельзя было вынуть. И что удивительно, что освободиться от нее, уже потом не получилось... Всю жизнь.

В ответ лились строки стихов, откуда-то изнутри. Светом отчаяния и надежды, нежности и боли были они наполнены.

И потому они нравились многим. И переписывались всеми, кто хоть раз прочитал их. Они заучивали наизусть. Почему? А потому, что в них жила и пульсировала, самая настоящая и живая – неугасимая первая любовь!

Одни литераторы говорили: «У нее дар божий!» «У нее талант» и даже: «Работай девочка, не сломайся!»

Другие напротив, стали писать разные критические статьи. Набрасывались яростно, на неподготовленного к городской жизни, сложной и полной интриг, в жизни молодого и не опытного поэта. То есть меня.

Когда-то раньше она начала в поселке литературную и театральную студию, при районном доме Культуры. И играла в одном театре на спектакле с мамой Антона, Марией Андреевной.

А Мария Андреевна играла роль старшей сестры Алины. И у них были самые теплые отношения.

Но Мария Андреевна играла роль старший сын привет Алина, а то – матери... Но отношения у них были самый теплые.

Но после ареста прерванной дружбы Антона и Алина, та была огорчена. Ей была по душе это светлая и отзывчивая девочка.

«О чем говорить?» – думала Алина, размышляя о такой долгожданной встрече – уже год молчания прошел. Когда год прошел, мы еще находились рядом и ходили в один класс. Вечером Алина на крыльчке дома, на лавочке, ожидали ее одноклассницы: Таня и Таля. Зашли в дом и попили чая они рассказывали ей свои новости... И вдруг... как-то неожиданно и чуть ли не хором взмолились:

– Алина! Не ходи завтра на встречу с Антоном!

А она возмутилась:

– Что это значит не ходи? Откуда вы знаете мои встрече с Антоном? Одноклассники заговорили наперебой:

– Зинаида-то прочитала письмо твое Антоноу. Нашла она его в кармане. И она посылала нас с этим письмом. Пожалей ее Алина! Ты же среди нас самая красивая девушка! И у тебя все впереди. А Зинка... Но ведь ты же знаешь, что она тебе не ровня... А на нее никто и не смотрит. И она тут сразу просто пропадет. К тому же в жутко влюблена в Антона с первого класса. Ты знаешь как она молила нас: «Если он обо мне узнает, он же не простит ей никогда». А так они вместе останутся. Она говорила «я не буду тогда жить». Она же знает, что Лерка Барминова просила у тебя прощения и все тебе рассказала, что нужно сделать, чтобы вы с Антоном расстались. Знаешь, как она умоляла не ехать к тебе. Унижалась и плакала.

Поверь она в таком отчаяние. Она может на руки на себя наложить. Как же ты Алина, будешь жить? – «Не ходи же к нему, что тебе это стоит?»

Гнев переполнял сердце Алины. Что ей стоит? До всей ее жизни это стоит! Она смолчала, тогда уезжая, не сказала Антоноу об извинениях Ларисы и коварстве Зинки...

А теперь не должна идти на такую желанную встречу, опять уступить? Добровольно взять и отдать свое самое дорогое – свою первую любовь, глубокую и сильную, которая нестерпимой болью и сладостно терзало мое сердце...

– «И почему? А ха, Зинка!»

Нет, она пойдет завтра на долгожданное свидание. Но... что она скажет, ему Антоноу, придя на эту встречу? Он же поверил мне! Разве такая бывает любовь? Нет не должна быть...

Все не так.

Ловко и, главное, легко организовала Зинаида, чтобы привязать к себе Антона. И знала его с первого класса.

– «А что же я завтра смогу сказать Антоноу?» Но разве уж так виновата Зинка? А как же ложь, в которую поверил Антон?

А Антон поверил... взял на моих глазах портфель Зинаиды и демонстративно проводил ее до дома и пошел одеть ей пальто.

Именно он потом изощренно мне мстил и на глазах у всех ухаживал

за Зинаидой. Подавал галантно ей пальто и пошли в месте до ее дома. Так галантно, никто из мальчишек не делал.

И вот теперь она может узнать:

– Почему же он был тогда так жесток? И почему теперь он назначил это свидание?

Но почему Алина должна «пожалеть» «подружку» Зинаиду? Любым путем заполучила Антона? Потому, что Зина слабая, а слабых не «бьют»?

Еще вчера она страстно желала встречи с Антоном. Как же ей важно посмотреть в глаза Антону и расспросить обо всем...

Ах, как она мечтала об этой встрече!

Алина была уверена, что данная Богом ее любовь, настоящая и искренняя. Наполненная могучей энергией солнца. «Гимн Солнцу» который пела Има Сумак.

Но у них-то все было не так. И сердце горело огнем. Ожог предательства был глубок...

И она пошла на свидание. И в тот же день дала художнику Володе Сильнову согласия – выйти за него замуж.

Через 20 дней была свадьба. Тогда же пришло письмо и из поселка от Татьяны. Она писала о родителях Зинаиды: «Они оба погибли в автомобильной аварии».

А Зинаида нашла утешение у Антона. И вскоре они стали мужем и женой.

В шестидесятые годы все зачитывались романом Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Опубликованным в двух номерах журнала «Москва». И Алине повезло, ей удалось приобрести эти журналы.

Она сделала темно-вишневый коленкор и получилось настольная красивая книга. А на обложке «золотое название» этого романа и получилась хорошая, отличная книга.

Сильно в любил Алину как-так страстно и болезненно он ревновала к своим друзьям. А собирались они у него часто... Это были времена жарких споров и бесед. Пели под гитару песни Владимира Высоцкого и Булата Окуджавы. И новеллы Матвеевой... Воздух был пропитан песенным ароматом.

Но самое главное, ее сын первенец, так часто болеющий, стал наконец-то поправляться.

И позади осталось невыносимое количество бессонных ночей, хождения по врачам, знахарям и знахаркам.

Но самое главное, сын стал поправляться! Художник Сильнов не выдержит трудно и сложно семейной жизни, связанной с тяжелой болезнью своего сына, а потом все бросил и поступил в Киеве в художественное училище.

Но Алина же была юной и не опытной матерью, но зато самоотверженной. Доктора уже поставили крест на ребенке ее. Но однажды в больнице она услышала разговор дежурившей медсестры: «А мальчик-то жив еще».

И вот тогда она и поклялась: «Выживет!!! Мой сын будет самым счастливым! Красивым и талантливым!»

И началось: травки, компрессы, чудодейственные капельки. По часам увеличивая их. Ведь сильные отвары не только целебные, но и ядовиты.

Но прежде всего – грудное молоко. И прогулки в любую погоду – во вьюгу и дождь. Увеличивая прогулки до полутора-двух часов. Но денег не хватало, а тут еще и Сильнов вернулся, но ему нужны были только краски.

Вот тогда Алина и решила продать детскую коляску, а гулять она может и без нее. Она же молодая и сильная и ребенка будет носить на руках.

Он согласился, но проданы коляски все равно денег не хватило. Вот тогда-то она и продала свою каракулевую белую шубку, которую подарили ей ее родители на Новый год.

Благодаря этому, проданным вещами, Сильнов купил где-то краски. Но его картины никто не покупал.

Денег не хватало уже и на питание, на витамины, для малыша, но и на молоко и хлеб, на квартплату за жилье.

Тогда она в отчаянии предложила не надеется на доход картин, а поработать для семьи.

Вот тут-то сильно и вскипал:

Я халтурой свой талант Рулетка обить не собираюсь. А сын... Ну, что же, значит, такова его доля. Бог дал, Бог и возьмет...

Алина отчаянные решительно, укутала сына в одеяльце. И, несмотря на поздний час, уже не ходили не автобусы и троллейбусы, ни на февральскую сильную вьюгу, ни на протесты Сильнова и свекра, она шагнула в ночь...

– Сумасшедшая! Вернись! Когда куда ты денешься-то? Только она и услышала в ее след...

Он же не догонял и не уговаривал. И она не вернулась... Навсегда!

– Вот опять твой художник под окном на коленях стоит. Людей смешит – сказала ее мама – Моду взял. Эпатаж разводит. Любовь-то так не показывают. Тьфу!

Алина ничего не ответила. А что она могла сказать? Ей и без того горько. Обидно за свою сломившуюся жизнь, семью. Больно, что сын ее растет без отца...

И одноклассница прислала ей письмо: «У Антона и Зинаиды тоже родился сын» – писала Татьяна. – «Антон работает хирургом в районной

больнице. А Зина ведет хозяйство. Она устроила настоящий Домострой! Живут замкнуто и никто у них не бывает. А она зорко следит за Антоном. Не отпуская его ни в право, ни в лево. И ничуть не изменилась – вечный комсорг!»

А тем временем Алина работала на двух работах, подрабатывала где можно. Ведь ждать манны небесной не будет никогда. И она перевелась на вечернее отделение пединститута.

А сын уже стал ходить и говорить. И она не раз слышала его требование:

– «Хочу папу! Как у Толика и как у Олега! Папу! Папу хочу!»

Сердце у Алины сжималось двумя. Как будто ей в спину вонзали что-то острое. И оно саднило и ныло, не переставая...

Что может быть противней дребезжащего будильника? Уже далеко за полночь, переделав все дела, она заводит его и заводит его хотя бы на пол шестого. Но тяжело вздохнув, ставить стрелку на пять часов.

Иначе ничего не успеть. Ее отец уже много лет страдал от амнезии, потерей памяти. И это был след войны. После перенесение ранения и контузии он долго учился ходить. И писать левой рукой. Правая рука не работала и висела плетью.

А потом он стал председателем и возобновил хозяйство совхоза почти из пепла. А из рабочих рук были только вдовы. Он справился, а вот здоровье-то свое потерял. Вот теперь и ходил бесцельно по дому, ничего не понимая вокруг.

– «Пить!» – просил он – «Пить!»

Оставлены на столе кувшин с водою, он не мог его распознать, а жажда мучила его.

А его умница и страдалица, моя мама уже несколько лет была приковано к инвалидной коляске, после перелома шейки бедра. И больше на ноги почти и не вставала. Но она страдала не от боли, а от ухода за больными и старыми родителями. А непутевая сестра Соня была гулена. И все заботы об старых родителях легли на плечи все той же Алины.

Для нее, Алины, утро пролетало стремительно, а как и день... А потом и вечер. Она готовила еду на весь день. Ночью стирала одежду, а потом утром гладила их одежду. Нужно было поговорить с мамой и отвести детишек в детский сад. Пересчитав свои копейки, откладывала до зарплаты, а сейчас брала маленькую толику на свой обед. И купить продукты вечером.

К тому же надо было и выглядеть-то превосходно. А вечером принималось за учебники. Ее филологический факультет требовал от нее обширных знаний: «русской литературы и... зарубежной!»

Приходилось заниматься в особом режиме, чтобы к ночи четко и быстро прочесть основной том литературы, взять из библиотеки университета, да еще и законспектировать в своей тетради.

Но все равно Алина было ловка и жизнерадостна. И все у нее получалось ловко и красиво, легко и смыслено.

Она никогда не плакала от усталости, не страдала депрессии и не жаловалась никому. И относилась хорошо и любовно к людям и всему прекрасному миру.

Не хватало только времени, но она так летала стремительно. Особенно чуточку ей не хватало на сон. Но выручал ее ржавый, хромой и с облезлой красной краской по бокам старенький будильничек!

Жизнь летела стремительно.

– Мама! Мамочка! – тянул ее за руку сын – Ну ты только посмотри какой у Насти папа. И у Марины! Я хочу папу!

Это становилось невыносимо. «О, Во имя женщин всех времен!...»

А Алина думала:

– «Ну почему же все тяготы и заботы жизни ложатся чаще на хрупкие и самоотверженные плечи женщин?»

Да сыну нужен отец. Мне нужен любимый человек! Ведь это так естественно. Но это же не продается в магазине, не заслуживается постом, ни молитвами, ни усердной службой на работе. Трудно найти любящего и понимающего.

Вот и замечается кусочек синего неба среди кружевных переплетений голых деревьев островок надежды и исполнения своих желаний...

Мною шьются и покупаются платья и блузки, брючки и косынки, укладываются и вьются роскошные волосы, словно крылья за спиной. И, душа и тело, готовятся к полету! Но хочется и самого главного – любви! Но иногда совершается и прыжок в полет в неведомое, от одинокой усталости и боли.

Пусть у меня за спиной нет крыльев, и парашюта за спиной. Но есть вера, надежда и любовь! И огромное желание: «Жить и любить!»

А на дне маленького, светлого, прозрачного родничка происходило чудо. С его dna поднимались фонтанчиком маленькие песчинки. Они, как звезды, рассыпанные вокруг, преодолевая сопротивление хрустально-чистой воды, играющей бликами солнечных лучей.

Она переполняла чашу, которая образовалась между корней деревьев, вытекала тихим ручейком.

А ручеек день и ночь стремится слиться с таким же ручьем, оттуда в речку, а потом в могучую широкую полноводную реку. По ней будут плыть пароходы. Но пока мы набрали уже ягод по целому туеску с земляникой. А уезжать не хотелось.

Но вернемся снова в детство Алинки. И она выбежала из косматого куста орешника с крепким боровичком и сказала:

– Мама, мамочка, смотри: Белый гриб!

– Доченька, это колосовичек!
– Да потому, что такие белые грибы вырастают, когда начинает колоситься рожь. Вот поэтому их и называют колосовичками!

Послышался сигнал автомобиля.

– Отец зовет: хватит Алина, поехали домой! Вон сколько ягод-то мы набрали!

Да, на фоне ярко и зелени, появился белый «Мерседес» – роскошный и комфортный. И Юрий спросил свою жену:

– У тебя же завтра серьезный процесс, ты что же с ягодами-то сделаешь?

Блендером взобью, добавлю сахара – и в морозилку. Полчаса работы. И вы еще мне поможете!

– Мы поможем, мама.

Но занятый и музыкой Андрей поспешно отказался:

– У меня же репетиция и поезд же в Прагу на носу.

А Алесь откликнулся:

А мы поможем маме, правда Алина? Ах, мамочка, какая ты красивая! Вчера Толик, мой однокурсник так и сказал: «Мама твоя – супер! Разве кто скажет, что у нее четверо детей. А она так смотрит, что кажется видит тебя насквозь!» Вот так прямо и сказал...

Алесь был особенно отзывчивым и нежным к матери. Он всегда спешил помочь родителям. Как бы он не был занят и загружен. Его увлеченность компьютером, не мешала ему зарабатывать солидные деньги. Ему бы кулинарам быть: – он мог жарить в электропечи мясо, шашлык в камине, мог приготовить салаты, испечь настоящую итальянскую пиццу. И всему этому он научился в Милане.

Алина тут же объявила, что собирается на день рождения ей нужны ключи от автомашины. Мы будем на даче праздновать.

– А чей день рождения? – спросил отец.

– Наташи Никольской!

– Почему же к Никольской, а не к нам на дачу? В чем дело?

– Да у них озеро нет и леса тоже. Ну, папочка, мамочка! – заканючила Алина, зная, что отказа ей не будет.

– Да и дрова заготовили для шашлыков и мясо, завезли и замариновали. И оно в холодильнике лежит, пожалуйста!

Но Юрий этот разговор не слышал. Он разговаривал с кем-то по мобильному телефону.

Но... Алина молча смотрела на несущиеся навстречу поля, точно выбегающие на дорогу березки, а на обочине разнотравье и цветы... Июль...

Через неделю день рождения, но уже десятый год прошел день памяти первенца, погибшего в нелепой катастрофе, сына...

Ни годы, ни заботы о семье, ни работа до полного изнеможения в саду, на даче и до глубокой усталости за письменным столом, ничто не могло уменьшить и отдалить эту невыносимая боль матери, потерявшей сына.

И она видела «его отражение» то в дочери, то в сыновьях.

Прошло двадцать пять лет, но боль по старшему сыну не уходит никогда. И она написала стихотворение:

В чистом поле, чистом, белом,
Белой ночи свет,
Там душа прощалась с телом
На заре – навек.
Ах, прощалась, тосковала
И к родным рвалась.
На мгновение залетала
В дом, где родилась.
Встрепенулась среди ночи,
На рассвете мать.
Горе, горе, нету мочи
Очи, выплаканы очи – нечем зарыдать.
В чистом поле белы звуки
Даль белым бела...
Не поставила я руки...
Не уберегла.
Видно мало я молилась,
Вглядываясь в даль.
И случилось ночью белой
Черная печаль...
В чистом поле свет лучистый
Белый, белый свет,
Чистый, чистый, от боли
Нет спасения. Нет.

От горьких дум отвлекала нежная музыка. Муж включил приемник и поймал ее любимый вальс Свиридова из кинофильма «Метель».

Под снежную мелодию, которая бальзамом лилась на сегодняшнюю рану, нахлынули воспоминания о тех временах, когда еще жили-были и отец и мама... И сын...

Она хорошо понимала: «С этим теперь буду жить всегда. Вот и учусь этому...»

... Автомобиль, разрезая мякоть ночи, мощными фарами, двигался

по кольцу автомобильной трассы, объезжая большой и сверкающий огнем город.

И снег летел навстречу пеленой, падал хлопьями на стекло, и тут же сползал вниз и таял. И это было очень удивительно и красиво.

Алина и Юра любовались этим снегопадом. И в тоже время были обеспокоены:

– Конечно же красиво – сказал муж, – Но дорога-то скользкая. Говорил же я, надо остаться и побыть у мамы. Да и Новый год там бы встретили. Зачем рвались? Не пойму... Ах, Аленка, ах дети!

– А дети, наверняка, улетели в Куршавель. Алинка с друзьями. А вот мы... Боюсь к Новому году не успеем подъехать. Еще часа три надо проехать... А уже 10-й час... Скорость не увеличишь. Дорога не позволяет. И мотор что-то мне сегодня не нравится... Слышишь?

Она ожидала реакции Юры, а он говорил и говорил:

– Вроде как стучит? Я не пугаю, упаси Боже... Машина-то конечно надежная. Но может и фортель выкинуть в этих городах районных. И где сейчас мы путаем, нам же не понять.

Иномарки-то недавно появились. Ну сколько? Да года два назад, как стали завозить из Польши от немцев. Ремонта тут у нас – не жди. Да и одета-то ты хоть и в шубе, а в холодрыгу в ней замерзнешь. Ты бы в Париже могла бы пощеголять. Разве не так я говорю?

– Все так, Юрочка, родной ты мой! Но мне хочется встретить Новый год дома, в кругу своей семьи, с детьми. Машина у нас комфортная, и можно ехать без шубки. Я не думаю, что ты сократишь путь. Мы никогда так не ехали. Места у нас какие-то не знакомые. И где мы сейчас теперь?

– Не волнуйся – успокаивал Юра свою жену – Дорогу я хорошо знаю, на карте ее изучил. Сейчас скоро будет поворот от этой трассы на Новолучинек, а там пересечем таможду и мы уже будем почти, что дома. Может быть успеем и Новый год встретить?...

Ответ был прост:

– Посмотри, посмотри, Юра, какой удивительный снег! Это же чудо просто! А какие ели вдоль обочины. Снега на ветках, целые подушки. И как они его только выдерживают? Разве когда-то видели ли в Париже? Или в Милане?

– Не видел. Но согласись, нам и там жилось не хуже. И я то время вспоминаю с удовольствием. Хотя такого загородного дома и такого сада на берегу Двины, мы не видели.

– Да, уж! – засмеялась Алина – Дом просто чудо! С ума сойти, сколько там места... Я не могу привыкнуть. Но мне летний домик – бунгало, что ты сделал! Летом там можно в нем и жить и гостей принимать. А цветов-то... Они были как пышные облака. И вазоны по всему участку – Алина

отвлекала своего мужа от грустных мыслей о плохой дороге и от тревоги за такое неудачное зимнее путешествие.

И он сказал:

– Еще бы не видел. Прохожие на улице все останавливались, да и ты, дорогая моя, уделяла цветам времени куда больше, чем мне.

– А яблоки какие! – лепетала Алина – Столько было их в этом году, сочных яблок! Но, знаешь Юра, даже если дом был не таким роскошным, мне с тобой и нашим маленьким сыном, было уютно и спокойно.

Автомобиль уже выезжал в маленький городок. А там тьма крошечная из-за снегопада. И скромного освещения улочек.

Фары разрывали темноту. А дорога была видна метра на два, три впереди. А снегопад усиливался.

– Невозможно ехать – тревожно произнес Юра – Машину несет и ничего не видно. Лучше бы остановиться и переночевать. Ничего не видно.

С ним согласились:

– Лучше все-таки остановиться. Переночевать. Дальше ехать нельзя. А вот что это за городок такой, узнать бы?

– Может быть это районный центр, а может быть и поселок рабочий?

– Но есть же здесь гостиница? Вокзал? Надо заехать в центр и спросить толи

С ним согласились:

– Лучше все-таки остановиться. Переночевать. Дальше ехать нельзя. А вот что это за городок такой, узнать бы?

– Может быть это районный центр, а может быть и поселок рабочий?

– Но есть же здесь гостиница? Вокзал? Надо заехать в центр и спросить.

– Да вот же, вот! Человек идет! Остановись скорее...

Сквозь метель по дороге, втянув голову в плечи, что у единственной на обозрение, человек.

– Скажите, уважаемый, что это за город? Заблудились мы тут маленько. И где здесь можно переночевать? Может быть и к гостинице дорогу покажите?

– Город наш, известно – Крынки. Только переночевать, вряд ли придется: – «Гостиница-то на ремонте». Она у нас одна, а других нет.

– А далеко ли до таможни?

– До нее от Крынок километров сто двадцать. Но вы же не в ту сторону едете. Надо вам развернуться и доехать до моста. Потом через переезд направо, а там объезд. Не заплутаетесь. Погода-то нелетная!

– Спасибо. Попробуем прорваться – бодрясь сказал Юрий.

А Алине стало ясно: вернуться домой и встретить Новый год в кругу семьи, и вряд ли удастся.

– Пристегнись – напомнил Юрий жене – выбрались все же на центральную улицу из тьмы крошечной. По спешим, может быть и успеем!

Но Алина не успела ничего ответить.

– Резкий толчок, удар, вспышка света и она провалилась куда-то в липкую и тяжелую тьму...

По Маленькой буквы цветущему лугу навстречу бежал ее сын, светлый и легкий, незабвенный кровинушка родная...

Он даже не бежал, а летел, легко отгаливаясь от земли. И его золотые кудряшки развивались на ветру, рассыпались и касались лица Алины, ее глаз и щек. Волосики шелковые нежные, пахнущие ромашками и луговыми колокольчиками и мятой...

Сквозь музыку, которая разливалась вокруг, она услышала знакомый и родной голос, но очень, очень далекий...

– Скорая! Скорая! Сюда! Сюда! Ну скорее!

Боль в затылке пронзила все свое ее существо. Шелковые пряди волос пахли ромашкой, мятой и кровью.

В больничном приемном покое Алина пришла в себя. Она не чувствовала боли, только покалывало затылок, плечо и, слегка кружилась голова.

– Машина на скорости влетела в открытый люк ливневого колодца – объяснял муж, обрадованный тем, что жена его пришла в себя – Он нежно поглаживая ее руку и успокаивал:

– Ты была не пристегнута. Вот и ударились в лобовое стекло. Но ты не волнуйся. С тобой все в порядке. Просто сознание потеряла от сильного удара. А ссадина легкая. До золотой свадьбы она у тебя заживет – пытался шутить Юра – А с машиной... Там считай мелочи. Но ехать дальше нельзя. Надо сменить подвеску. Так что актуальным, остается мне поиск ночлега.

– А зачем искать ночлег? – прозвучал совсем рядом до боли знакомый мужской голос. И Алина увидела высокого мужчину в белом халате – главного хирурга больницы, вошедшего в приемный покой.

– Искать-то чего в Крынках, нет, это бессмысленно. А вот ночевать и встречать Новый год мы поедем ко мне домой! Там уже нас ждут. Я только что позвонил Зинаиде, чтобы она ждала гостей. Вот только проверю пульс и давление.

– А это был Антон!

Они вошли в небольшую квартиру, которая была на верхнем, пятом этаже, панельного дома.

И Алина была поражена тусклым освещением, невыразительным интерьером. Она прекрасно знала, это планировка квартир была одинакова.

Недаром же такие квартиры были использованы для кинофильма «С легким паром». А здесь стандартные стенки и привычные бледные, непонятного цвета, занавески.

Невыразительный интерьер в квартире Антона и Зины. Антон рисовал картины акварелью пейзажи талантливо, но полета, свободы и воли немного не доставало. Им как воздуха не хватало и любви.

Больше всего поразило Зинаида. Она была неестественно худощавой и сутулой. Волосы ее поседели и жиденькие. И стянуты в какой-то пучок с немислимым узлом.

Но главное резануло по настроению Алина, так это платье Зинаида: безнадежной расцветки и фасоном испортила бы настроение любому человеку, знающий вкус народа.

Но улыбка Зинаиды была мягкая, но с горчинкой. И Алине захотелось обнять Зину, приласкать ее и подарить ей нарядное платье. И вернуть назад счастливое время их юности, намного, много лет назад.

И все, что лежало камнем на душе долгие годы, в миг растаяло и пропало. Была только нежность и желание им помочь.

Но как это сделать? Ведь так можно и обидеть невзначай. И тут сваливается на голову одноклассница. 30 лет уже прошло. Люди живут своей жизнью, по-своему счастливы. А тут на голову... Щемящее чувство нежности нашло у Алины. Ей и впрямь была видеть друзей своей молодости.

И она решила щедро отблагодарить Антона и Зинаиду.

– На диван, стулья, кресло накинули подаренные накидки из белого шелковистого меха, что сделало скромное жилище уютнее и светлее. Друзья юности – хозяевам неожиданно приютивших в доме в Новогоднюю ночь, была презентована теплая и удобная подкладка из ламы, затем зимняя обувь итальянской марки.

Это было все в багажнике ее автомашины. На стол выложили астраханскую черную икру и дальневосточную красную икру, слабосоленую семга, шведский сыр и салями. Все что привезли они с собой.

И еще из бездонной сумки, захваченной Юрием появились экзотические фрукты и бутылка шампанского «Абрау-Дюрсо». Специально для торжественной встречи Нового года.

Алина заразительно смеялась ей было хорошо уютно. Боль прошла и она была счастлива, от того, что они живы и даже не ранены.

А машина с небольшой поломкой будет уже завтра подчинена. В этом она не сомневалась и даже не думала об этом.

Ей было уютно и тепло, от того что не надо никуда ехать в ночи по не погоде. Что так неожиданно встретила со своей юностью. И что она подарила им от всего сердца памятные подарки.

Но... От чего-то у Алины возникло робкое, но неотступное из самых глубин было смущение и тревога.

Алина почему-то не могла посмотреть глаза Антону. Оно вырастала из глубины ее. Что-то ей мешало. Она будто боялась нанести удар даже своим взглядом Антону.

Да и он был подавлен. Молчалив явно расстроен. И висит его говорила, как горько у него на душе.

Молча стоял он у окна с какой-то грустной улыбкой и смотрел на падающий за окном снег. Потом вышел на балкон. Закурил...

Огорченная Зинаида бросилась за ним следом:

– Ты же бросил курить, Антош! Сколько ты сил потратил на это. Не кури!

Вернувшись в комнату, она с мольбой в глазах обратилась к Алине:

– Он тебя послушает. Останови его. Бросил же курить... Нельзя ему...

Алина вышла на балкон. Снег за окном летал хлопьями и кружился в свете фонарей. Танцевал, играл свою симфонию полета и падал, падал...

– Не кури Антон! Не надо.

– Ты... Все это ты! Зачем ты это все сделала? Всю жизнь исковеркала...

– Я?...

– Все равно ты будешь моей...

– С ума сошел...

Алина в одно мгновение вернулась в комнату, сбросила платок и повела плечом:

– Не слушает...

Зинаида старалась изо всех сил, накрывала на стол. Летела на кухню, то к столу по несколько раз с одним и тем же бокалом, забывая от возбуждения, зачем она шла.

И в то же время неотступно казалось, что она просто контролирует своим «командирским» чутьем и тревогой срыва какого-то, предостерегая и Антона и Алину.

И только Юра был безмятежен и счастлив, что так хорошо все обошлось – отделались все легким испугом. А уж удачно оказалась встреча друзей и юности. Время стремительно приближалась к полуночи. Новогодний стол горел свечами, искрился хрустальными бокалами и источал приятный апельсиновый аромат.

А снег за окном все усиливался. Он теперь шел, плотной стеной. Огромные белые хлопья падали и тут же взлетали вверх. Кружились и исполняли свой новогодний танец. Он мягко ложился на ветви деревьев.

Ожидая бой курантов, Юра ловил мелодии по приемнику. Неожиданно среди волшебной снежной ночи, прозвучал голос диктора:

– «Дорогие наши радиослушатели прислали нам много заявок

с просьбой порадовать в Новогоднюю ночь песней в исполнении легендарной перуанской певицы, чья слава и ее успех пришелся на 50–60-е годы 20-го века».

– Алина! Просто подарок для тебя новогодний – твоя любимая Има Сумак. – радостно позвала жену Юрий – Сделай погромче?

И в ночи, ясно и отчетливо, будто бы рядом, прозвучали слова:

«Мы с удовольствием поздравляем наших радиослушателей с Новым, 1993-м годом! Для вас поет легендарная певица, обладающие редчайшим в мире сопрано Има Сумак. Сегодня она исполнит для вас одну из самых известных своих песен – «Гимна Солнца».

Раздвигая стены маленькой комнаты до без крайних размеров, переполняя ночь с ее ослепительным, волшебным снегопадом. И вспыхнувшие неожиданной встречей сердца людей, собравшихся на Новогоднюю ночь, заснеженное окно, поднимаясь в бездонное небо, звучала жизнеутверждающая мелодия любви!

И любви, которая не проходит годами и... Никогда не исчезает бесследно...

Следующая глава называется «Александра».

– Старая потертая тетрадь. Пожелтевшие страницы, исписанные ровным убористым почерком.

Для Ивана это находка стала маленькой отдушиной. Но нескончаемые потоки зла, среди теневых законов рынка в эпоху вседозволенности, которая называется «демократией»...

... – Вот уже третий день, с размахом праздновали юбилей песняра Леокадия Сикаковича. Он известен в городе Высокогорске, но желающий быть популярным далеко за пределами его.

Но из этого, увы, за его 60 лет, так ничего хорошего в его карьере и не вышло.

Зато в родном Высокогорске его, ох, как почитали! Ни одна свадьба, ни один юбилей и даже похороны, не проходили без него.

Сегодня же все собрались в самом важном месте города, на площади Горы. И на ней-то и расположился славный город Высокогорск.

Он окружен горами и чистыми лесами и омываются чудесной речкой Невиной. Когда-то она была широкой и судоходной. Теперь это речка обмелела, зато рыбы в ней, хоть пруд-пруди.

Правда не все эту рыбку кушали. Поговорили, что она стала мутировать. Некоторые рыбаки видели, как их знакомый пытался продать очень странную рыбу с «двумя головами», а в другой раз выловили рыбину с четырьмя глазами.

Но музыка гремела, подъезжали БМВ и «Вольво», «фиаты» и «ситразны», «Мерседесы» и «Феррари».

Из этих автомашин выпархивали парочки. А в самом зале Центрального Дома творчества, а его аборигены называли «Це-де-Тешко.

Леокадий Яковлевич мог бы и обидеться, мог не простить хамство, но могло потом это все аукнуться.

Сам Леокадий Яковлевич хоть и сидел на сцене на постаменте, воздвигнутого по этому случаю, специальный трон для юбиляра. И стол – огромный и зеркальный.

Но посему было, что он сам волновался, но снисходительное великодушие скрыть внутреннее волнение.

Столько лет зим он возглавлял общества Высокогорска, от посягательства вожаков и чужаков. Хотя по правде сказать, все это знали и понимали, что он был «чужаком», но давно признавали «своим», таким же, как они сами.

И он писал песни на свадьбы. Хотя это и были «штампы». Но он же свой голубок – «в доску». А какие душераздирающие речи он писал и говорил на похоронах! Будто покойник и впрямь мог слушать. Но делалось все это не для покойников.

Да что тут говорить, не зря же он много лет убеждал власти и убедил-таки их – «Создать создать музей, при его жизни, его имени!»

И никто не нарушал эту идиллию. И если кто-то и возмущался, то Леокадий Яковлевич, его бы в порошок стер незамедлительно!

А ведь денежные потоки из-за рубежа, ближнего и дальнего... Они же не сами текли, вливаясь в карманы «почетных жителей»! Они же направляли это «мудрые люди» и... родственники. Главный директор был – Роберт Андреевич Колос.

Была у Леокадия Яковлевича, такая статная и независимая, странно способная и величественная соплячина, лет двадцати от роду. А она представлялась Песняркой!

Он сразу вспомнил, как пять лет назад был председателем жюри. Среде белого дня она явилась в ослепительным голубом одеянии недостижимой для Сикаковича, с тончайшим вкусом, нежностью и великодушием!

Все, абсолютно все на ней было великолепно. Насыщенные звуки необыкновенного тембра, никто не слышал давно.

– Вы конечно меня не помните, сказала она Песняра, – Мы встретились с вами на курсе. И вы тогда меня высоко оценили. А я над голосом работала и изучила голоса Великих Мастеров. Объехала пол мира по нашей планете и добилась своей высоты. Спасибо вам за урок!

И она положила ему на стол букет Белых роз. А бутоны были огромные. Эти цветы продавались в кафе «Жизель». И аромат цветов был тоньше других ароматов.

А звали эту незнакомку Александра – Можно называть меня просто Саша...

Она встряхнула великолепные пряди вьющихся волос. И вошла в душевой зал.

Леокадию Яковлевичу показалось или может быть на самом деле, приоткрылась окно. Оно было высоко под сводом высокого потолка.

И в это окошко влетела голубка. Повеяло свежим воздухом, а он стал прозрачным и чистым.

А Александра словно поплыла над рядами шума и гама. И она и поздравила, его песняра, Леокадия Сикаковича.

О! Лучше бы она это не делала. Звуки голоса заполнили весь зал. Эти высокие стены приглушали и уродовали голос Сикаковича. А звуки голоса Александра звучали чище и ярче, насыщеннее и прозрачнее.

Никто не шумел уже и не шевельнулся, все превратились в слух. Но все наслаждались ее голосом. И даже слова мне имели никакого значения. Голос и Свет исходил от нее.

Сикакович-то и не понял, что это было уже начала... его конца! Но он пытался прервать ее. Мол, все уже поздравили меня три дня назад.

Но ему не надо было беспокоиться.

– Она пела и пела в честь него песню... И как она пела? Разве после этого мог он слышать самого себя? И кто мог после этого слушать его...

А сегодня была у Саши очередь спасти гусей. Огромная стада. Более сотни белых и голодных, прожорливых и быстрых птиц.

А Саша должна была удержать их по левую сторону насыпной дороги, которая разделяла луг и лужок.

Дружочек был давно изрядно повылломан и вытоптан. Зато луг просто великолепен: «розово-сиреневые дегтярники, луговые лютики и усыпаные солнцем поляны, которые расстелились до горизонта. А дальше синие, как море, колокольчики, среди изумрудной зелени густых, прегустых трав. И это и было надо уберечь от прожорливых гусей! А как же их удержать, если им нужна до самого сенокоса прожорливых гусей? А сама маленькая и одна?

Но зато у девочки в руках палка! Палка длинная, с пугалом на конце. Сухой и шуршащий. А гуси-то почему-то бояться этого пугала. И они бегут от нее, сломя голову, прочь. И она добросовестно гоняет гусей. По правде сказать, то ни гуси, ни пугало, ни длинная палка – совсем не интересовали девочку. Но это были ее обязанности и долг. И она исполняла его добросовестно и честно.

Она вглядывалась в чистое голубое небо, и... пела! О, она умела хорошо и красиво петь! Ее учили дедушка и бабушка, а потом мама и папа.

Александра умела слушать и точно различать мелодию. Ту неповторимую чистоту звука и сильную нежную любовь к жизни.

Она пела ее слушала речка Чи-инка, и дорога, уходящая далеко далеко. О, как она умела петь!

Мама ей говорила не раз, что могла бы учиться в городе и было бы отличницей, в любом месте, где можно было техники.

Но у нее бы не было такого чистого голоса. Потому что питается воздухом, которые есть только в чистых местах.

К тому же, чтобы сделал ее голос, если бы Александра ошибалась? Учителя? А этого мало надо голоса вырастить, чтобы потом его долго, долго слушали река и роса, ночное звездное небо и зимние заснеженные поля. И долгая, долгая тоска и одиночество...

А как праздновали Новый год! Иногда вместо елки срубали и ставили ветки вишни. И наряжали вишневые веточки, которые ставили в ведро с песком, а самодельные гирлянды и вешали игрушки. Ну чем не елка?

Александра нежно прикоснулась к ветке и поцеловала лепестки. Они были тоненькие и прозрачные. И это была настоящее чудо – за окном снег. А потом отогревалась у печки, посмотрела на веточку вишни, а она уже и расцвела!

Александра наклонилась к ней и поцеловала лепестки. Правда, правда! Это было это чудо! И это точно запомнил ее голос!

Голос впитывал все: – как приходила весна, как начинали звенеть ручьи. Но голос запоминал как подкрадывалась осень... ярким пламенем, обнимая все вокруг, как прощальным золотом вспыхивала и умирала красота, созданная летом, накрывала ослепительным белым снегом и холодом, подкатилась зима. Она успокаивала все и... усыпляла.

Голос накапливала жизни. А в ней и рождения и смерти близких, тогда голос слабел, пропадал и почти умирал я не хотел больше жить.

Ну главное, голос знал, все становился сильнее и звонче. Ведь нет тогда страха в душе нет, нет зла и в душе. Когда нет предательства, зависти и подлости.

Но, к сожалению, всю жизнь нельзя прожить в сиреновом цветущем саду. Оканчивается детство и юность взрывами любви. А разочарование оставляло раны на сердце.

А зрелости, опалила и обожгла. Душа же впитывала в себя все, что встретила на своем жизненном пути: печали и радости, поражения и победы.

Девушка теперь жила высоко в горах, поросших лесом. Она стала красивой и успешной и любимой.

А Александра стала владелицей роскошного особняка, вокруг был сад в английском стиле. А планировал его, приехавший из Лондона садовник.

И теперь, обретя голос, она решила вернуться к знакомым людям. Захотелось послужить им и вселить веру, смело бороться с бедами и... петь для них!

Ей же самой ничего не было нужно. У нее все было. И солнце в то утро светило ярче, чем обычно. Александра шла к людям и несла солнечный лучик на ладони.

Она знала, чтобы сберечь и сохранить дар голоса – нужно только отдавать, а не брать.

В мастерской Сикаковича собрались соратники по духу тьмы. Но они обладали даром, это-то петь. А радиостанция «Права человека» была поклонница Лилица Мамалыга.

И были все обеспокоены, Леокадий – особенно. Угроза была реальная. В Высокогорске никто абсолютно никто ее не знал. Но разговоры быстро дошли до Управы! Песняры не имели ничего общего и разносили весть о новом и неизвестном голосе, но все хотели немедленно новую «Песнярку»!...

Трамвай, скрипя и грохоча, притормаживая на повороте, продвигался между частными домами. Но жители еще спали мирным и крепким сном в это августовское утро.

Иван закрыл свою тетрадь с оборванными рукописями. Они лежали до этого на чердаке деда. Чердак просто расчищался для летней спальни. Чуток укрепить, оббить, обшить, отполировать – и мансарда готова.

Но в углу чердака обнаружился странный сундук. И никто не знал, с каких времен он здесь стоит.

Разбирать его парень не стал, не досугу. Но на сундуке лежала какая-то сложенная сабля. Похоже она лежит тут еще с гражданской войны. Лежало и Евангелие 1801 года издания с пожелтевшими листами, порядком потрепанные. На рукописи заинтересовали Ивана. И потому он взял книги на работу.

Иван был страстным читателем поэзии, философии и психологии. Найденные рукописи перекликались со стилем любимых писателей. А почерк напоминал руку бабушки. И от этого щемило сердце.

По правде говоря, ему казалось, что она полностью придуманного мира. Но все же было и что-то притягательное.

Автор не прибегал к длинным фразам, а наивно, по-детски извлекал самую истину, простую и ясную, как белый день.

Но день, который был за окном был белым, но без радостным. Но тревога и неопределенность уже поселились у него в душе. Да и дома было плохо.

Иван ехал к своему старому другу, бывшему однокласснику, в надежде найти работу. Он был согласен на любую работу, потому что дома ждала его жена Ольга с малюсенькой дочерью Анютой. А его ждал пустой холодильник, пустой шкаф и... полная безденежье.

Такое же положение было и у соседей – Федора и татьяны. Но Федора уволили из армии – списали из-за травмы позвоночника. А Иван был освобожден от службы по зрению. Вот сколько инвалидов набралось. А жить на что? Но Иван видел без очков, с покупными линзами.

Так они и жили. И делились и жили как одна семья.

О каких же песнях и чудном голосе идет речь, когда с вчерашнего дня нет денег в доме даже на молоко, чтобы сварить малышу кашу?

Ольга случайно встретила в аптеке Светку – жену Стаса Турника, одноклассника и земляка Ивана. Она смутилась и даже спряталась от возникшей неловкости. Света была в меховом манто, ниспадающем по щиколотку. А под манто сверкали новенькие сапожки, крепко обтягивая ее полноватую ногу.

А Ольги хотелось провалиться под землю в своих стоптанных сапогах, служивших со студенческих лет. Они с Ольгой и купили накануне свадьбы. И в потертом пуховике, привезенном из Китая свекром. Он там делал «бизнес».

Но ей нужно покупать в аптеке лекарства для часто болеющей дочери, притом у нее был снижен иммунитет.

Света же и покупала витамины шведской фабрики и пищевые добавки для похудения. Поговорили, обменялись телефонами и разошлись.

А Иван, обливаясь краской стыда шел на поклон к Стасу, своему однокласснику, который списывал у него физику и математику. Он не сумел поступить в военное училище, а потому и обозлился на удачливого Ивана Смирнова. Но Стас все-таки через год поступил в училище и они почти подружились.

А за что Стасу любить Ивана? Красивый парень, спортивного телосложения, с волнистыми русыми волосами, синими, как небо глазами. Девчонки были без ума от него.

А Стас низок ростом, полноват, невыразителен. Но Стас все-таки через год поступил в училище и они почти подружились.

А за что Стасу любить Ивана? Красивый парень, спортивного телосложения, с волнистыми русыми волосами, синими, как небо глазами. Девчонки были без ума от него.

А Стас низок ростом, полновата, невыразителен лицом. Нет, девчонки его не любили. Преподаватели его не любили. Но его научило выживание его с юности ранней.

В приемной, обставленной мягкими креслами, секретарша сухим, деловым тоном велела Ивану ждать. Ивану знакомо это чувство ожидания, независимого от интеллекта и достоинства.

Просто сидящие, априори, унижены этим ожиданием.

Но не ждут и не сидят в креслах приемных занятые люди. Они твоят, варят сталь, учат детей и делают свое дело.

А просящему надо униженно объяснять суть посещения. Притом никто не ждет тебя. Да и не намерен тебя выслушивать.

А Стас женился на Светке, дочери генерального директора «Восток-Никель» – градообразующего предприятия с миллиардными оборотами. А после ушедшего на пенсию тесте, возглавил одно из крупнейших предприятий «Евростенс».

Его тесть, Яков Михайлович, опытный и рациональный во всем. В Бога он не верил, и суда его не боялся.

Но хитрости ему хватало: подлость, алчность, лукавство. И особое умение «кинуть» и своевременно проглотить любого для увеличения своего капитала.

А вот этих качеств Ивана не было никогда, ни у отца – тоже Ивана, ни у деда Павла. Все в роду были добрые и сильные.

Дед мог руками подковы гнуть, а отец мог вытянуть из трясины вытащить застрявший воз, с распрягшейся и не справившись с возом лошадей. И не ведали они не лукавства, ни изворотливости.

Вот и сидел теперь в приемной Иван. Сидел и ждал.

Стас пил кофе с армянским коньяком, беседуя с важным посетителем, приехавшим из Швейцарии для заключения договора по покупке цветного и дешевого металлолома у «Евростенса», судившего миллиардную прибыль.

Гражданин Швейцарии, уроженец города Львова, Борис Сидорович Полторак, заботился главным образом теперь о том, как этот цветной лом, по сути слитки прекраснейшего качества, вывести из Северогорска?

Сделка была супервыгодной. И у него кружилась голова от неожиданного везения и ожидаемой прибыли.

Опытный мошенник и делец, напрочь забыл о чувстве опасности при совершении сделок.

Хищение планировалось совершить в сопровождении полчищ юристов, при помощи запутанных договоров. Чтобы комар носа при сделке не подточил.

Им было нужно чтобы сделка выглядела со всех сторон – законной абсолютно. Помогло им обманывать страну и знание законов. В которых главное писалось всегда мелким шрифтом.

Да так запутано, что выгода всегда оставалась на стороне сочинителей договоров.

День уже клонился к вечеру, когда Иван вошел в кабинет.

Стас не удивился, он привык к визиту бывших одноклассников.

Иван, не дожидаясь сочувственных охов и ахов, сказал Стасу:

– Я без средств к самому скромному существованию. И ты сам знаешь, офицеры нынче никому не нужны. Тем более списанные по состоянию здоровья. Но я пришел не милостыни просить, а с деловым предложением. У меня есть конкретная научная разработка, помнишь я диплом с отличием, защищал, а теперь я ее доработал.

Здесь! – Иван похлопал свободной рукой по папке, – все расчеты и выкладки.

Применив в их на производстве только за год можно увеличить прибыль предприятия вдвое.

А при следующем внедрении и расширении сферы деятельности – второе, пятеро!

– Давай сюда папку, посмотрим! Это интересно! – Загорелся Стас.

Но Иван предусмотрительно отвел папку в сторону. Он прекрасно знал эти «посмотрим». Он понимал что его несколько раз обворовывали, и украв идеи, внедряли, и богатели на них, а он оставался «с носом».

– Я согласен только, если я возглавлю работу по его разработке на твоём производстве.

– Ты мне не доверяешь, дружище, ведь мы же с одной улицы бегали в школу вместе, футбол играли, помнишь каким ты был классным нападающими.

– А ты был, мазилой! И я это помню, помню.

– Ну вот, уж не можешь ты без подколов, Ванька! Но люблю я тебя подлеца. И все девки наши тебя любили. Помнишь Маринку, как она за тобою бегала? А я ведь ее любил.

– Ну почему же, подлецом? А где я сподличал, когда?

– Ну вот опять ты ко мне придираешься! Это же я к слову! А знаешь, пошли-ка мы с тобой в одно место – там девочек хорошеньких найдем. И ужин, не хуже, чем у нас в «Авроре». Где мы отмечали тогда выпускной. Помнишь с драниками по-белорусски нашей фирменной начинкой!

– Нет! Денег у меня нет для ресторанов. Да и дома меня ждут.

– Я угощаю, Ваня! Друг!

– Ответь мне по делу.

– Ну понимаешь, нет у меня вакансии, достойной твоих способностей. Ценю, помню, знаю. Ты ведь у нас был лучший программист в нашем училище.

Иван встал и пошел к выходу:

– Прощай, Стас. – только и сказал он.

Уже на выходе Иван повернулся. Стас покрасневший и взъерошенный, чем-то напомнил ему того незадачливого вратаря из детства. И даже почему-то всплыла жалость:

– Эко его заплыло жиром благополучия. А от души-то только рожки

и остались. Да и было ли у него душа? А если и была, то куда она сейчас делась?

– Постой, Ваня! – Стас вскочил с места – Правда, нет вакансий. Но у меня есть нужда в электриках. А ты ведь был классным электриком, пойдешь? Зарплата там, правда, не высокая. А там поглядим. Может что-нибудь и придумаем...

Два часа в трамвае, потом на двух автобусах с пересадкой. И столько же обратно домой. На работе приходилось вкалывать по 10–11 часов. Иван падал с ног от усталости. И дома его не видели.

Ольга тихонечко плакала по ночам. Но не показывала видео. Денег в получку получил, как кот наплакал. К Стасу он больше не пошел. А тот и вовсе забыл про него.

Другие и крупные у Стаса заботы. Большие деньги – большие хлопоты.

Перед Новым годом домоуправ буквально столкнувшись с лицом к лицу, не удержался:

– Иван Иванович! Как вы похудели?

Да и вы в одной шинели второй год ходите. Что плохи ваши дела? Я жена-то работает?

– Нет, жена с дочкой. Малышка у нас болеет. Часто. Я в порядке. Работаю.

– Где?

– На «Евростенсе», Андрей Петрович, электриком.

– А знаешь, иди капитаном лучше. По утрам ты будешь дворником, а днем электриком. И ездить далеко не придется.

Новый год решили встречать в старом Бабушкином доме. Поехали пораньше, благо 31 декабря выпало на субботу.

Иван раз чистил снег вокруг дома. Прорыл дорожки в снегу. Ёлку, растущую под окнами нарядил гирляндами. Ночью будет мигать и светить. Все, все обещало эта ночь сказку и чудо.

Закончив хлопоты по подготовке к встрече Нового года, решили поспать, чтобы потом бодрствовать до утра. Но Иван погрузился, сам не понимая почему, в ту самую, найденную на чердаке тетрадь...

... Город встретил Александру, как и должно быть настоящему городу. А вместе с ним свою потенциальную жертву встречал Крокодил. И крокодил этот был огромен, изощрен и всеяден. Он уже раскрывал свою огромную пасть, чтобы проглотить свою новую жертву, переживать ее и выплюнуть!

Ненасытное чудовище особенно любило поедать свет, красоту, высокие голоса – это было как раз то, что так манило Крокодила, завораживало и пленяло. От одной только мысли железы его начинали работать с чудовищной быстротой и текли слюнки...

О, сколько он переживал за свою долгую крокодилию жизнь, сколько унизил деток своих, охраняя от всего чужого и прекрасного.

Но что нужно неведомое, если его деткам нужны сырость и тепло, темнота и хлопанье и бульканье восторженной похвалы?

Никто в Высокогорске и не придавала значения, что Станкович и Сиверский и Псунев, и Родовский, и Мамалыга, – все они родные и кровные детки Крокодила.

Да потому что, детки давно уже влились в будничной жизни. А все остальные в Высокогорске, незаметно для себя, стали равнодушными по отношению ко всем и ко всему. А восхищались только дети Крокодила.

Детки те, хотя их по имени и отчеству не объявляют и портреты их не печатают, они были всегда на виду и всегда на пьедестале. Директор Кирилл Афанасьевич, Демьянович, их во всем поддерживал и продвигал. Как мог. Ну что и нацеливался его жена любимая з

Детки те, хотя их по имени и отчеству не объявляют и портреты их не печатают, они были всегда на виду и всегда на пьедестале. Директор Кирилл Афанасьевич, Демьянович, их во всем поддерживал и продвигал. Как мог. На что и нацеливала его жена любимая Азалия.

Да и Крокодил Крокодилович своих деток регулярно подпитывает свежей кровью. На то он и Крокодил!

Но часто это делать трудно: «кровь должна всегда быть свеженькая» – «светлой и чистой, как душа ребенка».

– От всякой другой, детки зверели. И порой доходили до безумия.

– Вот в эту Крокодилову пасть прямо и входила Александра. Она шла с желанием жить среди людей, дарить им свою любовь, свой талант, заботу. Трудиться на милой и Земле. Такой цветущей и залитой солнцем.

Высокогорск, правда, лежал в тумане – ну и что! Не всегда же будет туман. И дождь не всегда. И вслед за ними выходит яркое солнце. Ясное – прясное. И тепло от него идет и свет!

Так и не начавшись, закончился бы ее путь в Высокогорске, но столб света встал между ней и Крокодилом.

Свет был прямо из под земли, мощным потоком упирался в небо. Александра прошла спокойно и уверенно, можно сказать продефилировала перед носом Крокодила.

Она, по высокой лестнице, поднялась прямоком в управу Высокогорска. Ей была нужна справка соблности законы. Они касались прибывшего гостя и жителя города.

Управа как управа. Все в ней как надо. Охрана у ворот. Лестница мраморная. В коридорах ковровые дорожки. В кабинетах сидят самоуправцы, за ними управцы и уже потом – помощники.

Все шикарные роскошные, все в бархате. Никуда ходить нельзя.

Да и зачем. Все равно тебя слушать не будет. А если и послушает, то ничего не ответит или скажет. Но бумажку с печатью смогут выдать. «Да!», а могут и так: «Нет!»

И с этой бумажкой иди, куда глаза глядят. Одним словом, устраивайся, как можешь.

И вдруг у самого входа, в тот миг, когда Александра собралась взять за ручку двери, в одном из кабинетов мелькнула голова человека. И она кивком позвала Александра.

А человек хотел очистить город, возродить в нем былую жизнь. Но он не мог справиться один... Потому и скрывался под личиной управца.

И звали его Иван Иванович Горемыкину. Он был великим конструктором. Хотя все догадывались, что Иван Иванович – это не просто управец, а и мессия! И у него есть неясное и опасное для транспортированного общества дивного города Высокогорска.

– Как добрались, Александра? – спросил Горемыкин.

– Спасибо, Иван Иванович – сама удивилась тому, что знает имя этого человека, ответила Александра.

– Очень даже замечательно добралась. Вот и печать уже получила. Иду устраиваться.

– Устраивайся. Но будь бдительно. Ты, кстати, чем решила заниматься?

– Я умею делать свет. Света ведь не бывает тени. И когда он наполняет все пространство, то всем людям становится тепло и уютно.

– Как это? Делать свет?

– Я пою. Просто пою. И вокруг он возникает. А его так много! Правда-правда! Хотите, спою?

– Боже упаси? Здесь? Нет-нет! Тут Крокодилы и их детки. Они уже все завоевали и заняли. Подчинили всех нас. Тебе тут не спеть. Ничего у тебя, милочка, не получится.

– Да я уже пела! На юбилее Станкевича.

– Слышал, слышал... Все знают уже об этом столько разговоров. Ты и разбудила Крокодила. Берегись. Ты раскрыла себя, и он уже зубы точит.

– А разве это правда? Про Крокодила-то? Вот я шла, шла через весь город. Никакого Крокодила...

– Не знаешь ты ничего. Крокодил есть. Просто, наверное, твой же свет тебя и ослепляет. Ты потому и Крокодила не видишь. О, еще долго предстоит тебе терпеть и бороться. Ты будешь нашей помощницей. Были тут до тебя помощники, но у них голос пропал. Пропал после того, как Крокодил их укусил год назад. Чудом спаслись.

– Бороться? С кем же бороться-то надо. Здесь же все такие замечательные люди. Милые, интеллигентные, добрые...

– Тихо, т-с-с-с! Сюда идут. В кабинет зашли двое: управец, и его помощник. И молча сели. Молчали долго. Явно ожидали, что Александра уйдет. И она ушла. Так и пошла со справкой в руках и печатью на ней. На одной стороне было написано: «Да!»

А на другой и тоже заверенное печатью стояло слово: «Нет!»

Но Александра быстренько повернула бумажку, так, чтобы слова «Нет!» не было видно никогда!

И пошла себе дальше...

– Хозяйка квартиры было разговорчивая. А хозяин как раз работал главным высокогорским начальником всяких объединений.

Но он тоже был исключительным и общительным малым.

Приехала значит. Молодец, что к людям-то повернулась. А как же без людей? Кому такая жизнь нужна? У нас дел много. Мы теперь заканчиваем переустройства мышления у наших высокогорцев...

Нам песняры нужны, ой как! – и он провел рукой ребром по шее.

– А зачем надо мышление перестраивать? – удивилась Александра – У каждого оно свое. И в этом вся ценность и неповторимость человека.

– Сразу видно, отвыкла от человеческой среды. Среди людей не жила. Ничего не понимаешь. Вся суть в том, чтобы все мыслили одинаково. Легко, не напрягаясь. А то ведь как было раньше: совесть мучила то одного, то другого – привязанность к березкам, дубкам до слез. Умора. Сентиментальность нам не нужна. Умора это: «Любовь. Слезы – мимозы».

– Вы знаете, настоящий высокогорец должен быть легким, беспечным. Зачем думать? Для этого есть те, кто управляет. Вот пускай они думают, решают. Так намного проще.

– Да как же вы можете? Как живете? Вам не нужна любовь? Неужели сомнения и страдания? Настоящей жизни без всего этого нет. А где ваши те, кто управляет.

– О, они далеко отсюда. Зачем им жить в несовершенном обществе? У нас им не уютно. Не все еще работы завершены по перестройке мышления наших жителей. Пока они присылают рекомендации.

Песняры наши, вот Сикакович, к примеру. Да и другие поют, исполняют их рекомендации. На каждом углу.

А Александров все выслушала эту ахинею и сказала:

– я буду петь для людей. Но мои песни – именно о настоящей любви, а свете, а там самому которого нет ни одной тени Да и другие поют, исполняют их рекомендации. На каждом углу.

А Александров все выслушала эту ахинею и сказала:

– Я буду петь для людей. Но мои песни – именно о настоящей любви, о свете, о том самом у которого нет ни одной тени!

Ничего, мы тебя поправим. Будет все что надо. В самый раз. Нам бы

голос твой сильный, необычайный и высокий перенять. Такой голос нам нужен для завершения дел по перестройке мышления. Мы тебя так долго ждали!

– Да нет же! Я пою только то, что происходит во мне со светом. Другое не поется. Да и вам не дается поправлять мои песни. Они не-поп-равля-е-мы. Потому, что они от настоящего и живого, ясного начала.

– Не волнуйся, дорогуша, мы не таких правили.

– Не фамильярничайте, а то...

Ну что твое «а то»? Умора. Что сделать-то можешь, пичуга ты глупая – сказал человек и побледнел, затем лицом потемнел, и упал как подкошенный.

– Это Александра в ответ ему пробела ноту. Ее и вправду волшебный голос. Высочайший и чистый, свалил наповал самого высокого главного высокогорского начальника всяческих объединений.

Очнувшись чиновник и осознав, что явилось причиной его падения, он сразу догадался, кто перед ним.

– Ох и непростая такая Александра, да и наверняка, она не просто здесь появилась? Кто прислал ее к нам? – прошептал главный высокогорский начальник всяческих объединений. И тут же погрузился в глубокие размышления: «Что же делать-то?»

Главный начальник встал и направился к Сикаковичу, думая – «Что делать, что делать?» – мучительно сверлил вопрос – «Свалилась это Александра на нашу голову. Откуда только сила такая. Ишь голосище какой ничего не боится. Крокодила и то не заметила. А он-то хорош этот Крокодил. Сколько я денежек ухлопал на него. Мол старожил этот город. А он ослеп что ли? Как пропустил? Почему не проглотил? Не укусил почему. Хотя бы поухдей наконец?»

А у Сикаковича, как раз совещание. В самый раз пришел. И все сидят и думают: «Что же делать нам?»

– А что ты думать-то – начальник прямо закричал – Пакость! Надо какую-то пакость замутить.

– Утку! предложила мамалыга, докуривая тридцать пятую папирску. От чего у нее и нос почернел и губы посинели. Ее красновато-синие лицо не проводило впечатление на соратников.

Мамалыга будто рождена для этого. Делала она и пакости увлеченно, испытывая садистское наслаждение.

Особенно если ее жертва мучилась. Бывают чудачки, когда при них казни устраивают: «Ах, несправедливо!, Напраслина! Ах, за что?!»

Ну просто дети малые и будто вчера родились. Будто подлости уже не нахлебались? На своем то веке.

Духовную истину ищут самоощущением. Начинает заниматься, вместо того, чтобы послать всех подальше.

Но не умеют, не научились, слишком воспитанные. А это как раз на руку как Сикаковичу и Мамалыге как говорится: «Каждому подлецу, все к лицу!»

На этом рукопись обрывалась.

Края тетради были слегка измяты и обгоревшие. Но все целы.

А вот вторая половина тетрадки была просто вырвана кем-то... И сколько не копал Иван в сундуке, никаких следов рукописи, или отдельных ее листков, не сберегли...

– Ах, бабушка, бабушка! Сказка получилась замечательная. Интересно, как там драка за идею разворачивалась в этом фантастическом городе? – размышлял Иван.

Он далеко за полночь сидел на кухне и выкуривал сигареты одну за другой. Но так и не накурился до своего успокоения...

У Ивана-то заботы были куда реальные. 7-го кормить надо. Военная специальность ему не нужно теперь, да и времени наступили

Он далеко за полночь сидел на кухне и выкуривал сигареты одну за другой. Но так и не накурился до своего успокоения...

У Ивана-то заботы были куда реальнее. Семью-то кормить надо. Военная специальность ему не нужна теперь, да и времена наступили жесткие.

Заботы о хлебе насущном не могли утихомирить его мысли о наступающей катастрофе.

А Иван да боли в сердце и физической боли любил свою Родину. Он осознавал трагичность происходящего. Вот и ныло под ложечкой и ныло...

Это боль не давала Ивану спать. Невозможно ничего изменить. Было стыдно перед своими родными, перед нищими и молодыми ребятами-инвалидами недавней войны в Чечне. И все это Ивана угнетало.

Его рукопись не имела конца. Но вдруг Иван ясно вспомнил, что бабушкина сказка заканчивалось-то прекрасно. Мама Ивану рассказывала в детстве. И особенно четко вырисовывался финал:

– ... Александра всех покорила своим чудным голосом, необыкновенного диапазона и красоты.

Однажды она исполнила известный романс на главном концерте города. Это было в тот день, когда все собрались на Большой праздник:

... «Гори, гори, моя звезда

Звезда любви приветная

Ты у меня одна заветная,

Другой не будет никогда...»

Романс этот светлый и радостный, как выяснилось, его давно уже любили в нашем городе. Но мастерство и превосходный и волшебный голос Александры, просто растопило зло и превратило его в лужу. И все в городе, и за его пределами все люди стали удивительно добрыми.

Все помирились и стали ждать и жить вместе, очищая свои души этим чистым и красивым человеком.

Милица Мамалыга ушла в монастырь, где и исцелилась от всего зла. Потом она вернулась в город стала преданным другом Александры. И даже распространяла билеты на ее концерты добра и света.

Сиверский расплакался. И поклялся не вредить больше никому. Снял с себя очки и стал для Александры настоящим другом.

Псуня ушел на пенсию и перестал больше вредить и делать подлости и начал писать стихи и даже очки снял с себя.

Леокадий Сикакович уехал домой. Далеко за морями и горами было его родина. Он самолетом туда и улетел, основательно успокоившись.

Вот тогда-то все жители Высокогорска и очнулись от колдовского сна. И стали жить счастливо. Никто уже и никогда не болел теперь. И никто, никто никого не боялся! А страха в городе совсем не стало. Да и кого бояться-то, когда вокруг добрые люди. Крокодил исчез бесследно. Сикакович уехал на край света.

Главный высокогорский начальник, без всяких объяснений, подал в отставку.

А Роберт Андросович Колос добровольно передал все финансовые дела и всякие другие Ивану Ивановичу Горемыкину. А тот отправил их на службу нашему городу и всем добрым людям.

Никогда Ваня так не смеялся и искренне. Сказка его бабушки Александры, просто потрясла его своей наивностью и верой в торжество добра и света.

Ему впрямь было смешно. Ну и бабуля! Мечтательница и сказочница!

А как прекрасно называлась эта история: «У Света, тени нет...» Но ведь, и в самом деле у всего есть тень: «У всего есть тень у любого живого или не живого предмета и даже у самого нежного лепестка и веточки... И даже у падающих струек воды. Но у света тени нет... И быть не может.»

Но только в жизни где его взять этот волшебный свет. И так хочется, чтобы он освятил и остановил Зло и Ненависть, чтобы не гибли люди, без вины виноватые. Особенно дети. Да и чтобы исчезла власть на земле: «Золотого тельца!»

Небо – высоким и звездным. И звучала музыка. И она лилась из светившихся далеких миров. Она звала к борьбе и вместе с тем обещала и победу над силами зла. Успокаивала и утоляла боль нашей души.

Но ведь и в сказке-то, тоже шла борьба. Да такая жестокая! Светлое, доброе и талантливое – уничтожалась! Злыми, тупыми и завистливыми людьми. Но как правило были и еще вездесущими и могущественными...

А в сказках всегда торжествуют любовь и красота, добро и справед-

ливость. Но и после вьюг и ненастий, войн и разрух, обязательно приходит мир! А с теплом оживает земля, после бед и холодов.

И вот и в сказке добрейший верящей в любовь, бабушки Александры и победил Свет!

И очень жаль, что в жизни таких и идиллических финала в почти не бывает. И борьба в ней более жестокая и тянется она долго, долго, что человеческой жизни может не хватить, чтобы одержать победу над злыми силами, над теми кто потерял совесть. Или они ее никогда и не имели...

Но этой ночью, после осмысления старые рукописи, Иван и впрямь поверить в чудо!...

Утро после встречи с Нового года для всех, как обычно наступило около полудня.

Выглянули в окошко, выпал снег. Много снега. На ветки рябины прилетела стайка снегирей, крепкогрудых, голодных и веселых. Рябины-то много. Вот и радуйтесь снегيري...

Иван взял лопату и стал расчищать дорожку до калитки. Затем дорожку к бабушке Арины, которая с его матерью еще дружила.

До самой смерти мамы она навещала ее. То блинчики принесет ей, то картофельные пирожки с гречкой. Да и просто поговорить с соседкой за жизнь.

А Иван думал:

– Ах, мама, мамочка, моя! Как не хватает мне тебя. Твоего мудрого и умного взгляда, который успокаивал меня без всяких слов.

Да, мама была примером для Ивана – светом добра и образцом терпения. Двадцать пять лет она была прикована к инвалидной коляске после аварии. В которой она чудом уцелела.

Но несмотря на это, мать своими больными слабыми руками вязала и шила. Да так искусно, так аккуратно – никто не мог незаметно заштопать, порванные в момент прыжка с забора брюки, связать изумительные кружевные занавески, теплые носки из овечьей шерсти.

И она была очень терпеливой. За всю жизнь Ваня не слышал ни одной ее жалобы от нее. А когда Иван звонил ей издалека, где оказался по долгу службы на вопрос: «Как ты, мам?» Он услышал в ответ ее бодрый и радостный голос:

– «Да лучше всех, сыночек!»

Ему необыкновенно мудрой, терпеливой и выдержанной была мать Ивана. Уроки, преподанные ею однажды, запомнились на всю оставшуюся жизнь.

В пятом классе Иван мечтал о велосипеде. И она ему пообещала:

– Ванечка, добьешься успеха в учебе, будет тебе и велосипед!

Он старался, но однажды не выучил урок и получил двойку.

Учительница математики Екатерина Алексеевна, любила талантливого ученика. И потому была требовательна. И спуску ему не давала, не позволяла расслабиться. Чего так не хочется в подростковом возрасте.

Подросток не выучит раз тему, второй, потом перестанет понимать. А потом отстанет безнадежно.

Но перед ужином, накануне, ему сказала мама:

– Ты, я смотрю, молодец сынок. Завтра пойдем покупать велосипед. Отец премию получил. А в дневнике у тебя все в порядке. Оценки хорошие, молодец. Неси-ка дневник, что новенького у тебя.

У Вани зашло сердце:

– Завтра! А как же двойка, которую сегодня Екатерина Алексеевна так четко нарисовала в дневнике. Ужас, что будет...

Тихонько скользнул Ваня в спальню и исправил в дневнике двойку на пятерку. Сердце бешено колотилось... Но мама ничего не заметила.

На следующий день она вместе с сыном отправилась на центральную рыночную площадь, где был самый крупный магазин в центре города. За день до этого Ваня видел, что туда завезли велосипеды.

Ах, какие они были красивые. С усиленными тормозами и с никелированным рулем.

На дамбе, ведущий через яр, неожиданно встретились с учительницей Екатериной Алексеевной. Улыбнулась, поздоровалась с мамой и озабоченно сказала:

– Как хорошо, что мы встретились. Я как раз хотела переговорить о вашем сыне Ванечке, уважаемая Вера Дмитриевна. Ваш Ванечка, способный умный мальчик. Но в последнее время, он стал невнимательным, уроки не готовит должным образом и не усваивает материал. Да вы уже и сами увидели. Я в дневнике поставила отрицательную отметку, оценку...

У Вани похолодела душа, а мама улыбнулась и сказала:

– Спасибо вам, Екатерина Алексеевна! Мы с Ваней, обязательно исправимся. А я была рада видеть вас. И благодарю за заботу о моем сыне. Ваня покраснел.

Немного прошли молча. А когда учительница скрылась в переулке, мама спокойно повернула назад домой.

– Ах, как хотелось Ване уговорить маму, умолить. Ведь до желанного велосипеда осталось несколько шагов. Но... А что он мог сказать?

Мама Ване преподнесла хороший урок. Она скрыла его нехороший поступок, подделку оценки в дневнике. Но она не стала устраивать ему голомнойку: «– Не за двойку, они ее исправление...»

Это был простой урок: «Без крика и ругани, без упрека и наизаиданий...» Но Ваня запомнил этот урок на всю жизнь, что ложь всегда чревата последствиями. Нельзя допускать лжи и не допускать подобных ситуаций.

Беседы матери Ивана всегда были мудрыми и простыми, и ясными.

После них Ивану становилось понятно, что жизнь полна различными ситуациями и не нужно врать и обманывать.

С этих пор Иван физически не выносил даже лукавых мыслей и несправедливых поступков. Тогда не надо будет двойку переделывать в пятерку!

Ну и потом Иван задавался вопросом: Почему же так складывается жизнь и страдают честные и справедливый люди. И именно они живут в бедности и даже нищете.

При этом безнравственные, подлые, коварные, становятся предприимчивыми, наглыми и отхватывают жирные куски.

Но часто учителя влачат нищенское существование. Страдают и воспитатели. Они учат и воспитывают детей – но это и есть будущее нашего Отечества.

А разве защитники Родины не бедствуют? А где нынче враг? Но он рядом, и окопался. Все перевернулось в нашей жизни, такой огромной и такой любимой страны?!

– А бабушка Алина, хорошая, уже шла Ивану навстречу:

– Спасибо тебе Ванюшка, что откопал снег-то мне, старой.

А то и из двери было бы не выйти.

– Как жива-здорова бабушка? – Заботливо спросил Иван, отставляя в сторону широкую лопату – Может мне в магазин сходить и принести чего?

– Все есть, детка. Дочка мне всего привезла еще перед Новым годом. И сегодня опять приедут. Да и много ли мне одной-то надо. Картошка есть, огурцы что надо. Хлеба принесут свежего. А ты-то как? На работу устроился?

Иван предпочел перевести тему:

– Бабушка, а болят ли у тебя ножки? Может лекарство тебе купить какое?

– Ох, болят, детка, болят. Но лекарство уже мне не помогает. Здоровье-то надо беречь смолоду.

– А что же не берегли?

– Да все, сынок, валенки жалела. Ходила я и по полу в землянке, а то босиком и на снег выбегала. А в церковь, по молодости ходила в Киев. А шла в Лавру – молиться. Да с твоей матерью и шли туда пешком. Мы еще молодые были, вот бабушка твоя в годах... А тоже шла... Молилась и выпрашивала здоровья, доли деткам своим... Каково же ей было. До Киева это верст пятьсот надо идти.

Так вот обувку-то и жалели. Несли на спине узелочки, а босиком шли в любую погоду. Ночевать останавливались у добрых людей в деревнях и в поселках и на хуторах...

Пускали странников на ночлег и никого не боялись. И даже кусок хлеба давали нам. С новой строки да, другой был народ, или время было другое. Но путников привечать, не боялись. Ну вот я свои ноги и износила раньше времени. А теперь нет моченьки, как мои колени-то болят.

Но наши матери и бабушки умели все беречь и умножать. Во время войны отказывали себе. Собирали шерсти, вязали носки теплые и варежки. А потом все это добро отправляли на фронт. Своей Родине помогали. Мы же понимали, что солдатам тепло еще нужнее, чем нам, живущим в хатах, а не в окопах. Пусть бедно, но все же в хатах...

– Но так же жили и Ивановы дедушки и бабушки, мать и отец. Ох и трудолюбивые люди того поколения.

Нынче многие горазды упрекнуть: «Не то строили, не так жили». А ведь жили. Были жертвенными и умели быть счастливыми.

Иван слушал ее, сжимаю кулаки и сказал:

– Мы еще поборемся. Победа будет за нами! Мы еще увидим «небо в алмазах»...

Но лучше другой стороной пошел бы Иван тот день в магазин за хлебом и молоком. А еще лучше, не выходил бы совсем из дома. И не приезжал в Новогодние праздники.

Но тогда бы он не встретил бывшего командира подполковника Петровского, а ныне полковника в отставке!

Но встретил. Да и кто бы мог бы знать и предвидеть...

Разговорились. Полковник Петровский был человеком отзывчивым. Узнав о несложившейся жизни на гражданке Ивана, предложил ему работу. Да какую!

Любимое дело – дизайн жилых помещений. Что всегда интересовало Ивана.

Он серьезно и долго увлекался рисованием, графикой и от природы был одарен этим искусством.

Особенно воображение его работало, когда он проектировал интерьеры промышленных зданий, сооружений, жилых квартир.

– Это мое дело – думал Иван, – смогу преодолеть и финансовые проблемы и свои личные. Найду выход постепенно. Для решения и других вопросов. Все собирается. Все будет хорошо.

И он вспомнил, как говорила его мать:

– «Не отчаивайся, сынок, никогда. Ты – молодой! Сильный! Много еще дел впереди, которые никто из нас не сделает. Не робей, сынок!»

После писем, встречи и разговоров с матерью его силы всегда волшебным способом восстанавливались.

Общение с ней укрепляло его дух. Ведь физически он был вынослив, крепок и всегда занимался спортом. Бегал и плавал.

Ему тогда все хотелось переделать, сил было столько, что весь мир, казалось и ждет побед.

Учился он легко. Вечерами случалось уйти в увольнении, посидеть в кафе, где однажды он встретил семью и судьбу. Женился. Родилась дочь. Попал служить в Армению. Пережил землетрясение и попал в котел под Степанакертом... Был ранен. После ранения стало падать зрение. И наступил 1990 г\... .

Ивана терзали неотступно мысли. Горькие и буквально причиняли ему физическую боль: – Когда же началась эта канитель? Как получилось, что началась глобальная разруха. Почему никто не предсказал и не поднял тревогу?

Ведь перед землетрясением, даже двери стараются покинуть это место. Перед грозой закрывают бутоны цветы, чтобы сохранить свой хрупкий бутон перед бурей.

А тут приватизировались внаглую, почти задаром, без законов и правил – все... Рушились моральные и нравственные устои страны самой могущественный в мире.

– Но теперь... Скоро все изменится. Мы набираемся сил. Мы вернем своей Родине былую славу и могущество! – так думал Иван возвращаясь из очередной командировки.

– «Иван погиб во сне. Боль он не почувствовал, все произошло мгновенно.»

Идущий навстречу большегрузный автомобиль не смог уклониться, от выскочившего на встречную полосу «джипа», водитель которого уснул за рулем...

А Иван уставший от насыщенного трудового дня и суетной беготни в столице, дремал на заднем сидении, прислонившись к стеклу. Мощный, смертельный удар в голову – оборвал его светлый сон...

И на его лице навек застыла безмятежная улыбка...

А он мечтал сделать так много. И много ему было не по плечу. Но это было не сказка, а быль. Это... жизнь.

Осталось на земле его маленькая дочка, беззащитная к веткам и бурям открытая. Остались неоконченные дела по переустройству своего дома, своей жизни, своей страны...

Осталась Родина, потерявшая еще одного верного сына.

А его душа летела к небесам восхищаясь и удивляясь открытым просторам бесконечного мира и летела к свету.

И слушала она где-то высоко и высоко удивительное пение. И пел ее прекрасный голос, чистый и прозрачный, светлый и нежный...

– «... Гори, гори, моя звезда.
Моя звезда, заветная.
Ты у меня всегда заветная,
Другой не будет, никогда!»

Сильный, красивый и до боли знакомый голос, пел о том, что жизнь не кончается. Никогда...

Рассказ Ганны:

– «Лучше чем полка».

Шумела тайга. Могучим гулом и много голосам, как волны, бьющиеся по скалы. Захлебывался в накатах снега ветер.

Но от этого ветра, стонали и поскрипывали на морозном ветру сосны и ели.

Могучий кедр, дробненько постукивая бусинками-ледышками, исполнял неведомый танец на сильном ветру.

Ганна смотрела в окно и думала:

– «Вот и сегодня на улицу не выйдешь. Поземка десятый день уже метет...

Но уже на улице не видно ни леса, ни человека в этой, кажется, вечной зиме. Да и окна засыпаны снегом до половины.

А ведь уже март... В далекой самой родной и самой красивой на свете белорусской весны. И она стожками рассыпала свои хатки по берегу озера Белого.

Уже наверняка весна вступает в свои права. Лед трещит, подталкивая по краям. А вербы вспыхивают желтыми «цеплячьими пушинками». Да и солнце с каждым днем светит все ярче и ярче. Но не дает забывать: «Весна-то уже наступает!»

А мать гремит ухватом в печи. И кочергой по поду, кирпичом, разгребает уголья.

На загнетке остынет чугунок с картошкой. Слава Богу, теперь жить-то легче стало.

А ведь как голодали они в первые годы, когда вывозили их тайгу без одежды, без хлеба, признанные «врачом народа». В этой «команде» были старики и женщины и их детки. Вот их-то и бросили в сибирские леса, снега, чтобы за жизнь свою «непутевую» боролись... на выживание.

А вот папка у Ганны, был мастером на все руки. За что не возьмется, все умеет: чуни, лопаточки плести, корзинки, лавки и стулья мастерил. Да и печку он тоже сложил. Тогда и тепло и уютно будет. Живи как дон-барон.

А дом сам в одни руки поставил. Помощь от детей-малолеток, ясно не в счет, какая там помощь – щепу собирать или топор ему подать или доску поддержать. А детишки, как муравьи, все ему тянут и тянут.

Потом и Дед Михай помог соседям. Вот так и выжили.

По весне вместе с женами и детьми, отвоевали у тайги земельку–кормилицу. По лоскуточку выкапывали тайгу, по горсточки осваивали неудобицу под грядки.

А теперь... картошка, лук, свекла, да капуста – все свое теперь. Да, не жировали, но и от голода не пухли, как в те страшные, первые годы.

А тебе голодные годы унесли из семьи Ганны двух братиков: – младенца Ильюшку и трехлетнего Петюшку.

А мамка так плакала, так плакала, так убивалась, а потом замолчала. И не хотела ни с кем говорить, разговаривать.

Разве с дедом Михаем словом перекинется. Жалеет его по старости.

А еще папка плел кубари из лозы. Наподобие чернильницы-непроливалки. А теперь и рыбой стал промышленять.

На зимник он уходил на целый месяц, а то и больше, пока месте пурга перестанет.

Он ловил, солил, морозил. А как путь на морозе остановился, тащил на санях домой еду. Дома-то его поджидали «пять ртов» по лавкам.

– «Ну метет и метет!» – сказал дед Михай оттаптывая с валенок снег. И потом уже входил в избу.

– Ну, Василь теперь твой, чей, до Великого дня не появится. Разгулялась тайга-то.

– Ох, не наговаривай, дедусь, – отозвалось мать от печки, гремя ухватами – Мы же все уже съели. И ждем не дождемся кормилица нашего.

Михей скрутил самокрутку и молча попыхивал, курил. А потом тихо и приглушенно сказал:

– Из Охты мне тут подсказали: «Сталин-то наш, приказал нам долго жить!»

– О-о-ох! – сплеснула мать рукавами и опустилась на лавку.

В хате повисла вдруг жуткая и непонятная тишина.

А Ганна понимала умом семилетнего ребенка, что-то страшное, пугающее и вместе с тем по-другому было похоже не на горе, когда в семье умерли Ильюша и Петечка.

Для нее это было и что-то неведомое ранее. Боль одиноко плыла, придавленная к земле в маленькой и словно опустевший хатке...

И когда я за дедом Михеем закрылась дверь, Ганна притулилась к ногам матери. Ей так захотелось вдруг прижаться к ногам и коленям матери, почувствовать ее теплые руки и сказала:

– Мам, а Сталин – он кто? Плохой?

Мать встрепенулась как птица, которую смертельно ранили. И как будто смертельно ранили и теперь этой птице грозит неминуемое падение и даже гибель.

Она крепко схватила Ганну за плечи и стала ее трясти. Бледнея, мать не могла выговорить ни одного словечка.

Но потом она совладала с собой, справилась, но все также, не отнимая рук от Ганны, прижало к себе крепко-крепко.

И тихо, горячим замирающим голосом, оглядываясь то на дверь, то на окно выдохнула:

– не смей так говорить! Никогда не смей, никогда не смей, доченька! Никогда не смей, никогда не смей, доченька. Никогда слышишь, никогда! Сталин он хороший! Лучше всех! Лучше... Понимаешь?

Он лучше даже, даже... Он лучше даже... Чем наш папка.

Следующая глава называется:

– «Сон».

– Поднимаюсь на высокую отвесную скалу. Очень тяжело. В срываюсь, цепляюсь и все-таки добираюсь до самой вершины. Преодолеть эти трудности, изможденная, но надеюсь найти там чудо.

Вот встала на самую верхнюю точку – дух захватывает. А дальше уже обрыв и край пропасти...

– Ни-че-го. Шагнула... И надеюсь, надеюсь...

А зачем? Для чего это все? Столько дней и лето, столько сил! Продолжаю карабкаться и ползти, с болью преодолевать, чтобы теперь не да-а-ать со слезами?

Но тот ветерок подхватил меня под крылья. Рук-то у меня нет, вдруг появились эти крылья-то слабенькие.

Но несет меня подхватившая неведомая сила.

И вдруг понимаю. Это сила – мое спасение. И поднимаюсь вверх вверх под белоснежные облака все выше и выше, а солнце меня ослепляет!...

Но вот остановилась на лужайке, такой зеленой-зеленой, первозданной чистоты.

Хочется спросить, а где же я? Но вокруг никого нет. Но нет и одиночества. Наоборот, я среди любящих меня людей. И они вот, здесь.

О своем земном доме вспомнила лишь на мгновение. Но он где-то далеко-далеко. И мне страшно стало, почему же мы воюем друг с другом? Все спорим и завидуем и воюем друг с другом.

Но мира нет, а смирения и вовсе... Вот мне всех и себя, так жалко стало... Захотелось мне вернуться и прощения у всех попросить, теплом обласкать и добра побольше сделать. Назад дороги нет.

А так щемит сердце от невозвратимого и утраченного... разрывается. Но все же одна надежда у меня в глубине души теплится... А может быть это просто сон?

Вот проснусь сейчас и буду по-другому жить! И все поправлю.

Не буду больше хитрить и лукавить... Не буду сердиться и голос не буду повышать. И я не буду упаси Боже – завидовать...

Но нет! Не сон это!?! Голос, чистый-пречистый прозвучал надо мною и я услышала:

– Это наша?

В ответ я услышала тихий голос моей мамочки, но только молодой, молодой:

– Нет пока...

– Готова ли она?

– Нет, еще рано.

– А что за ней числится? Много ли света?

Ангелы вокруг облетели и стали невидимыми. Но свет этот где-то все равно сияла. Да и голос появился:

– Взвесьте же, сколько она света нажила, взвесьте...

Услышала шум и шелест крыльев... Душа зашлась... В памяти картина мелькают. И я вижу себя совсем маленькой девочкой, возле давно не существующего дома, ясно вижу куст крапивы. Я подошла обожглась и плачу...

На мне кружевное розовое платье. Мама моя сбегает с крыльца, берет меня на руки. Тепло. Хорошо...

И потом я молодая, молодая, быстрая и ловкая, бегу за сыном Колюшкой и я кричу:

– Стой!

А он на бегу кричит:

– А что мне за это будет?!

А впереди-то озеро и обрыв.

Потом все, кого я когда-то обидела, молчаливо выстроились. Но не те, кто меня когда-то обижал, кто мне-то боль и горе причинял, а именно те, у кого я прощения не успела попросить. Но не все услышали... А это кто?

– Мама! Такая молодая и красивая! Я слышу настоящий мамин голос:

– Она много страдала... Первенец Колюшка, у нее...

И снова тот голос:

– Буквы в ней мало света! Рано еще и к нам. Пусть еще потрудиться.

На покой ей рановато. Отпустите!

Я проснулась. Смотрю на часах уже девять. На работу я опоздала! И давай ворчать в сердцах и ругаться на домочадцев:

– Да что же вы меня не разбудили-то? Да что же вы люди-то такие? Я всех бужу и завтрак подаю, пожалуйте! За всех беспокоюсь. Ах вы, бесовестные!

Да и... очнулась. Но теперь по настоящему.

А за окном стыла глубокая зимняя ночь...

И следующая глава называется: «Сил нет...»

– Дмитров день на моей малой родине – престольный праздник. И он на селе – великая радость.

И сколько лет уже в этот день пытаюсь попасть в церковь, помолиться за все светлое и светлое детство и поставить свечки за упокой.

А нынче приподнилась и пришла в конец службы.

Ну когда Валя шла по деревне, то невозможно было не оглянуться на ее красоту. Смуглая кожа, словно бархат, а глаза – черные сливы, влажные и блестящие губы. И две каштановые косы до пояса много. Она стройная и высокая. А походка у Вали до того была легка, что казалось, что она не шла, летела.

Росла Валя в бедной семье. Ее отец погиб на фронте в первые дни войны. И мать поднимала троих детей одна.

Брат подорвался на mine уже в конец войны. А младшая сестричка заболела scarlatinной и умерла за три дня. Была она маленькая и слабенькая от постоянного недоедания и недосмотра. Ведь приходилось ей сидеть дома целый день, пока мать и старшая сестра работали в поле. Вот и не выдержала, не перенесла этой каверзной болезни.

Вся надежда у матери была на единственную – Валю.

Сама та Фима была строгая, но Валечку любила безмерно. Да судьба у дочери оказалось несчастливой.

На всю деревню был один жених, достойной Валиной красоты и стати, так это Митька Кухарев.

Работа он заведующим сельским магазином. Был красив, высок, кудряв. Все девчата на него заглядывались.

Погулять Митька любил, но жениться-то он не спешил. Все себе подыскивал самую самую лучшую.

Да и его мать, Дарья была жестокой свекровью. Ведь у нее двое сыновей уже поженились. А она в упор не хотела видеть невесток...

Ни Катерину, жену Алексея, старшего сына, которая была из богатой семьи. И народившая троих уже внуков. Ни Наталью, местную учительницу, которая подарила сыну Андрею двойню.

А сыновей за непослушание, перетянула плетью. И в дом их больше не пускала. Очень злоющая была. В общем «Салтычиха», да и только.

Но своего младшего сына Митяя она любила больше всех. И у колдоча хвалилась, что жену ему выберет самую лучшую самую красивую. Работящую и послушную.

И надо же было: Митяй-то полюбил...Валю. А полюбил Митяй пылко и страстно. Ночи и дни думал только о ней. А Валечка ходила мимо, гордо поднимая голову, словно и не видела его. Но так или это так Митяй своего все же добился.

Привез из города подарки: – Цветы, бусы, духи, настоящие коралловые ожерелья. И они на Валиной шейке так заиграли. А сама в них она стала такой волшебной красивой, что нельзя было и глаз отвести.

Валечкино сердечко вспыхнуло. Отозвалось и заголосило. Полетела ее душенька на свет яркой любви своей бесстрашной голубкой. А крылья у нее расправились. Она еще краше стала и все у нее спорится, целый день трудиться: на поле, огороде, а вечером... Жаркие свидания с Митяем.

Ох уж эти вечера в июне, когда тепло кругом, соловьи руладами заливаются, а душа, вместе с ними к облакам просится. Ах, какие закаты и рассветы были на берегу речки Березовки... окруженной березовой рощей! И летели, как и летний ветер, жаркие дни и ночи...

Стало понятно – свадьбе быть. А Валя призналась Митяю, что ждет от него дитя.

Митяй упал матери на колени – жени! Люблю, не могу.

Ну Дарья-то так разгневалась, что и Митьку своего не пожалела: «Проклянну!» Сказала и точка.

Узнала про это все и Фима. Сознание потеряла от горя. Она же Дарью знала ее норы крутой. Позора только в деревне не хватало. Мало было горя, а теперь Валюша, свет в окошке, сердечку ее куда же деваться?

Скоро же все будет видно – Схватила на Валю за косы, обезумев, что же ты девка наделала?

И повела ее к Митяю. Мол никуда не денется. Любит ведь, так пусть берет девушку в жены. Да и дитя не должно страдать. Оно-то причем?

И шли через деревню. Валя в слезы просит мать: «Пошадь, не гони меня, я же человек. За что ты такая мне доля. Зачем ты меня ведешь как теленка в загон? Зачем же ты мама гордости не имеешь?»

На Фима было неумолима:

– «Был позор – в девках дитя нагуляла...»

Что это за обычай-то такой жестокий? И древний. Какой же это позор? Радоваться надо было, что появится на белом свете новая жизнь. А дитя – это же подарок Божий.

Ан нет. Может и повымирали деревни-то, что частенько законы-то были жестокими и перегибали палку, перегибали.

Валька Фимкина – много лет потом стало это имя нарицательное, мол гулящая была...

Ну Дарья, конечно же уже все знала: «Фима идет и невесту ведет к Митяю в сарай». А тот уже и молил, и просил и руки на себя хотел наложить. Да спасли и откачали...

А Валю Дарья еще более жестко встретила. Руки в боки и понесла, не щадя и распаясь от гнева. И бранилась, на чем свет стоит:

– Сучка! Голодранка! Вон отсель. Митю тебе век не видать.

Валя пыталась позвать Митяя, да кому было кричать-то?

– «Митяй уже лежал без памяти. Хотел на себя руки наложить. Еле откачали...»

На завтра, рано-ранехонько, Валентина с узелочком прокралась огородами. И по краю по тропочке в другое село.

Слава Богу, председатель колхоза, добрейший был человек. Подготовил он ей документы и уехала Валечка, куда глаза глядят... В белый свет, как в копеечку, одна-одинешенька... Со своим горем.

Прошли годы. Деревни той уже не стало, нет ее больше. Но на Спас приезжают люди из разных городов и сел на могилки на свое деревенское кладбище.

Дома стоят, где целые, а где и разрушенные. И заросли они лопухами и ивняком. Крыши целы, окна тоже, а вот полы взломаны. И в домах внутри яблони выросли. А где и груши выросли дикие и высокие, проломив пол. Природа свое дело знает.

А тут Тамара Краснова написала стихотворение поэтому поводу:

На краю моей деревни,
Той, что нет давно уже на свете
Дуб растет – могучий, старый, древний
И поет в нем песню вечный ветер.
А под дубом этим – старый дом
Наш, родной... Здесь даже ветры тише
Хоть давно разбиты окна в нем
Нет трубы, дверей, а через крышу
Яблонька и семечка растет
Из последних сил ждет нас с тобою
Шепчет: «Что ж хозяин не идет?»
А в ответ лишь яблоня листвою
Шелестит... По-прежнему любя,
Ждет когда ты тишину разбудишь.
Хата твоя будет ждать тебя,
Даже если ты ее забудешь.

Написаны эти строки, когда мы тоже приехали на Спас и едва, едва нашли дорогу. Уж так все заросло...

Горько смотреть. Словно джунгли какие-то наступают. И поглощают деревни, погосты и дороги.

Глядим, а у соседнего дома остановилась машина. Новая «Нива», самой последней модели.

Из нее вышла женщина. Стройная красавица, пышные каштановые И буквы волосы, до пояса.

Из нее муж – высокий, статный и двое деток: мальчик и девочка. Оба с глазами черными как сливы. И побежали к дому.

А там Ракит растет через крышу... И никого. Слышим, заплакала женщина. И запричитала: «Мама, мамочка моя!» Плачет и приговаривает: Подошли, поздоровались, а это Валя!

– Ох, узнала я Вас!– кинулась ко мне Валентина, – Как же я рада, Что встретила я вас.

Поговорили мы с ней, поплавали, по обнимались. Живет она хорошо. Попала она в добрую семью.

Сначала в няньки, потом вышла замуж за племянника хозяина, молодого врача. Поступила в техникум, а потом в институт.

Нынче она работает в ведущей клинике в одном из подмосковных городов.

А муж – главный врач в этой клинике. И внешне похож на Митяя. Только ростом повыше и покрепче...

Помогает ей во всем. И любит. Сына Валентины он усыновил, когда тот был еще младенцем.

Сама Валя защитила докторскую диссертацию. Занимается новыми методами лечения зрения. Старший сын, Андрей живет в Англии, учится в Оксфордском университете на отделении офтальмологии. По стопам матери пошел.

А Валя улыбаясь сказала мне:

– На радость нам с мужем, восемь лет назад двойняшки родились.

– А как же Митяй?

– Да умер он. Болел все время после того случая, зачах совсем долго не прожил... За ним и Дарья убралась, да помилует их Господь. Я в каком-то смысле благодарна судьбе своей суровой. Прими они меня тогда, не добилась бы я в жизни ничего. И не было бы у меня счастья.

Валя попросила меня на прощание:

– А вы напишите про меня стихотворение, только про финал не пишите.

– А чем же именно не писать, Валя?

– О том, что он умер.

Через дня три я отправила Валентине стихотворение:

– «Валя»

(Деревенская быль)

Были у Вали глаза, как две черные сливы,
Стройная, ловкая, с песней в труде целый день
Все от того, что была всех на свете счастливее
Митька – красавиц за ней ходил словно тень!

Темные ночи накрыли их сладкие встречи...
Только не спрятаться: скоро и матерью стать.
Через деревню, как через палящую сечу,
Валю за косы вела, обезумевши мать.

В дом, где свекровь уж такая характером ведьма –
Прочь, за любовь, непокорных гнала сыновей.
Двое уехали «благословленные» плетью,
Так и живут и живут! Ни ногою из хаты своей!

Валины слезы сжигали траву по дороге.
Только молилась: «Любимый, в обиду не даст!»
Но разъяренная Дарья и дальше порога
Их не пустила... А сына замкнула в сарай.

Вынули Митьку из петли, водой отливали...
Ну, оклемался, очнулся, остался живой...
А с узелочком, крадучись задворками, Валя
Горе свое понесла в белый свет за собой.

Годы прошли, вымирает и гаснет деревня.
Холостякует с тех пор заболевший Митяй.
Будь не суровость обычаев, диких издревле,
Жили бы, жили! Ведь Богом давалось дитя...

Как-то на Спас и приехала Валя на «Ниве»,
Дом развалился, ракиты растет через крышу.
С Валею – двойняшки, с глазами как черные сливы.
Муж на Митяя похож! Но покрепче! И выше!

Следующая глава называется: «Что это было?»

– Рассказывала мне это все мама. А ей все это объяснил мой дед Антон.

И как вы понимаете, что это все у нее чистая правда.

На Зимнего Николу, что бывает 19 декабря, мой прадед Никанор со своими сыновьями Иваном и Антоном, из года в год, ездили в Карачев. А он находится в верстах пятидесяти от нашей деревне Щенятино.

И ярмарки в Карачеве были всегда знатные. Народа приезжало «видимо-не видимо», со всех волостей.

И превращались, эти торговые дни в красочное и богатое в многолюдное веселье.

Чего только не продавалась на зимних старинных ярмарках на Руси! Зерно и подковы, грибы и орехи, мед и копченые поросята. Сало, яйца и окорока. И прочая живность...

И всяк знает, что ярмарки на Руси появились в незапамятные времена. Но проводились эти ярмарки на пересечении путей.

Вроде бы надо купцам проследовать по своим путям и делам, а пройти нельзя – ярмарка!

Вот и приходилось останавливаться, и что поделаешь, торговать своими товарами.

Однако таскать на горбуна ярмарку товары, а особенно зерно, муку, шкуры да валенки было неким делом и вход пускались и лошади.

А где лошади, то там и цыгане! О цыганской торговле лошадьми, до сих пор ходят легенды!

И десятки тысяч ворованных лошадей, ковыляли и колесили по российским просторам. А ярмарки этому сопутствовали.

Спрос на лошадей тогда был велик, а цыгане не дремали. Перекрашивали лошадей.

Для этого и держали глухие дворы неподалеку от ярмарок.

Но кроме лошадей, на ярмарках можно было увидеть и медведей.

– А ну-ка, Миша, покажи нам как государь-император коронуется! Молодец! А как пишет книги Достоевский? А теперь, как Пушкин царизм обличает!?

И Мишка потешал народ, как мог! Народ цветы бросает, за автографом не лезет, а Мишка никому не отказывает. Популярность у медведя, бешеная. И в каждом городе одно и то же: «Миша, продай медвежонка!?»

Скоморохи и шуты тоже потешали публику. А иногда и торговцы нанимали скоморохов. Чтобы те приплясывали и ходили «колесом», нахваливали товары... И выкрикивали слоганы:

– «Деготь, мыло и пенька, вот товар для мужика!»

– «Ешь побольше сала, чтобы хозяйство твое крепче стало!»

Это была первая и хорошая реклама. И превращалась в огромную толпу, торгующих, и покупателей.

Как бы там не было покупали пряники печатные, раскупали бешено вино.

Но в дни ярмарок на Зимнего Николу всегда были морозы.

Именно на ярмарках появились первые, так называемые «пуховики», правда похожие на телогрейки но стеганные атласом на гусином пуху.

Но крестьяне все же ходили в тулупах, а «пуховики», как-то и не прижились.

А я до сих пор помню эти тулупы, которые шили мой дед и прадед их братья.

Крестьяне разводили овец, стригли и ткали сукно. А из выделанных шкур – шили тулупчики и дубленочки.

Они были ладные, теплые и легкие. И, казалось, что они будут служить долго и вечно.

А валенки ваяли мои деды мягкие, прочные и отбеленные. Этот товар был нарасхват.

Дедушки, продав товар любили попить чаю, да купить гостинцы для ребятишек.

«А, эх, конфетки, бараночки, будто, лебеди саночки.» «Эй вы, кони залетные, слышно крик ямщика! Гимназистки румяные, от мороза чуть пьяные, грациозно сбивают рыхлый снег с каблучка.»

Весело, прибыльно и задорно побывать на этой ярмарке.

После этого мне рассказывал дед, что когда ярмарка закончилась, начиналось другая потеха: начинались бои – стенка на стенку. Скажем: «Шубный ряд на тулупный!»

Но кто побеждал, то на следующий год, тому предстояло на лучших местах торговать!

Длилась ярмарка по-разному: неделю, две, а то и месяц... И поэтому мужика ждали домой с нетерпением. Он всегда возвращался с гостинцами. Детям свистульки из акации. Женам покупал цветные и медовые пряники.

Но до ярмарки неделю собирались. Загрузили до ярмарки три ввоза тулупами, валенками и медом. И поехали пораньше в конце Николы.

Чтобы к вечеру быть в Карачеве, переночевать. А утром, пораньше, в торговые ряды, выгодное место занять. На одном возу отец Никанор. На другом – дед Антон, а на третьем брат Иван.

Ехали мы ехали, а уже и темнеть стало. Зимний день короткий. Но разыгралась метель. Да такая сильная, что не видно ничуть.

Гудит, метет, забывает. Лошади уже беспокоиться стали, упираются, уж не волков ли почуяли?

Стал дед Никанор замечает, что едут они, едут, а кусты, чуть видны через завесу и... повторяются...

– Э-э-э! Да мы, похоже, братцы, заблудились во все, не зги не видно – закричал мой дедушка Никанор.

Но тут Антон заметил какой-то огонек впереди забрезжил и замерцал сквозь метель. И опять тьма-тьмущая. Может показалось?

Да нет же! Не показалось. И в прям огонек сквозь кромешную тему пробивается.

Обрадовались – и давай лошадей подгонять. На огонек лошадей и направили.

Один Никанор не сильно рад. Не может понять, а есть ли здесь селение. И думает: – «Откуда?» Но помалкивает: «Неужели мы в поле замерзнем, с пути сбились?»

Но вдруг... как из под земли вырос хутор! Застучали в ворота:

– Отворите! Христа ради, примите на постой!

Ворота отворила, вроде бы как цыган. Огромного роста, лица не видать. Одна борода и усы. И только глазищи на него сверкают. Прямо как медведь.

А навстречу путникам из хуторского подворья уже шли и его сыновья. Их было пятеро и они были такие же огромные, как их отец.

И один из них спросил:

– А чем за постой платить будете?

– До заплатим, батюшка, а то как же? Отблагодарим за милость. Мы же на ярмарку едем в Карачев. Да вот немного и заблудились. Вот такая не погода разыгралась... Совсем запутали.

– В Ка-а-ра-а-чев? Ну-ну! – ухмыльнулся старик – хозяин.

Ни поесть, ни попить, угрюмые хозяева не предложили. В полном молчании давно ввели их до палатей в пристройке.

Притом разделили их по одному. Двери закрыли на засов и ушли...

И вот тут-то путников взяла оторопь. Поняли, что попали в ловушку к недобрым людям. А что же делать?

Никанор забеспокоился:

– Зачем же они нас разъединили? А чем они шепчутся за стеной?

И стала молиться Николаю Чудотворцу. А за стеною в это же время молились в тревоге его сыновья Антон и Иван.

Упали они на колени и стали неистово молиться:

– Пожалей, Николай-Чудотворец. Угодник Божий, наших детей! Не губи нас! Спаси Господи! Сохрани! Моли Бога о нас Николай Чудотворец!

Вспомнили они как перед дорогой их отец наставлял:

– «Молитвой Богу спасемся, если что случится. Особенно в пути. Помните и молитесь. Бог услышит. А ныне – канун Николая Зимнего. Его о заступничестве перед Богом молитесь! Он наш защитник. И получите по вере своей. Что человеку чудно, то ему – все возможно.»

Иван было пытался возразить отцу:

– «Как же батюшка? Вот если бы увидел чудо, тогда бы я и поверил бы...»

Но Никанор строго его вразумил:

– «Ах, ты голова бедовая! Ты сначала поверь, а потом и увидишь. Сильно поверь!»

Потом он махнул рукой и добавил:

– «Жизнь заставит, тогда и поверишь во все!»

Но жизнь так и не замедлила свой урок преподавать. Страх напал. Час молится, другой, про сон и не думает.

Но за дверьми слышатся какие-то шаги да крики. Это хозяева между собой спорят.

Еще сильнее стали молиться:

– «Господи! Николай Чудотворец! Угодник Божий! За что гибнуть? Спаси! Услышь нас. Мы потом своими руками и кровью хлеб свой добываем, детей кормим, живем по Божьим законам. Не дай нам погибнуть от рук супостата...»

А в ответ только ветер гудит, да метель в окна хлещет!

И тут, откуда ни возьмись, в ворота и окна застучали, да все громче голоса стали слышны:

– Э-гей! Тут на постой наши остановились? Давай отворяй! Поехали!

И второй вторит:

– Метель-то стихает! Ничего уже прохладаться! Нас же здесь много. Обоз на сорок лошадей, не заблудимся, дорогу уже видеть можно.

И уже отовсюду во все окна стучат:

– Поехали! Антон! Никанор! Иван! Поехали!

Угрюмый и злой был хозяин, когда он открыл двери. Товар уже почему-то был наполовину разгружен. Но деды быстро за минуту загрузили, в сани прыгнули и в ворота выехали...

А там за воротами, тени лошадей в метельной круговерти. Мужики все в тулупах. Много их и уже кричат:

– Скорей давай! Поехали!

Пять верст и мчались мы за теньями. А потом стали как вкопанные... Ни лошадей, ни мужиков, но обоза...

Но и метель уже стихла. Да и светать начало помаленьку... Так и спаслись!

На ярмарку приехали вовремя. Да и торг удачно прошел. И домой вернулись с гостинцами.

А дед Никанор с сыновьями в церковь пошли.

Благодарственный молебен отстояли на коленях, слезы катились по щекам, плакали не громко и... благодарили Николая Чудотворца за их спасение.

Но что было в ту ночь в канун Николы Зимнего никто и не понял. И до сих пор не знают.

Только прадед сказал своим сыновьям:

– “Человек говорит: Увижу – поверю... А вот Бог говорит иначе: Как поверишь – так и увидишь!»

Следующая статья называется: «Любимый сынок».

Никто не знал, откуда пришла в деревню Марья. Шли толпы беженцев в начале войны. А Марья уже дальше не пошла. Попросилась на ночлег в крайнюю хату, да так и осталась в ней.

Нюрка с Никитой пустили ее в дом. А чего не пускать? Сыновья на фронте, хата просторная. Чего же не приютить беременную женщину.

К тому же она молчаливая и короткая. Слова лишнего не скажет, глаз не поднимает. Очень короткая и скромная. А по хозяйству... – первая помощница. Любую работу выполняет.

И через недели две у Марьи родился сынок.

Вот и выделили ей хатку на краю деревни. Маленькая такая полужемляночка. Хозяева уже давно съехали, а хата пустовала.

А после войны, когда люди потихоньку стали «оттаивать», то увидели и Марьинова сынка.

– «Он уже бегает».

Но говорить мальчик не умел. Совсем. Толи не получалось.

Подойдет к нему женщина:

– Чего тебе, детка? Хлебушка дать?

– Й-о-ох!

– Или яичко?

– Й-о-ох!

– На вот тебе пирожок и яблочко! И иди домой к маме.

Вот так его и прозвали Ёхом. Особенно мальчишки ему досаждали. Бегут следом и кричат:

– Ех, Ех, съешь пирожок!

А Ех на все улыбался, но ничего не понимал. Уйдет куда-нибудь и заблудиться, дорогу к дому терял и становился странным.

Но ребятишки это нравилось. Забавляло их: «Вот он дом-то Ех!» А он не понимает, куда же ему идти.

Так они выманят за околицу и прячутся...

Тогда Марья идет ищет его, плачет и приговаривает:

– «Любимый мой сыночек, пойдем домой. Пойдем моя деточка! Будем с тобой картошечку печь!»

И всем она кланялась при этом, всех благодарила. Как будто виновата была, что сынок ее не умеет говорить...

А в чем она была виновата? Только в том, что она родилась в этой деревне? Что у нее сынок родился убогий? Что не высказать ему боли своей?

Да и кому тогда было легко? В тяжелые послевоенные годы люди восстанавливали разрушенные дома и сожженные хозяйства.

А силы-то какие у них были? Каждой семье или вдовы или увечные, с войны пришедшие искалеченные... У всех и свои слезы из своей горе.

А Марья безумно любила свое дитяtko, безмерно. И в этом ей и была радость.

Берегла Марья его как зеницу ока...

Но... чему быть, тому не миновать. Под самое Рождество, когда стояли сильные морозы, в один из темных в южных вечерах Ех заблудился.

Искали его всей деревне. Ходили с фонарями, аж до самого леса. Кричали, звали, а так его и не нашли.

А уж Марья звала его, кликала, а сердце от боли надрывалось.

Наутро поглядели, а из трубы Мариной хаты и дым не идет. Прибежали они к ней, а она холодная.

Видно сердце материнское не выдержало и разорвалось.

Похоронили Марью по-людски. Всем селом проводили ее в последний путь. Родных-то никого, но люди, хоть и чужие, не нехристи какие-то, а православные люди. Крест поставили и помянули ее.

А как пришла весна и растаял снег, глядь – под развалистой сосной, что росла у хаты Марии сидит замерзший Ех.

Сумку свою зажал, а в ней сухари и высохшие уже пироги. Все что не давали ему сердобольные люди в честь праздника.

Стали ехать хоронить, и вдруг спохватились.

– А как же звали-то этого мальчика? Ну не писать его прозвище на кресте? Да и имя у него же было какое-то. Мария же называлась-то – сыночек, а по имени не называла?

– А как же Мария его называла?

– Да известно как: «любимый сыночек»! Как же еще...

– Ох, люди, люди! Да как же мы? Не спросили-то никогда у нее. Как звать, откуда они родом и племени, а как жили и выживали?

Посадили, повредили, поплакали да и похоронили. А песчаный холмик, крест с деревянной дощечкой поставили.

Она дощечке написали: «Любимый сынок»...

Прошло сорок лет...

И вот вспомнился из этой жизни случай нашей деревенской. И я написала стихотворение об этом случае. А теперь все просят прочитать это стихотворение и я читаю:

«Дурачок»

В нашей деревне юродивый жил
«Й-ох!» – это все, что он мог говорить
С торбой своей по поселкам ходил
Все что прятал и хлебца просил.
В жизни он больше не знал ничего
Так и прозвали все Ехом его...

Дети бежали за Ехом гурьбой
Хлеба никто не желал ему дать
И, отыскав его, плакала мать:
«Любенький, жалкий сыночек родной!»
И уводила беднягу домой.

Тихая, кроткая Марья была...
Кланяясь всем, незаметно жила...
Но заблудился он под Рождество
Как не искали, его не нашли
Сердце у матери разорвалось,
Люди чужие ее погребли.

А растопило сугробы весной –
Все увидали: помилуй уже Бог!
С торбой своею сидел под сосной,
Видно, замерзший нечаянно Ех.
Все спохватились, а как его звать?
Так и поставили в желтый песок
Крестик с дощечкой: «Любимый сынок».

Следующая статья называется: «Я пишу точно, как вы...»

– В последний день сентября мне посчастливилось быть в городе Барань Оршанского района на творческом вечере...

Он называется «Наш славути земляк». И посвящался 105-летию со дня рождения уроженца Барани, известного летописца, бывшего в 1967-м – 1971-м годах главным редактором журнала «Вожык». А издателям его этого журнала был заслуженный деятель культуры Владимир Иванович Корбан.

Я не скрою, что меня порадовало, что в этот холодный осенний вечер, актовый зал Дома культуры Барани был полон. Яблоку не было где упасть...

И приехали к нам в гости писатели из Минска, Витебская, Орни. И этот вечер стал очередным поводом для встречи представителей нашего общества, тех людей, которые не безразличны и уважающие свою историю.

И это чувствовалось во всех выступлениях вопросах. А после окончания вечера, началась активная подписка на журнал «Вожык».

Ко мне подошел читатель Бараньской библиотеки Борис Благовещенский, и подарил мне книгу свою, которая вышла недавно в издательстве.

А активные члены кружка библиотеки Людмила Фронцева поблагодарила меня: спасибо вам за ваши книги. Они нам помогают жить. Я тоже пишу стихи. И они у нас с вами чем-то похожи. И я пишу и как вы: «Правду и только правду!»

Признаюсь, что мне была эта оценка очень трогательная и искренняя до слез...

Таких непосредственных, живых и памятных встреч у меня давно не было.

Нужна пропаганда книги везде. В школах, домах культуры, в клубах области.

Да что тут говорить. До пятисот литературных презентаций и встреч, каждый год проводит только члены Витебского областного отделения и объединения: «Союза писателей Беларуси».

И это не случайно. В Беларуси, среди государственных приоритетов, на одном из ведущих мест, стоит забота о развитии литературы.

И именно поэтому, наше совестливое, искреннее и честное писательское слово, всегда будет востребовано нашим народом.

И всем известно, что писатель без общения с читателями, будет лишен ответной реакции, то может потерять литературный слух творца.

Но если судить по обилию наших литературных мероприятий, играет воспитательную роль.

Проводятся и книжные ярмарки. Осуществляются и серьезные литературные проекты. Особенно в дни белорусской письменности. И многочисленные встречи авторов с читателями.

Вот такой широкий диапазон... Но нужна еще и мудрая политика. А процветание любой цивилизованной державы, просто невысказано.

Но ведь есть люди которые не любят свое Отечества. Им нужна «могучая» экономика!

Но основой-то нашей жизни всегда: «было слово!» И только мысль и энергия мысли.

Поздним вечером, возвращаюсь из Барани в Витебск, я неотступно думаю о словах моей почитательницы: – «Я пишу точно как вы!» А разве это не высшая награда для писателя. Когда на встрече раздается этот резонанс.

Значит я живу на этом свете не зря! Пережитая моя жизнь и проживаемая, выжимает из меня эти строки. И не зря, потому что они конкретные и адресные. И вполне поддерживают мою жизнь. Жизнь поэта и писателя.

И уж совсем не зря, что мы ездим по городам и весим, наши неутомимые труженики-литераторы. Они на транспорте доезжают до библиотек и домов культуры и... дарят свои книги.

Важную миссию выполняют и библиотеки. На них на наших соратниках и помощниках лежит огромный труд по представлению площадок для встречи: «инженеров человеческих душ» с народом.

Когда я сажусь за письменный стол, то просто не могу не писать предельно честно. Вспоминая светлые, наполненные благодарностью и верой искренние глаза дорогих мне читателей, безмерно любящих свой «родны Кутоган», то чувствую рядом словно, живущих светом любви и надежды на родной земле.

Вообще-то литературная честность в литературе, я убеждена в этом и есть ее ценность!

Писать надо только правду. Но писать так, чтобы в итоге прочитав самую горькую истину о жизни, то читателю хотелось бы жить. Жить и восстанавливать добро и любовь и известно же: – «Возрождаясь и спасая самого себя, спасаешь весь мир!»

После этой фразы Тамара Ивановна стала писать стихи и написала почти без малого около четырехсот стихотворений.

И этот стихотворный сборник она назвала кратко и четко: «Встреча».

Чтобы читателям, хотя бы одним глазком прочесть эту объемную книгу – времени не хватит.

Но я приведу только для уважаемых читателей несколько ее безумно интересных стихотворений.

Итак «Встреча».

И одно, почти первое стихотворение ее:

– «Что думаешь ты?»

Скажи мне, что думаешь ты мой попутчик
Об этой метели? Не видно ни зги...
А чем ты молчишь? Может было нам лучше
Рассвет подождать? Лошадей распряги...

Ямщик, слава Богу, мы на перекрестке
Останемся в теплой избе ночевать!
Пусть буря утихнет. «Погоние» версты
Пришлось – нам пол жизни – преодолевать.

Кого только мы с тобой не подвозили:
«Озлобленных лузеров, с язвой в груди»
Тупых себялюбцев... Завистники злые
Нам мстили, за то, что мы с ними в пути.

Делились теплом своих песен и хлебом.
Порой отдавая последний кусок.
Но, необъяснимая злоба, под небом
Растет, как лавина... И – пуля висок.

Направил обласканный раньше твой близкий...
За что? Не за что. Потому что – чужим
Он видит тебя, потому, что прописка
Теперь не роднит на земле... Едок дым.

Горящих костров и заживают со света
Любви и идеалы и дружбы святой
Но все же после ночи – приходят рассветы
Сквозь сердце, сквозь... Сердце... Ведь мир этот мой.

Следующая стихотворение называется: «Пришли времена».

Пришли времена: обступают нам маски, на лица
Предательство – нормой считается, доброе – злом
И силы иссякли, осталось одно лишь: молиться,
И биться со злом, что уселось за нашим столом.

Унять свое сердце, чтобы слова не знало: «Изнамена»
Мы жизнью своею построили наши пути
Мосты и дороги хранили, идущим на смену,
Но смена пришла, и спешит уничтожить мосты.

Беда, коль вандалы глумятся над войнам павшим.
В бою за Отчизну, и верой уже за спиной.
А «наши-то», где? И вокруг почему-то «не наши»
И дом разделился на части, мой дом – не чужой.

Как выжить, не сдаться, ведь если не вор ты, то жертва
И коль не подлец, суждено тебе жертвою стать.
Она только держит так крепко еще среди смертных,
Что я не успела всю правду о жизни сказать!

Следующее стихотворение Тамары Ивановны называется: «Балерина».

Ах, взлеты, белых колоннад,
Столицы людный свет:
Была Москва, Большой театр
И мне – двенадцать лет.

Я косы в банты заплела,
В мальчишеских ботинках,
Нет не было других – была
Нелепую картинкой.

Салюты люстр и все в огне...
Лишь горько я страдала.
Утенком гадким – в глубине
Сиятельного зала.

Не слышно занавес исчез:
«Вероне – в ливне Света,
И к нам, сошедшие с небес:
«Ромео и Джульетта»

И вот я сними, я – она
Забыв про все на свете
Была в театре я одна

Из зрителей, в балете
Не понимая ничего
Мудреных «па», «ценитель»
Да только что мне до того?
Невидимые нити.

Лучей чарующий поток
Из музыки и света
И я – в пуантах... на носок
Тянусь струной... Джульетта.
Летит, спешит, и кисти рук
Из высоты роняет

И в ночи, бросившись к отцу,
Рыдает, умоляет...
О как легко и больно как
И сладко в превращенья

Купаюсь птицей в облаках
Любви и восхищенья...
Потом из самой высоты
Не падаю, бросаюсь.

Аплодисменты и цветы!
Но светел зал, встают ряды
Я в комок зажимаюсь!

Следующее стихотворение Тамары называется: «Переведи меня».

Переведи меня через большак,
Что по-отцовски вел меня по жизни
По юности... Там было все не так:
Там праздник был. Теперь все больше Тризна.

Прекрасный путь лежал в мое село,
Где первый крик мой врезан в бытие
И на рассвете дали мне в нем
А туда я, судьба и все мое.

Там голос нежный и родной до боли
Летит и тает, это голос детства.
Сливаюсь с шумом трав, берез и поля
Он превращает в песню мое сердце.

Там было все и первая любовь,
И первый поцелуй сжигал, как пламя
Предательства непостижима боль,
И гибель сына. И могила мамы...

Там было все: служение и долг.
И Родины посмертные награды
Отцу и брату. А тому, кто смог,
Дожить и выжить, обещали радость.

Стою под небом, но – оглушена:
Понять пытаюсь, и не понимаю:
Такой была огромная страна,
Где большаки мои, теперь не знаю.

Переведи меня через большак,
Переведи...

Следующее стихотворение Тамары Ивановны называется: «Дядя Ваня».

Мой дядя Ваня, Мамин брат родной
Лег в землю города Варшава
В конверте треугольном: «Как герой
Почил, мол» – им письмо прислали.
Так и хранится тот с войны «привет»
До Дня Победы – месяц был всего-то.
Трем сыновьям, и (он не знал) на свет
Дочушке народившейся четвертой.

Мой дядя Ваня допустить не мог,
Чтобы взорвали польский город древний.
Он жизнь отдал, но уберег
Варшава... Без него теперь деревня

На Брянщине... Нет сына плачет мать
Дом опустел за лесом Вин-да-Вином.
Кто и когда стал странно называть
Родной лесочек? В том дяди неповинен.

Вдова, одной, как деток поднимать,
Как уходить, вспахать, засеять ниву?
Побитой на смерть, где ей силы брать
Для жизни с горькой долей сиротливой.

Не думал дядя Ваня... Разве мог
Он думать среди боя под Варшавой.
Горела, уходила из под ног
Земля... Он шел на пулю – не за славу...

Не за богатство шел, а за страну
Не помня даже что страну чужую
Он был солдатом, в огненном бою
Он шел вперед, за Родину родную!

И не забудет Родина его,
Не зря он шел в огонь, на бой кровавый
Мой дядя и посмертно – не «герой»
Но он, и те, кто с ним спасли Варшаву.

Следующее стихотворение Тамара Краснова назвала: «Обо мне еще молится мама».

Круг семьи многолик
И прекрасен –
Я за сына молось,
Он – над дочкой дрожит.
А она по тропинке
Беспечно бежит,
В дом влетает...
Как взор ее ясен!

Зарастает черемухой
Старый овраг.
Травы тянутся к свету упрямо.
Я спокойно живу,
И бессилен мой враг,
Обо мне еще
Молится мама...

А вот следующее стихотворение она назвала кратко: «Дед».

Руки сложены в замочек
Подбородок прям и сух
Из-под бровных дуг – не очень
Взгляд, чтоб добр и чтобы скуп...

Он скорее – мудр и светел.
Все видал и все он знал.
Но про все на этом свете
Так он мне не рассказал...

Что сказать и так все ясно:
День – мгновение, ночь – длинна.
Жизнь горька, но так прекрасна
И что главное... одна!

Коротка... А как длинна-то...
Еле ноги волоча...
Дед вокруг обходит хату,
Полегонечку ворча:

«Дров опять не на кололи
И воды не принесли
За коровою на поле,
Кабы встрянуть, не пошли...

Лежебокая порода,
Что Емеля на печи.
Им погода, не погода,
Знай стирают кирпичи...»

«Что ты, деда, все мы в поле!
Зря ворчишь, с утра в лучах.
Воля сельская – в неволе,
Заблудившая в полях...

По росе – слезе, по пашне
По траве по борозде...
Новый день и день вчерашний
Наш, как в крепости, в труде.

Не ворчи не обижайся,
Ты и сам был молодой.
Угодить, хоть не старайся,
Не получится... Такой»

Уж закон: отцы и дети
Вечно в споре меж собой.
Но – родня! Нет в целом свете
Связи – крепче родовой!

Следующее стихотворение называется: «Дорога к маме».

Ты ждешь меня мама я знаю,
И снова к тебе уезжаю.
Дорога вся – яма на яме
Раз тысячу пройдена нами.

Все наши с тобой расставанья
Омыты твоими слезами.
Я говорю на прощанье:
«Мы скоро вернемся, мама!»

И через дней десять вернусь я,
Ну что тут до Беларуси.
До Брянска? Стоим под Лиозно,
Приедем, таможня, поздно...

Ты ждешь у окна, ты слышишь,
Как где-то скребутся мыши.
Как падает лист с осины.
Тревога – невыносима.

Ну ждать ты не уставала...
И мы все пути долгожданны
Сквозь снег и дожди и туманы
Живи моя милая мама...

А мы ток чем роскошные травы и косим
И рвем и бросаем. Их к небу возносим
Хрустит изумрудное пламя и гаснет...
Но нет тут укора. Нежны и прекрасны.

И как дорасти до того совершенства?
Явилась природа и сразу блаженство
Как травы поют по полям и по весям
А вечер по яблоням свечи развесил!

Как лунными искрами плачут березы!
И как иволга плачет и шепчутся ночи!
Как тайную тайну поведать нам хочет!
Неведомый кто-то: «О, как вы богаты!»

У боли за Отчизну нет конца
Она и жизнь моя и приговор.
Ее я получила от отца,
Но с ним мой не закончен разговор.

Нет утolenия боли нет конца
И ненасытен яростный костер.
Какие он испепелял сердца,
Какие горы он в озера стер.

Озера слез, где небо в глубине
Всей ласковостей синью, вместо дня
Так манит, но не верь голубизне,
Там гибель ждет. О, как она сильна.

Земля напьется талою водой.
Трава дождями жажду утолит.
Зерном нальется колос золотой.
И лишь моя душа не отболит.

Следующее стихотворение Тамары Ивановны называется: «Памяти матери».

Моя мама идет
По дороге из ясного света
Над садами вишневыми
Пеной кипящими сплошь.

Далеко, высоко!
И зови, не зови – не вернешься.
Моя мама идет
Через сердце, когда оно рвется

И спасет от боли
Как ангел, коснувшись крылом.
А откуда те крылья?
Откуда и радость берется

После каждого сна
Где мы с мамою за руки идем.
Все что есть у меня –
От тебя моя милая мама.

Все что детям отдам –
От тебя, от тебя.
Ах, как зелень шумит
В этом мае, как машет крылами,

И как жизнь матерей
Коротка и сурова судьба.
Мама! Что ж ты уходишь!?
А яблони в мае все гуще.

Белым снегом горят!
Неба колокол бьет надо мной.
Почему, почему...
Это тропка – все круче и круче.

По которой иду?...
Я иду, знаю я, за тобой!
Как жизнь несется!
Юность отгремела.

И тело непослушное с годами
Но только ты скажи мне
Что же делать мне с душой:
Она еще такая молодая?!

И рвется в небеса и счастья просит
И знать не хочет возраста, чудачка
Так небом поэзия возносит.
Ее то звезды манят, то заплачет, то поет.

Следующее стихотворение Тамара назвала: «Маленькая поэма».

А чем я узнала,
Прожив на белом свете
Полвека очень долгих
Таких коротких лет?

Узнала, что дружба
Бывает настоящей.
Когда между друзьями
В помине денег нет.

Узнала, что веком
И прошлым, и грядущим
Владеет все жирующий
И «золотой телец».

Все больше притворяются,
Что слушают и молятся,
Но Бога не познавшие
Во тьме глухой живут.

Узнала, что сильнее
Любви и бесконечнее
На свете все ж является
Глубокая печаль.

Узнала, что страдания
На свете не кончаются
Для каждого живущего
Пока синее даль.

Увидела усталость я
Такую безысходную,
Глубокую и жуткую,
Что к смерти привела.

К спасенью, избавлению,
Единственно надежному,
К тому же, за которое,
Не надо и платить.

Изведала предательство,
Потом и зависть с подлостью,
Которые взлелеяла
На собственный груди.

Узнала, что лишь матери
На свете настоящие
И вечно бескорыстные
Источники любви.

Вкусила горечь горькую
Что горшая из горечей
Когда дитя родимое
В могилушку легло.

Еще узнала мудрость я –
С печалью жить не следует,
Она отравит долю ту,
Что выдал тебе Бог.

А Бог дает на радость дни
И не велит печалиться.
Какие б испытания
Не подносила жизнь.

Узнала я, что каждый день
И каждый миг дарованный
Нельзя в уныньи, глупости,
В безволии терпеть.

И вот еще узнала я,
Что далеко не каждого,
Назвать можно читателем,
Кто выучен читать.

Следующее стихотворение Тамары Ивановны называется: «Совершенство».

Я – пчела, я – обычная пчелка.
Надо мною гудят небеса.
Ни преград, ни запретов и только
Все мое – и луга и леса.

Всех чудес я царица на свете:
«Ароматов, оттенков, красот...
Поцелуями рыцарь мой, ветер
Скажет мне направленья полет.

Всяк цветок, для меня раскрывает,
Вольной чести, всю душу свою.
Без меня он любви не познает,
Я пыльюю у ее напою.

Летаю, летаю, летаю...
От зари до зари – благодать!
По крупичам я мед собираю
Чтоб потом, весь до капли отдать.

Но а если кого я кусаю,
То за это всегда умираю.
Холодает, холодает, холодает
Пелена дождей.

Улетает, улетает улетает,
Стая журавлей.
Подступает, поступает
Гулкая печаль.

Опадают листья, опадают
И все дальше – в даль!
Стихи растут как камыши.
На берегу в такой тиши.

В такой дремоте и глуши.
Где бродит тихий звук: «Пиши!»
И через зеркало воды,
Как через тонкий слой слюды.

Проклонувшись едва-едва
На белый свет ростки-слова
Отринув ночи пелену, листва
Еще заезда из высоты.

Хотят увидеть, как едва,
Проснувшись, удивишься ты.
Стихи стучаться отвари,
Со мною вечность говорит.

И встречу их солью и хлебом.
Из глубины ночного неба.
Пусть спят, кому даются сны,
Восторг осмыслен у весны.

А мне дарован праздник этот,
В океане любви и света!

Следующее стихотворение назвала Тамара Краснова: «Страсти по маме».

Прощения просить пора пришла
И вот покаюсь в каждом бывшем дне
Где память цепко держит в тишине
И выдаст мне то, что нажила

По капле по глотку, а то волной
Что захлебнусь сшибет и задохнусь
Не распластала крылья под тобой
Стеной не стала, каюсь и молюсь.

Да как от жизни можно защитить?
Огромная она, на то и жизнь.
Чтобы для нее мгновенной быть
И, как рентгеном, смертью осветить.

Но ты приходишь с болью всякий раз
Когда неверно сею я шаги
И слезы льются ночью с моих глаз
Упала ниц, прошу: «Мне помоги!»

Наверно жить не смею я в тиши
Законов, правил и моих постов
Костры сжигаю на помин души
И чувствую опять она – любовь!

А девочка сидела у окна
И всю ее пронизывало солнце
Просила краски, кисти, полотна
Мгновение, что вдруг и оборвется.

А девочка глядела из окна:
Там убегая в небо шла дорога
Казалось – что ей даль была видна
Всей жизни, до последнего порога.

И вся она, как первый лепесток
Проклюнувшийся в марте из-под снега
А взгляд от горя и от бед далек
И всю ее охватывает нега.

Лес в дымке, в поле колошение ржи
И первых молнии, первых громов грозы,
Речка за околицу бежит
Еще бежит, а завтра заморозит.

И вот зима, потом весна
Растопит лед, опять нахлынет осень
То золотом, то горечью – сполна
Она и озарит и в пламя бросит.

И матери молитва в тишине:
«Угодник! Чудотворец Николай!
За все прости, но пожалей
Моей кровинки в этой жизни дай!»

Вот она материнская забота!

Но очень интересное название придумала Тамара Ивановна: «Моя
мама рождения ждет моего...»

День рожденья придет, я на свет появлюсь!
Только как на земле я тогда появлюсь?
Ты ведь не знаю я, что там да и как
Есть ли свет и тепло, а быть может и мрак.

Вечность там? Или нет, не пойму
Вдруг там ждет меня боль или смерть? Почему?
Непонятна уму даже малая мысль
Если смерть, то зачем эта жизнь?

Мама спит под луной... Я плыву среди звезд...
Что там будет со мной на земле вот вопрос?
Никогда и никто не вернулся назад.
Кто мне скажет о том, что там люди творят?

Что волнует людей что уже родилась?
Может быть никогда не кончается жизнь?
Может снова мы к звездам вернемся летать...
Чтоб на землю вернуться однажды опять?

Может слезы и горечь в твой жизни даны
Чтобы Бога нашли мы? И были верны.
Всем заветам Его всем обетам Его...
Научусь не бояться нигде ничего?

Я пока не рожден... Я не знаю Его.
Моя мама рождения ждет моего...
Жила, накапливала жизнь
Училась говорить.

Пришла пора – слова мои,
Как дождик майский лить.
Нести широкою волной
Над синим глубиной.

Речной, озерной и морской...
Как снегопад зимой –
Нырять снежинками в луга,
Где изумруд – трава.
И по рябинам зажигать,
Кровиночки – слова.

А что сильнее и верней,
Что долговечней и родней?
Что было на заре тех дней,
Когда вода плыла в тумане...

И дух носился среди мглы,
И ни начала, ни основы...
Ни звезд, ни неба, ни земли...
Что было раньше? Было – Слово!

И сила по сию пору
И власть ему дана такая!
Скажи мне «нет» и я умру,
Скажи мне «да» и я летаю.

И если мир поэту не поверил
Но принял дар пророчества его
И свет пропал... И все закрылись двери.
«И... Тьма над бездной», только и всего.

А музыка живет под этой крышей
И только лишь слепой ее не слышит
Мелодию хозяин сочиняет
Любимая в тетрадь ее запишет.

А дочь потом разучит и сыграет
И клавиши волшебной синей птицы
Коснуться пальцы... Кто-то зарыдает,
А в ком-то жизнь, как сказка повторится!

Молодой было, ретивой
И строптивую такой.
Как теперь собраться с силой
И исправить все самой.

За обиды все – прощения
Мне успеть бы попросить.
И о даже мысль о мщеньи
Горько плакать и молить...

Гордыню покаянием,
И смиреньем излечить
Завтра встречу ранько ранней
На молитву... Надо жить.

Ангел-Хранитель всегда за спиной
Как же устал-то он оберегать
Что за характер упрямый такой.
И не утешить его, не унять.

Где уступить, бы, о где промолчать?
Но не жалея своей головы,
Метко умела в огонь попадать,
А из огня – прямо в пламя, увы...

Ангел! С тобою мне так повезло!
Как терпеливо справляешься ты?
Как успеваешь исправить все зло –
Как же ты видишь-то все с высоты?

Что же уходишь? Понятно. Прощай
Что с меня толку? Сплошные грехи.
Только мгновение не отнимай,
То что на рассвете приходят – стихи...

Ах, какими озерами, реками плыли!
Как над миром горела Заря!
И не рыбу, мы счастье руками ловили
Хранителя Ангела – благодаря!

А какие над лесом пылали зарницы!
И огромные звезды застыли в ночи.
Как хотелось мне сразу влюбиться!
Но от счастья немея, шептала – молчи.

Помолчи, не спугни эту тишь эту нежность.
Затянуло туманом вокруг
И дыхание ночи таинственно нежной
Очертила от радости быстренько круг.

Вот опять оборону держу на земле
Что оттаяла мягкой прелью
И мой сад-огород а живет по весне
А я битву свою начинаю в апреле.

Копать, поливать и рыхлить и сажать
Но ведь кто и буркнет: «Морока!»
Но мне нужно хоть как-то и устоять
Свою душу сберечь ненароком.

Берусь за лопату знакомым рывком
И землю копаю и пью безоглядно
И выходить смертно больного тайком,
От вражьего и вездесущного взгляда.

Холодный березовый сладкий квасок
Сама заводила – с изюмом и медом.
Под яростным солнцем темнеет лесок,
Полком выступающим вдоль огорода.

Я выживу страшным болезням назло
В землянке на свет родилась я не даром
Земля, моя, как мне с тобой повезло!
Ты все мне дала! И навеки! И – даром!

Ах, эта синяя река,
Так холодна и глубока...
Как глубоко, голу-бо-ока...
Она несет нас далеко...

И это только сразу страх
А лед как пламя на губах.
Когда перешагнем поток,
Тогда перешагнем порог.

А дальше вечность, дальше сон
Для каждого наступит он.

А Тамара Ивановна как раз и преподнесла сюрприз. Она написала еще одно стихотворение которая называется: «Сон».

Горло сдавило... Болото и лес.
А такое желание жить!
Губы в крови и дыхание со свистом
И мне хочется, хочется пить!

Выпить бы каплю одну из ручья.
Очень уж сладок, хотя на бегу
Только погоня близка!
Но преклониться к ручью не могу

Жажда сжигает, сил уже нет
Нету сил, нету сил
Господи, Боже! Спаси меня!
Раненый пленник просил.

Неба достигла молитва.
Была она так горяча
И пуля мимо прошла просвистев
Мимо сердца, плеча.

Сталью вонзилась
В березово-клюквенный мох
И он упал меж корнями,
Бежать уже больше не мог

И проскочила погоня,
Прошла через готь, в темный лес
Дальше и глуши до выселков
Выскочить на перерез
Небо купалось отчаянно в наших глазах
Я беглецом этот сон прожила
И залилась в слезах

И вот еще одно стихотворение Тамары Красновой: «Голос сына».

Не надо горевать, я там, где нет старенья.
Не потревожу даже Ваши сны
Что были обо мне воспоминания
Светлей чем самый чистый день весны.
Но больно мне, душа не знает тленья
Теперь навек – красивый молодой,
Всего, достиг я за одно мгновение
Проблемы все ушли... А здесь – покой.
Все суета... Не плачьте, улыбнитесь.
Любовь цените в каждом новом дне
Все тления без любви, к нему не рвитесь...
Вы приходите с радостью ко мне.
Ваш Павел.

Отпечатано в авторской редакции с готового оригинал-макета заказчика

Подписано в печать 03.08.2022 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая. Заказ №876.
Уч.-изд. л. 8,25. Печ. л. 8,25. Тираж 25 экз.

ТИПОГРАФИЯ ООО «ГАЛАНИКА»
г. Санкт-Петербург, ул. Правды, д. 15.
Тел.: (812) 670-56-88, galanika@list.ru, www.galanika.com